

РОССИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

(опыт практического
философско-хозяйственного
концептуализма)

Под редакцией
Ю. М. Осипова,
Е. С. Зотовой,
Н. П. Недзвецкой

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Экономический факультет

РОССИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

(опыт практического
философско-хозяйственного концептуализма)

*Под редакцией
Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой, Н. П. Недзвецкой*

Москва
2020

УДК 330.3
ББК 63.3(2)6-7
Р76

Редакционная коллегия:

д.ф.н., профессор *Ф. И. Гиренок*; к.э.н. *Е. С. Зотова*;
к.э.н. *Н. П. Недзвецкая*; д.э.н., профессор *Ю. М. Осипов* (председатель);
Т. С. Сухина; *Т. Г. Трубицына*; д.ф.н., профессор *Н. Б. Шулевский*

Р76 **Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма) / под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой, Н. П. Недзвецкой. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. — 152 с.**

ISBN 978-5-906932-43-3

Идеология — не выдумка правителей, основателей религий или тех же революционеров, это органичная человеку и его бытию атрибутивная идейно-смысловая данность — ценностная, ориентирная, ведущая. Не претендуя на решение сложнейшей бытийно-исторической задачи, монография служит осмыслению актуальной воззренческо-функциональной проблемы, предлагая лишь некоторые первичные подходы к этому.

Для всех, кто предан России, не равнодушен к ее бытию и судьбе, кто думает не только о каждодневной обыденности, — профессиональных гуманитариев, общественных и государственных деятелей, иных граждан РФ, а также заинтересованных лиц из зарубежных стран.

ISBN 978-5-906932-43-3

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Россия — Идеология — Россия (Ю. М. Осипов)	5
Раздел I. Россия и идеология	8
<i>Ю. М. Осипов</i> Российская идеология для России, или Россия как идеология	8
<i>Ф. И. Гиренок</i> Куда делась свобода?	21
<i>Н. Б. Шулевский</i> Россия как идеологический феномен.....	24
<i>В. К. Королев</i> Идеология в России: от «идеократизма» — к «идеологемизму»?	33
<i>Н. П. Недзвецкая, А. А. Поздняков</i> Проблемы идеологической политики России: прошлое и настоящее	40
<i>В. И. Мунтиян</i> Россия и идеология	49
Раздел II. Идеология и жизнь	58
<i>С. С. Слепаков</i> Детерминация экономико-хозяйственной системы: идеология vs смыслы и реалии	58
<i>М. Л. Альпидовская, А. М. Цикин</i> Господствующая идеология vs отечественная экономика: возможно ли развитие?.....	65
<i>А. В. Кузнецов</i> Новая «биполярность» как фактор соревновательного бытия	75
<i>А. Н. Клепач, О. В. Доброчев</i> Призрак нового человека	83
<i>В. Я. Иохин</i> Столкновение идеологий и поиски собственной идеологии	88

<i>И. Г. Шевченко</i>	
Страна невыученных уроков.....	97
<i>И. Р. Бугаян</i>	
Рудименты ростовщической идеологии банковской системы РФ: причины, последствия, меры их устранения	103
Раздел III. Идеология как идеология	107
<i>В. В. Кашицын</i>	
Идеология как смысловой поиск солидарного образа будущего	107
<i>И. А. Горюнов</i>	
Идеология — инструмент создания привлекательного образа будущего	114
<i>М. А. Румянцев</i>	
Достоевский как актуальный идеолог	124
<i>Т. Н. Юдина</i>	
Россия как идеология и трансисторическая идея в контексте телеологии, метафизики и философско-хозяйственного концепта.....	132
<i>Е. В. Шелкопляс</i>	
Идеология как системное явление	140
Вместо заключения. Идея — Россия — Идея <i>(Ю. М. Осипов)</i>	151

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

РОССИЯ — ИДЕОЛОГИЯ — РОССИЯ

Идеология любой устойчивой, хотя и изрядно меняющейся, страны — это ее глубинное (архетипическое) и текущее (событийное) самосознание, идейно-смысловая нагрузочная весть, которая непременно присуща стране и с которой страна бытует, мало того, которой страна буквально живет — как именно *эта* страна — и которая буквально держит страну — как именно *эту* страну, даже ежели сама *эта* идеология не получает какого-то более или менее внятного словесно-понятийного, концептуального, парадигмального оформления. Идеология страны — не явное лого-рациональное целое, а более всего неявная идейно-смысловая, этическая и поведенческая данность, занимающая — как дух — социогуманитарное пространство страны и которой страна, органичное ей население, вольно или невольно, осознанно или бессознательно руководствуется в своей нескончаемо текущей экзистенции.

Без органичной стране идеологии, пусть четко и целостно не сформулированной, нет и не может быть никакой страны, никакой цивилизации, никакого государства и никакой животворящей экзистенции.

Есть, разумеется, и своя идеология у России — как исходная идея, как глубокий концепт, как действующая парадигма, что и не требует доказательства, коль скоро Россия бытует в веках и распростерлась на пол-Евразии, пусть и не с такой мощной людской насыщенностью, как Европа и Азия, но все-таки исторически бытует и геомасштабно наличествует, да еще и как идейно-смысловая альтернатива что Западу, что Востоку: тут уж есть явные свидетельства бытийно-исторической действенности, если не экзистенциальной эффективности, глубинно-архетипической и явленно-деятельской идеологичности России, вполне своеобразной, вовсе не такой уж, как кому-то кажется, примитивной, хаосной и нелепой.

Ссылка на идейно-смысловую православность России хороша, но ведь не одна Россия на земле православна, тем более христианна, да и сама Россия не только православна, но и исламна, и буддийна, и чудейна, и язычна, отчего получается, что есть *что-то*, что выходит за рамки религиозных идеологий и что держит в веках и в пространстве Россию как Россию, да-да — именно *как Россию* (!), а не как Европу или Азию и даже не как Евразию.

Есть он, есть — какой-то таинственный идейно-смысловый инвариант, Россию делающий Россией и удерживающий Россию как Россию, который, увы, трудно, может быть, логически рассудительно понять, но как несомненный факт признать все-таки можно, — *есть!*

Уместно сказать, что это — *русскость*, и вряд ли это будет ошибочно, ибо в реалиях так оно и есть — *русскость*, да вот что это, опять же, такое — вопрос! — столь же навязчивый, сколь и безответный!

Можно, в общем-то, вполне удовлетвориться этим утверждением, как и добавить, что Россия вместе со своей русскостью, против которых в реальном бытии-истории ведется, хотя и неравномерная, но непрекращающаяся борьба (что извне, что внутри), — всего-навсего *не-от-мира-сего-феномен*, отчего ни умом его не понять, ни легко и надежно в него уверовать, о нем и его идеологии говорить надо хотя бы потому, что Россия, повторяем, самобытна и особенна, что это не Европа, не Азия и не Евразия, а именно Россия, причем, как свидетельствует реальность, *сама-себе-Россия*, хоть и европейна она, и азийна, и евразийна, и вообще всякая, но... как была, так и остается Россией, даже и под марксистским (советосоциалистическим) прикрытием, и под нынешним глобозападническим давлением, не говоря уже обо всех прошлых ударных на территории России трансформационных деяниях.

А что сегодня? Кое-кто в России настойчиво убеждает нас — россиян, русских, русскоязычных, что никакой особенной России, то есть России как России, нет и быть не может, что мы — Россия и россияне — должны быть как все — из лучших, разумеется, хотя под этим «из лучших» понимается почему-то глобозапад во главе с США, а потому и никакой у России собственной идеологии нет и быть не может, она попросту России не нужна. Правда, при этом почему-то и зачем-то активно внедряется в России и в Россию колониального замеса глобозападнизм с образцом в виде США, да ладно бы в экономику и технологию, а то ведь в гуманитарную культуру, в социальную сферу, в образование, в то же здравоохранение, которые, прямо скажем, от этого нынче вовсе и не такие уж здоровые и не столь уж охранительные, а, наоборот, весьма больные, вредоносные, разлагающие.

Короче, современная Россия, как и любая другая, тем более — державная, страна, заслуживает и должна иметь адекватную себе страновую идеологию, вкупе с которой ей не то что проще и удобнее быть, а быть именно Россией, самую собою, веря в себя, свое будущее и в свое предназначение на этом земно-космическом свете, которое, кстати, судя по историческому опыту России, вовсе не сводимо к выгоде и удобству, а, наоборот, полно сложностей, испытаний, страды и страданий, еще и несурзностей разных, в общем — потаенной неизвестности, несбыточных надежд и невозможных свершений. Россия идет к какой-то невероятной и непредсказуемой

цели и, судя по падениям, вывертам и взлетам, все еще выпадающим на ее долю, идет — к чему-то *иному*, для сего света к чему-то и несусветному, точнее же — к *иносветному*, а вот к чему конкретно — кто ж это знает?

Итак, Россия — это большая, очень большая страна, страна — мир, страна — великодержавный субъект, однако ничего от себя миру земному не навязывающая, хотя и страна по духу и устройению своему имперская, государственническая, с централизованным правлением и служивым населением, переживающая от мирового контекста всякое — немало нужного ей и для нее полезного, но при этом и в избытке ей ненужного и для нее враждебного, что заставляет Россию хотя и не закрываться насовсем от внешнего мира, но всегда быть начеку, рассматривая себя как виртуальную крепость с контролируемым входом и выходом, а также не забывать о своей мобилизационной способности и о своем умении за себя постоять, хотя и попадает она иной раз по своей неотмирности в сиюмирный просак, а потом из него жертвенно выпутывается.

В общем, не страна, а казус, не бытие, а недоразумение, не история, а зрящность — как многим в самой России кажется, а все равно ведь стоит Россия, подвижничает, лезет по невидимой лестнице ввысь, подогреваемая снизу своей жуткой преисподней. Страна — парадокс, но кто в мире, скажите, свободнее идейно-духовно коренных россиян, кто более жаждет *иного*, кто более всего его достоин? А *иное* — это вовсе не технотронное постчеловеческое постбытие, несомое в человеческую экзистенцию Западом и весьма уже подхваченное Востоком, — это что-то совсем другое — не знакомое пока обыденной Россией, но зато чувствуемое Россией глубинной: не зря же она — эта странная страна — вообще существует, бытуя в веках и располагаясь на широких евразийских просторах, мало того — на крайних северах в обнимку с Арктикой и на запредельных югах в союзе с Антарктикой.

Нет, Россия не для одной только России, она для всего мира, для всей планеты, для всего космоса: крепость, конечно, но ведь и сборный обще-земный пункт, и опорная для человечества платформа, и большая для землян надежда — как раз для *Иного!*

И такая вот уникальная страна, да без своей идеологии — нонсенс какой-то!

Есть она — идеология России — и должна быть, как есть и должна быть сама Россия, — факт!

Стоит, как видно, заинтересованно порассуждать на сию непростую тему, что и делается в меру сил в нижеследующей монографии.

И это, заметим, только начало!

РАЗДЕЛ I

РОССИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Ю. М. ОСИПОВ

РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ РОССИИ, ИЛИ РОССИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ

Вполне сформировавшийся, пусть и по воле Божией, и, как видно, по своей собственной инициативе, человек, то бишь человек осознанный, с сознанием, человек-сознание, оснащенный словом, языком, мыслью, всегда не просто идеен, бытуя идеально, с идеей, посредством идеи, но и непременно идеологичен, имея внутри себя, для себя, от себя некую идейную сознаниево-экзистенциальную конструкцию, пусть и не слишком определенную, не очень стройную, вполне себе подвижную, изменчивую, но все-таки идеократическую конструкцию — *идеологию*: что личную, что групповую, что общественную, что мировую, что культурную, что государственную, что цивилизованную, что вероисповедную, что антимировскую и даже античеловеческую, ту самую идеологию, которой человек живет, которой руководствуется, с которой утверждает, нападает и защищается, с которой и по которой реализует себя, будучи как автором и актором своей идеологии, так и ее принадлежностью, послушным исполнителем, даже и рабом.

Идеология для человека и его сознания — опора, устав, регламент, руководство, в каком бы конкретном образе сам человек ни был. Человек, сознание, идеология если и не одно и то же, то уж разные ипостаси одного и того же — как раз человека. Человек — по жизни сплошная идеология, им воспринимаемая, созидаемая, изменяемая, а главное — незнамо как во многом и возникающая, то бишь вещь (от вести) трансцендентная, вовсе не всегда и не во всем самим ее носителем осознаваемая, однако в нем сидящая и его ведущая.

Идеология — действующее сознание, а сознание — реализующаяся непрерывно идеология.

Вне и без идеологии человека нет и быть не может, как не может быть человека как человека вне и без сознания. Даже бессознание, которое можно рассматривать как перерыв, приостановку, помрачение сознания

(как явление антисознания), тоже по-своему идеологично, пусть и бездновно идеологично (точнее — идеоаллогично), как и то же безумие, которое есть не что иное, как бунт, вспышка, взрыв, помутнение сознания, но что из того: там и там все одно — идеократия, пусть иной раз и теневая, мутная, черная.

Не только человек с его сознанием идеологичен (как носитель и реализатор идеологии), но и окружающие человека с его сознанием хомогенные (институциональные) образования (институты) идеологичны — и не только вследствие своего происхождения от человека с его сознанием, но и по причине своей, уже и собственной, и всюю работающей, пусть и работающей через человека и его сознание, идеологией — вполне, пожалуй, и трансцендентной.

Будучи сам идейным, идеогенным и идеократическим, человек бытует в идейном, идеогенном и идеократическом мире, так что тут — в мире человеческом — все не только пронизано идеями и идеологиями, но и полно их хаотической, хотя и не без островков стабильности, идейной динамикой, не брезгующей и борьбой, порою весьма ожесточенной и вовсе не единожды смертоносной.

И российский человек идеен, идеопродуктивен и идеократичен, и все вокруг него тоже, и сама Россия идейна, идеогенна и идеократична, не говоря уже о цивилизации, государстве, культуре, о тех же науках, философиях, религиях, театрах, СМИ и, разумеется, дворовых, площадных и тех же тюремных субкультурах.

Мир, с избытком начиненный идеями, идеологемами и идеологиями, в котором любая идеология не более чем частный момент, хотя есть в этом идеологическом мире и объемлющие большие идеопространства идеологии — вроде той же российской, как и той же идеоконструкции, пусть и не самой ясной, выверенной и строгой, но все-таки существующей под вполне уже сакральным именем Россия.

Если говорить об идеологии, или же идеологеме, под именем Россия, то речь может идти не так о сформулированном концепте, как о трансцендентно бытующем «самозарядном» самом-себе-концепте, который не так читать надо и формулировать, как попросту признавать и, насколько возможно осознанно, обозначать, учитывая наследие незапамятной и более или менее памятной истории России, вглядываясь пристально и проникновенно в сам феномен России — прошлый, настоящий и, возможно, будущий. Меняясь идейно-концептуально и так и эдак, Россия, вбирая в себя все идейно-смысловое текущее, отбирала, компоновала и сохраняла какой-то себе присущий идейно-смыслово-концептуальный инвариант в виде некоего внутри себя виртуального идейно-смыслового сгущения, некоего концептуального облачка, может, и некоего туманообразного призрака, тот самый инвариант, неодолимо присутствовавший и присутству-

ющий в феномене России (протоРуси — Руси — России), так или иначе воспроизводившийся во времени и обеспечивавший фактическое бытие России как именно России, несмотря на все внутренние страновые перипетии и внешние для России перипетийные обстоятельства и отрицательные влияния, хотя и России в разных во времени конкретных обликах, образах и ипостасях.

Этот-то инвариант особенно важен для понимания исторической практики России, включая сегодняшнюю и возможную в будущем практики, как и особенно интересен для совершения познавательного-объяснительного на заданную здесь идеотворную тему почти что и невозможной размыслительной операции.

Концепт России, уходящий корнями в доисторические времена — к Началу, хорош прежде всего... э-э... своим отсутствием, своей неизвестностью, оттого и неразрешимой по-людски тайной; он запечатлен своей... *неотмирностью*: Россия не просто особенна, как и все вокруг этнокультурные образования, она и в самом деле не от мира сего, ибо никак в сей мир не вписывается, хотя в нем и в веках бытует, Россия явно от мира *иного*, хотя она и в мире *этом* — как и само сознание человеческое: оно вроде бы здесь, на Земле, в мире зёмном, но от момента исхода из мира иного и до сего дня оно и там — в мире ином, куда, видно, и стремится в полноте своей окончательно вернуться; Россия как исходно иной, никому толком и не известный концепт, странная и даже страшная страна, держащаяся и удерживающая в себе несоединимые даже в диалектическое противоречивое единство крайности, среди которых вовсе не так Запад и Восток, хотя это и есть, как, с одной стороны, упорное неохотное полагание себя, а с другой — не менее упорное, но зато весьма охотное себя же отрицание.

Россия то ли прямо из бездны и по-над бездной, то ли сама она наполовину бездна, а наполовину ее — бездны — невозможное преодоление.

Задерживаясь в настоящем, Россия не живет настоящим, идеализируя свое отфильтрованное памятью легендарное прошлое и мечтая о своем отсепарированном свободным воображением утопическом будущем.

У России как бы нет настоящего, а ежели оно и есть, то как бы некое пролетное действо, даже и не особенно сливающееся с собственно Россией.

Россия при этом существует, она есть, даже и в настоящем она есть, но так есть, что надо еще отыскать ее, заметить, подтвердить. То, что происходит в пространстве, называемом Россией, — не сама по себе Россия, тут все сложнее и запутаннее, ибо много в этом пространстве творится нероссийского и даже антироссийского, не говоря о самой круто противоречивой России.

Идея России — мало того, что не в обыденной экзистенции, она даже и не в самой по себе России, ибо она более всего за пределами России, в планетарном мире, да что в мире — и в самом иномирье тоже.

Для чего вообще Россия? А кто ж это знает, ежели сама Россия не знает, ибо она где-то там — в закрытой для человека неизвестности? Да, конечно, Россия не избегает текущей зёмной обыденности, но ею она не живет, стремясь, несмотря на все житейские соблазны и конструктивные-де деяния, к чему-то и впрямь *иному*: то ли к когда-то в незапамятные времена бывшему, чтобы вновь с ним напрочь сомкнуться, то ли к еще не бывшему, но влекущему, чтобы замкнуть себя на что-то пока неведомое, но явно для России, а может, и для всего мира неизбежное.

Только Россия, видно, может, отрицая зачем-то себя, допускать в своем лоне цветущую буйным цветом свою противоположность — неРоссию и чертополошно процветающего своего противника — антиРоссию, поскольку изначальная идея России, как и ее глубинный концепт, не ограничивается, надо полагать, собственно Россией, а полагает некую сверх-Россию, как раз ту самую, которая выразилась и продолжает выражаться, в частности, в возникновении и бытии большой евразийской империи, исполняющей, с одной стороны, миссию укрощения амбициозного и агрессивного Запада, хотя его не просто в культурно-цивилизационном отношении признает, но и по-своему горячо любит — за умение красиво жить и плодотворно творить — новизну, хотя сливаться с Европой вовсе не желает, так и, с другой стороны, миссию сдерживания Востока, который она тоже признает, отдавая ему должное в части традиционной стойкости и непреходящего любомудрия, но примером для себя, не говоря о ему подражании, не считает.

Россия — не так место столкновения Запада и Востока, хотя это в некоторой мере и так, как место борьбы ее исходной иномирной парадигмы с текущей, обычно оснащенной неРоссией и антиРоссией, а потому и в целом не очень-то российской Россией, что достаточно рельефно просматривается во всей более или менее знаемой истории Руси-России: от норманнщины через византийщину и ордынщину до петроевропейщины, ленинобольшевизма с полуазиатским сталинизмом и нынешней глобозападнейщины. Выходит, что идея и концепт России и в самом деле включают в себя реализацию России в борьбе с самой собою, но в такой борьбе, при которой Россия, испытывая бесконечную страду и нескончаемые страдания, если не попросту выплески ада на своей земле, не без эсхатологического риска сохраняет себя, заодно и обороссиевая свою, пусть и не до конца, неРоссию и одергивая свою же антиРоссию. Мало того, из русо-российской заводи вырастает под давлением указанного многовекового борения какая-то, пока еще никак и не ведомая, будущая

Россия — как раз Россия, надо думать, последних для мира эсхатологических времен.

Если участь то важнейшее обстоятельство, что Россия не раз оказывалась, как оказалась, надо особо заметить, и сегодня, в эпицентре общемировых перемен, не говоря уж о евразийских такого рода событиях, когда течение бытия-истории как бы прерывается и обретает затем новый образ и курс, то можно сделать вывод, что у России есть еще и сверхроссийская, пусть даже и борческая, миссия, она же сверхмиссия — менять — не по своему, как правило, желанию — общемировое, или хотя бы евразийское, течение бытия-истории.

В общем, Россия как феномен бытия-истории есть не что иное, как *Россия-не-для-себя* — что внутренне, или эндогенно, что извне, или экзогенно, — тут и там все, что угодно, кроме процветающей ради самой себя единой, целостной, гармоничной, правильной и праведной России! И это еще без учета обычных социальных, присвоительных, имущественных и любых других экзистенциальных противоречий, охватывающих и раздирающих любое социохозяйственное образование по всему зёмному свету, пусть и с разной степенью охвата и раздора, как и с разными способами предотвращения, смягчения и подавления.

Живая, то бишь самореализующаяся, идеология России не может не учитывать всей вышеуказанной многоликости, полиморфности, полифункциональности и разнорудности России — России из России, отчего не только идеологическая разность, бытующая в России, объединяющая под одним покровом разные идеи и концепты, подходы и разрешения, причем не просто разные, а крайне разные, как было уже замечено, по-разному полагающие Россию и по-разному ее отрицающие, вплоть до, с одной стороны, неизрекаемой к ней любви, а с другой — велеречивой к ней же ненависти.

Вот почему все попытки навесить на Русь-Россию какую-нибудь более или менее стройную идеологию, обычно заимствуемую из преуспевшей в сем вопросе заграницы, оканчивались и ныне оканчиваются не то чтобы поражением, сколько... ничем: никак не удастся устроителям под себя, на свой взгляд и вовсе, как правило, не своей, строго говоря, России внедрить в нее какую-нибудь из вроде бы успешных за пределами России идеологию.

Глубинная Россия, хотя и позволяет текущей России попробовать на зуб и даже принять поначалу что-нибудь иноземненькое, вполне себе и разумное, и привлекательное, даже вроде бы и полезное, и эффективное, но... непременно со временем все это чудненькое почему-то отвергает, немало его при этом и перевирая, и искажая, и в конце концов выхолащивая.

В Россию, как заметил мудрый Ф. Тютчев, можно только верить, а мы вослед великому поэту заметим: трудно верить, почти что и невозможно, а... *надо!*

Вера в Россию и есть ее тайная идеология!

Отсюда и кое-какие вполне себе идеологические, отделанные, как алмаз, народные приоритеты вроде культа матушки-земли русской, ее бесспорной святости, необходимости ее защиты от воров окаянных, признания державности России, бескорыстного служения Отечеству, преданности Родине, склонности к соборности и товариществу («нашеству»), народоправству, признания царского, даже и самодержавного, правления, имперскости, государственности, гражданственности, приоритета общего над частным, чаяния социальной справедливости и личной честности, то есть всего того, что позволяет соединять несоединимое, одолевая хаос, гасить чрезмерную неопределенность, обеспечивать воспроизведение ударно вибрирующего иной раз бытия, в общем — реализовывать российскую — разноликую, разнохарактерную и весьма раздорную — экзистенцию, держать страну, сочетая прошлое, настоящее и будущее, если не в главном и не в едином, то пусть и временами в бурном, небезопасном и небескровном, в общем историческом потоке.

О какой же российской идеологии для и в пользу современной России можно сегодня говорить? Это в развороченной, прибитой и истерзанной реформой стране, пусть и относительно в пореформенном ключе стабилизированной, даже и весьма новотехнически оснащенной, немало и материально-потребительски обеспеченной, шоу-зрелищно даже процветающей, но при этом и в моральном отношении омерзительно падшей, расколотой на ряд не сводящихся в единое целое России вроде супербогатой, владетельной, успешной, деловой-де и страшно довольной собой высшей России и ей противоположной, кое-как держащейся трудовой, немало бедствующей, неудачливой, нищенской, маргинальной России — и все это в переполненной несправедливостью, коррупцией, обманом, лукавством, лицемерием, присвоительством, мздоимством, вымогательствами, злодеяниями, криминалом, — надо ли перечислять все подобные то ли родимые, то ли благоприобретенные, то ли сознательно нанесенные, то ли стихийно вдруг явившиеся на свет темные... нет, пожалуй, не пятна даже, а целые патологические язвы, да ладно бы лишь на теле России, а то ведь и в самой ее душе!

Ничего себе страна, ничего себе вера в нее, ничего себе и в ее пользу какая-то там идеология?!

Ясно, что ежели идеология для актуальной России, то идеология не так самого по себе бытия, даже и не так выживания, не говоря уже о совершенствовании, как *идеология спасения* — да, да, именно так: СПАСЕНИЯ!

Сидящая в глубинах народного сознания корневая, отточенная веками страды, страданий, поражений и побед, отечественная идеология хотя и отступила под давлением переворотных обстоятельств и насильственной антимировской и античеловеческой порчи, даже и скукожилась от потока обрушившейся на нее лжи, но не умерла и насовсем не исчезла, выручая и поддерживая ни в чем нарочито новеньком идейно-поведенческом не повинный люд, сохраняя в нем человечность, пусть и затруднявшую сему люду его гражданское, ответственное и достойное человека существование посреди разгулявшейся не в меру вседозволенности, произвола, безнравственности, несправедливости, как и массового бесовского помрачения — совершенно и идеологического, прямо в плане идейно-поведенческого оборотничества — от света к темени.

Нынешняя реформно-пореформенная власть, устроившая вполне себе крамольную дезидеологизацию страны, а точнее — проводя новую, направленную на расчеловечивание человека, вполне себе и кромешную, негативную идеологизацию населения, вдруг осознала всю взрывную опасность для себя самой и своих пореформенных адептов — новых владельцев страны, наличие дезидеологизированных, или по-новому идеологизированных, народонаселенческих масс, мало того, что немало стяжательно-монетарически настроенных, но и обойденных, обманутых, обиженных, униженных, оскорбленных, весьма уже и по-новому криминализированных, принялась лихорадочно за позитивную, но лишь для нее допустимую, идеологизацию населения, вводя в действие идею патриотизма и обратив внимание людей к великому историческому событию — Победе в Великой войне 1941–1945 гг. На что-то большое ныне действующей власти не хватило и хватить не могло: в реальности ведь ни тебе России как России, ни тебе правды о текущем настоящем, ни тебе обнадеживающего и приемлемого для всей страны зова в будущее. В общем — ни руководящей национальной идеи, ни действенного отечественного концепта, ни привлекательной экзистенциальной парадигмы. Тут почти тотальное безмолвие, причем на этот раз не от народа, которому не привыкать безмолвствовать, а, обратим на это особое внимание, от самой власти. А что ей — власти — сказать людям, какую предложить от себя приемлемую для них целостную идеологию? Ясно ведь — никакую!

А идеология нужна — для России, для людей России, для самой же не слишком-то народной власти. Без добротной идеологии ведь никуда! Какая такая стабильно воспроизводящаяся национальная экзистенция без действенной национальной идеологии — никакая! Лукавая глобоидеология общечеловеческих-де чаяний, потребностей и ценностей разрушительна для любого национального образования, прежде всего для его идейно-поведенческого статута, а уж для России — этого гигантского и разнообразного мира в мире — и подавно!

Идеологию для России не стоит выдумывать, а лучше обратиться к самой России, рассматривая саму Россию как идеологию, что вполне допустимо, ибо Россия прежде всего не страна, не государство, не империя, даже не цивилизация, а... ИДЕЯ — да, да именно так — ИДЕЯ!

Какая же? Ежели не от мира сего, то вряд ли миром сим она может быть ясно понята, воспринята и сформулирована, а потому, коли уж Россия от мира иного, то и идея ее тоже иномирная, что понуждает говорить об идее России как идее ожидания чего-то на Земле ИНОГО, если не противоположного сему миру, то хотя бы чего-то ему альтернативного.

Понять бы это, да и усвоить! Разумеется, принято это, да еще и освоено, далеко не всеми в российском и мировом пространствах, даже и не многими, мало того, и не немногими, а... всего лишь единицами, но единицами-лидерами, способными не так на деструктивное переворачивание бытия-истории, как на ее конструктивное творение вкуче с самоходом реальности и самовыплесками неизвестности.

А раз уж Россия пребывает в мире сем, да не просто пребывает, а весьма участвует в его реализации и судьбе, то она вполне может и продиктовать свою для себя идеологию, что, собственно, в реалиях и происходит, пусть человеком идеологически (по-идеологическому) и не осознаваемую.

Исходя из России как сакральной идеи, идеология России должна быть и идеологией россиян — людей России, а потому должна быть сориентирована на бытие россиян в России, на их мировоззрение, поведение и деятельность, на их экзистенцию.

Принимая во внимание нынешнее, мягко выражаясь, кризисное, если не патологическое, состояние России, ее населения и, главное, ее правления, то бишь ежели говорить об идеологии для актуальной России, то, конечно же, не столько как о возможной в текущей реализации, сколько как о возможной в будущей реализации, то бишь не так, как о практически действующей, как о потенциально возможной идеологии. Утверждение такой идеологии в реальности возможно лишь при условии глубоких и масштабных перемен в стране по постреформенному вектору — как раз и предполагаемому идеей России, ее фундаментальным концептом и функциональной парадигмой. Что-то вроде этого ожидал российский электорат в марте 2018 г., но верховная власть не пошла на сии перемены, предпочтя частичный ремонт близкой и даже родной ей пореформенной системы, да и то более на косметический ремонт, чем на капитальный. Нельзя сказать, что российские верхи всего происходящего не видят и ничего всерьез не воспринимают — и видят, и воспринимают, — но они бьются в тенетах реформизма и не осмеливаются по вполне понятным обстоятельствам на достаточно крутые перемены в бытии России и в текущей идеологии, все еще зараженной глобозападнизмом и весьма далекой от собственно России.

Заметим, что здесь имеет место самое что ни на есть серьезное противоположение не так даже России и глобозападнизма, как глобозападнической России и России глубинной, да что глубинной — и наличной тоже!

Не предполагая никого поучать и ничего из практического советовать, попробуем все-таки обрисовать в общих чертах в концептуальном ключе возможную идеологию для актуальной России.

Начнем с утверждения, что Россия — это наш — наш для россиян — общий земно-космический *дом*, в котором, раз это *наш общий дом*, должно иметь место внутреннее жизнеотправительное устройство на принципах всеобщего гражданского единения, моральной и функциональной справедливости и взаимной солидарности меж людьми, коллективами и иными образованиями, разумеется, устройство правовое, государственное, ну, и имперское тоже, в рамках и посредством которого реализуется всеобщее гражданское служение в сочетании с высокой государственной ответственностью при неукоснительном приоритете общего начала над любым частным, а уж раз это *земно-космический дом* — что-то вроде Софийного Дома, то бытие в нем предполагает всеобщее трудо-творческое себя исполнение с ориентацией российской экзистенции на движение не просто вперед и ввысь, а и к *иному* по качеству бытию, однако бытию по сути своей непременно ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ!

Как всякий дом, наш общенародный дом по имени Россия должен быть открыт для внешнего мира, но ровно настолько, чтобы оставаться для себя и его обитателей не чем иным, как именно ДОМОМ, вовсе не какой-нибудь гостиницей или туристической базой, а потому его в целом свободные входы и выходы должны в меру контролироваться и регулироваться, что обычно и делается главным национальным домоустроителем — государством, а весь дом должен непрестанно охраняться, обороняться, старательно поддерживаться и непременно продолжаться. Суверенитет и безопасность — важнейшие приоритеты любого национального домоустроения. Отсюда и оборонно-воительная составляющая всякого национального образования, не говоря уже об имперском, каковым как раз и является распростертая наполовину Евразии меж Западом, Востоком и Югом своеобразная Россия. Воинский дух в сочетании со стойкостью, отвагой и презрением к смерти в чрезвычайных обстоятельствах — великое достояние России, ее народа, а соответственно и издавна бытующей в России самовоспроизводящейся народной идеологии.

Общий дом — это непременно общие правила общежития (писанные или неписанные), взаимные меж людьми и институциями обязательства, общепринятые нормы поведения и деяний — в общем, те или иные регламенты, а соответственно и контроль за их соблюдением. Ничего особенного для любой цивилизации, а потому и для России тоже, может, лишь особенно актуально и остро для нынешней пореформенной России, пе-

режившей настоящую соционравственную катастрофу и все еще не избавившейся от ее тлетворных последствий. Идеология нынешней России не может не быть идеологией возрождающихся морали, ответственности, дисциплины, порядка.

Общий дом — всегда общие дела, а ежели это *наш общий дом*, то, безусловно, наши в нем общие дела. Да, можно много говорить о разных общих делах в хозяйстве, экономике, производстве, политике, науке, искусстве, творчестве, как и о всем этим делам со стороны идеологии благоприятствовании. Однако среди вала общих разного калибра дел потребно выделять главные, как раз в особенности нуждающиеся в идеологическом обосновании. Кроме таких достаточно уже обоснованных общих — национальных — дел, как оборона, Вооруженные силы или то же освоение космоса и Арктики, есть и другие приоритетные, может, пока еще не очень очевидные, общие дела, требующие соответствующего обоснования как по сути своей, так и по режиму реализации, причем обоснования, подчеркиваем это особо, именно идеологического, гуманитарного, культурно-цивилизованного, национального, общечеловеческого.

О чем тут может идти речь?

Во-первых, для сегодняшней России актуальна, скажем так, антикризисная идеология, призванная обосновывать преодоление в целом уже очевидного социо-культурно-цивилизационного... э-э... неблагоприятия, если не... уродства, в которое влезла и в котором бытует пореформенная Россия; помимо того, что сие целостное неблагоприятие-уродство пора уже признать и соответственно обрисовать: от банковского дела через СМИ и театры до экологии и национальной лингвистики; надо, конечно же, внушить обществу, госаппарату, разного рода влиятельным деятелям, обычным людям, что в патогенном, искаженном, хаотическом состоянии не то что стране далеко не уйти, а и попросту не выстоять на месте — как невозможно это сделать любому захваченному предсмертным разложением организму; разумеется, кто-то не видит во всем вокруг происходящем ничего особенно страшного, кто-то даже в нынешнем кризисном состоянии и неопределенном течении российского бытия углядывает возможность прогрессивного развития страны в русле передового-де глобозападнизма; кто-то попросту «греет руки», обогащаясь, гедонизируя, гламурничая, кривляясь, а кто-то из немногих, если не единиц — не только понимает, что все это рано или поздно заканчивается, но и знает хорошо, *чем* это реально заканчивается; так не лучше ли заняться вовремя преодолением кризиса, пока кризис — во многом ведь прямо-таки античеловеческого и антимировского пошиба — не займется самими его нынешними инициаторами, адептами и бенефициарами. Страшный суд — вовсе не надуманная горьковатая метафора, а неизбежное очищающее и вполне себе беспощадное деяние роковой Неизвестности (и Неизбежности тоже!); за-

чем вообще доводить дело до тотального насилия, исправляющего вроде бы уродливую реальность, но и способного, переиначивая реальность, ее вновь, уже по-своему, во здравие-де искалечить?

Во-вторых, нужно, надо полагать, обосновывать идеологически способ выведения актуальной России из разъедающего ее кризиса — не просто системного, а воистину *экзистенциального* (с антиэкзистенциальной при этом направленностью); вряд ли тут удастся обойтись камуфляжными полумерами, ибо тут нужны весьма радикальные меры, введению которых должна предшествовать нелицеприятная по идее обрисовка бытующей в России ситуационной картины — достаточно откровенная, что-то в духе и стиле знаменитой мюнхенской 2007 г. речи российского лидера перед оторопевшим от вдруг услышанной правды сверхнациональным истеблишментом, более всего, конечно, глобозападническим; далее потребно уже сопровождаемое обновляющейся идеологией позитивное реконструкционно-конструктивное движение всей российской нации: от пореформенной и уже весьма самодискредитировавшейся модели бытия к постреформенной — пророссийской и прочеловеческой; ежели движение нации, то осознанное и добровольное, а не спровоцированное взрывным катаклизмом или же подстегиваемое жесткой диктатурой влезание в новый, уже и неизвестно в какой, заграничный «костюмчик»; отсюда и потребность идейного «прикида» будущего образа новой России, того самого образа, который может возникнуть в ходе реконструктивного движения нации по российскому руслу, то бишь вместе с самопревращением самой России; не навязывание тут в приоритете, а выявление возможного, хотя и с учетом того чудесного обстоятельства, что на поверку в реалиях является всегда что-то из невероятного, причем из того, что не может быть вроде бы никогда.

В-третьих, идеологический подвох, вполне и императивный, важен для осмысления нового забродившего по земле российской экзистенциального призрака — призрака новой, уже постреформенной России, разумеется, воспринимающего многое из так называемого современного, чего не скинуть при всем желании с «корабля современности», да, собственно, и не надо; главное в том, что идти далее по весьма уже разбитой колее радикального глобозападного постмодернизма уже никак нельзя — настает время *нового консерватизма*, не возвратного вовсе, а лишь разворотного, вполне себе по духу и форматике передового; идеология сего передового консерватизма и должна исполнить небывалую сверхзадачу — помочь бескатаклизменно вывести Россию как к самой себе, так и к человеку — сей страны насельнику (дело тут сейчас не так в месте рождения каждого из насельников российских, как в плодах его в ней пребывания; что означает и наличие соревнования коренников с пришельцами за лучшую участь под ныне притуманенным, но все более проясняющимся россий-

ским солнцем, — при этом вовсе не исключается и явление меж теми и другими продуктивного экзистенциального единения); вряд ли стоит чертить здесь образ возможной в будущем неоконсервативной России: уже ушедшего и канувшего в Лету не вернешь, да и не надо, а нужное людям и стране непременно себя утвердит со сменой общего курса и решающих реальность акторов; сложно, трудно, почти что и невозможно, но... *надо!* Обратись к России и ее людям, управитель, и российская мать сыра земля, что питает Россию, ее людей и тебя, управитель, как и космос — сокол ясный, что над сырой землей российской и тянет Россию ввысь, в Иное, все потребное и устроят!

И, наконец, в-четвертых (так уж вышло в статье), самое-самое, пожалуй, для текущей современности и просматриваемого будущего: уже идущее вхождение России и ее людей в новый технотронный мир, который вовсе уже не просто машинный, электротехнический, телерадиотехнический, когда техника по преимуществу на службе у человека, пусть и человека весьма уже технизированного, но все-таки еще вполне человека по своей биоментопроектировке, а в совершенно новый — отрывно новый — технотронный мир, когда возникает феномен не только практически полного подчинения человека технике, во всяком случае — решительной и решающей зависимости человека от техники, а и появляется возможность реального превращения человека в какое-то техноискусственное существо, может, и по внешности все еще человекообразное, но по сути уже какое-то иное — постчеловеческое; сторонники новейшего нейрокбер-генно-нано-психо-прогресса нам, конечно, возразят, утверждая, что речь идет лишь о новой волне технизации человеческого жизнеопределения, никак человеку как человеку не угрожающей, хотя и многое в нем и его жизнеотправлении меняющей, а мы все-таки будем исходить из наличия реальной угрозы человечеству, вполне и трансгрессивной; тревожная гуманитарная озабоченность сейчас все-таки актуальнее и значимее научно-технологической беспечности; вот почему в идеологию современной России необходимо закладывать мощнейший гуманитарный мотив: техника техникой, а человек человеком! Россия, вырывающаяся из-под зависимой, если не колониальной, опеки Запада, обязана, верша новую технотронную волну, иметь целостное представление о наступающих коренных переменах и не допустить внезапного для себя и своих людей от надвигающейся новизны сокрушительного поражения; потребен новый размыслительно-ориентирный кластер, состоящий по крайней мере из Института человека, Института философии хозяйства и Института будущего; потребна и в самом деле *новая идеология* для России, исходящая из самой России — как раз России как идеологии!

P. S. Идеология, читатель, — это не только и не столько то, что бывает хорошо продумано и словами ловко изложено, даже и не все то, что вполне

захватывает людское сознание и неплохо в реальности работает, идеология, читатель, — это и то, что не имеет рационально-словесной выраженности, мало того, по преимуществу и не имеет, ибо идеология менее всего рациональна и менее всего словесна, это скорее — потенция, стремление, воля, вожделение, наконец, природа и реализация чего, знаете ли, совершенно метафизические, если не прямо мистические.

Да, можно долго и нудно писать «Слово о благодати», «Государя», «Домострой» или «Программу КПСС», можно что-либо из этого хорошо усвоить и чему-то там следовать по жизни — что совсем и не плохо, — но достаточно вдруг оказаться в другом месте и увидеть другое, даже и просто ознакомиться с другим, включая и другой текст, как идеология, а это, повторим, не что иное, как обычно невысказываемое стройно и целостно сказание сознания о себе самом и для себя самого или же его — сознания — собственное руководство, и вдруг тщательно воспринятая, выработанная и обустроенная идеология кардинально меняется... э-э... иной раз на прямо противоположную!

Пока смотришь вожделенно на Запад, на господствующие там деньги, на доминирующую во всем механику — одна у тебя идеология; обернулся с интересом на Восток — другая вдруг является в тебе под давлением восточной мудрости идеология; а ежели обратился всерьез к России — уже российская вырастает в тебе идеология, разумеется, не слишком тебе самому и понятная — трансцендентная, ибо не какая-нибудь, а иномирная.

Так «о чем же лай мой»?

Да все о том же — о развороте России к России, да не просто к стране, Родине, Отчизне, что совсем и не плохо, а именно к России — как к идее, концепту, парадигме, как к сакральному бытийно-историческому, но при этом и зёмно-космическому, явлению-событию, как к непреходящей для россиянина, не говоря уж о коренных русских, ценности.

Р. Р. S. Здравомыслящий россиянин, причем неважно кто — рабочий, интеллигент, артист, администратор, мошенник, вор, гастарбайтер, услышав о призыве к новой позитивной идеологии для России, да еще и исходящей из самой России, в лучшем случае пожмет от недоумения плечами, а в худшем — уже от всего и вся надежного понимания — покругит ружей у виска своего: «Ну и ну, господа хорошие, чего захотели?!» А мы, как раз господа эти хорошие, возражать не будем, как и убеждать никого ни в чем не будем, а когда все самое-самое все-таки случится и о нас никто, как водится, не вспомнит, ибо не только не до нас будет, но и никого из способных что-то эдакое вспомнить не будет, как и сейчас, в общем-то, почти нет, то все сразу всем и увидится: нужное, зряшное, промыслительное, внезапное, а главное — страшное и непоправимое, но что из того, ежели поделом будет, да и есть!

КУДА ДЕЛАСЬ СВОБОДА?

Свобода — это произвол, каприз. Нечто неалгоритмизируемое. Человек изначально свободен, ибо он рожден в палеолит взрывом галлюцинаций, разрушившим сдерживающие органические цепи эволюции. Всю свою историю он, оставаясь художником своих галлюцинаций, искал алгоритмы. То, за что можно было бы ухватиться и выжить. Потому что если все случайно, то ничего нельзя. А если не все случайно, то появляется техническое. И это техническое заполняет пустоту органического, образованную изъятием человека из природы. Алгоритм — это надежда на то, что не все призрачно, не все случайно. И что-то можно сделать, положив себя в основание новой цепочки причин и следствий. В мире, в котором есть законы и они постоянны, для всего есть причины. В мире грез все случайно, и мы свободны.

Никакой внешней свободы не существует. Во внешнем есть лишь причины. Существует только внутренняя свобода. А это значит, что и на дыбе человек свободен. Понятие о социальной свободе — это призрак, посредством которого социум пытается манипулировать сознанием человека. В обществе никогда не было и никогда не будет свободы. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Ведь что такое общество? Это не группа людей. Не множество определенных существ. Причиной общества всегда является четвертый человек, ибо четвертый — это тот, кто обязан повторить то, что до него говорили первые три человека. Четвертый говорит о том, что он не чувствует. Общество основано на разрыве между тем, что человек говорит, и тем, что он чувствует. Общество соблазняет одиноких по своей сути людей тем, что обещает им бытие вместе. Но за это бытие человеку надо заплатить. Чем? Отказом от себя. Отказом от своего языка. Каждый в обществе должен говорить на языке другого. Никто не имеет права говорить на своем языке и от своего имени. Язык алгоритмизирует свободного человека и тем делает его пригодным для жизни в обществе.

В обществе человек сталкивается с привилегиями или с отсутствием таковых. Свобода в обществе всегда есть привилегия немногих. За этими немногими стоит сила. Когда привилегия становится привилегией всех, свобода исчезает. Сила остается на стороне того, за кем идут массы.

Для русского сознания свобода начинается и заканчивается в пространстве быта. Мы знаем бытовую свободу. Нас не интересует политика,

ибо политика — это привилегия для немногих и не самых лучших. Этим мы отличаемся от европейцев, которые к свободе присоединили политику. Они хотят политической свободы, ибо быт у них есть нечто алгоритмизуемое. Тогда как у нас политика алгоритмизуется вождем, правителем. Для нас политические свободы — это обман слабого сильным. В любом обществе всегда есть одна привилегия: быть сильным по отношению к слабым. В русском сознании место свободы занимает воля. Это хорошо выразил В. Розанов, сказав: гуляй, душенька, гуляй, милая, ведь не для того ты родилась, чтобы гулять по правилам, по законам, по алгоритму. Гуляй без правил. Гуляй по своей воле. А вечером к Богу пойдешь, ответ держать будешь. И вот вечер настал, а идти не к кому.

В любом человеке в каждый момент встречаются воля и судьба. Свободное доопределение и необходимая предопределенность. Покорного судьба ведет, а непокорного тащит, говорили стоики. Мы всегда свободны, и одновременно мы всегда принадлежим судьбе. Судьба — это не воля, не каприз. Это то, что нельзя обойти, избежать. Неволя тянет нас к миру вещей, к объективному. Воля отдает нас миру грез, призрачному бытию. Призрачное бытие — это субъективный мир призраков. В мире объектов нет призраков. Своей волей мы поселяем их в будущем. Социальная революция — это реализация в наличном бытии призраков из будущего. Свобода родилась не в XVIII в. во Франции. Революция — не торжество свободы. Иллюзия свободы родилась, как скажет Г. Федотов, в совместной жизни государства, университета и церкви в Средние века. Опасность для свободы возникла тогда, когда мы соблазнились идеей о том, что знание — это сила. Когда мы науку захотели превратить в непосредственную производительную силу. Технологическое применение науки погубило прежде всего саму науку. Мы узнали природу ценой незнания самих себя. В мире, в котором много знания, мало веры. Нас захватила радость от принадлежности к техническому действию. Мы все устремились в погоню за алгоритмами, нам захотелось быть профессионалами. Но мы не знали, что техническое действие нуждается в инструкции, а не в мысли. Кто много действует, тот мало мыслит. Техническое отношение к миру приучило нас к порядку в мыслях, к последовательности в действиях. Мы отвернулись от самих себя. Мы потеряли Бога. Мы стали атеистами. Атеисты, эти последние отбросы отсутствия Бога, заполнили мир. Человечество нашло утешение в спорте и не любимом Платоном лицедействе. Свобода окончательно погибла в страшном для России XX в. Именно в нем то, что есть снаружи, совпало с тем, что есть внутри. Даже М. Хайдеггер не понял, что произошло, когда сказал в «Пармениде»: «То, что есть снаружи и что вообще есть, будь то “снаружи”, “внутри” или “вне” пространства, — об этом мы знаем только из знания бытия, которое само бытийствует как свободное, в чьем просвете сущее находит вход в несокрытость,

из несокрытости — восхождение в проявление, а с ним — лад присутствия» [1, с. 347]. Он сказал и ошибся. Бытие не бытийствует само как свободное. Для этого ему нужен человек. Если бы то, что снаружи, совпадало с тем, что внутри, то человека бы не было. Была бы одна материя. А человек — это отношение к себе, то есть нечто внутреннее. Поэтому человек существует несовпадением того, что снаружи, с тем, что внутри. Снаружи вещи. Внутри грезы. Хайдеггер думал, что там, снаружи, и там, внутри, одно и то же. И это одно и то же зовут бытием. Но это не так. Это одно и то же зовут не бытием, а цифрой. В числе схлопнулись внутренний мир и внешний. Победило техническое отношение к миру. Победил алгоритм. Искусственный интеллект оказался проворнее естественного. Человек оказался лишним. Мы потеряли человечество. Неалгоритмизуемая свобода оказалась слишком призрачной. Никто не стал умирать за нее.

Пребывая в недоумении, мы еще долго будем спрашивать себя, что же стало с нами, куда делась свобода, куда делся человек. И вновь будем повторять: то, что есть снаружи, не совпадает с тем, что есть внутри. Снаружи — то, что существует. Внутри — то, что не существует. Парадокс состоит в том, что то, что существует, нам не дано. А то, что не существует, нам дано. Можно отказаться от того, что существует, но нельзя отказаться от того, что нам дано, ибо для этого нам надо отказаться от самих себя. Наша ошибка состояла в том, что мы думали, что у нас есть доступ к вещам самим по себе. Но это не так. У нас есть доступ только к призракам, которые существуют во времени. А к тому, что существует в пространстве, у нас нет доступа.

Поэтому тем, кто еще что-то слышит, можно сказать: не будьте глубокими, ибо глубина не дает вам возможности встретиться с собой и заговорить на своем языке. Не ходите на Болотную. Опустошайтесь. Не будьте последовательными, ибо логика выдаст вас алгоритму. Ваша сила в абсурде. Не принадлежите к порядку, ибо порядочность вовлечет вас в техническое отношение к самим себе. Станьте непорядочными, нелогичными, поверхностными, чтобы выскочить из технического отношения к самим себе. Философия и искусство — это последняя территория человеческого, не исчисленного числом. Хватит ссылаться на опыт. Воображайте.

Литература

1. *Хайдеггер М.* Парменид. — СПб.: Владимир Даль, 2009.

РОССИЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Идеология — термин, слово, начиненное неведомой смысловой и метафизической взрывчаткой, которая может рвануть в любое время, в любом месте с самыми невозможными последствиями. Поэтому идеология — необходимое условие самосохранения человечества и каждой его особи от самоподрыва. И вообще — человек суть идеологическое, идеологизированное, идеократическое существо; люди отличаются друг от друга в этом плане лишь мерой осознания и понимания идеологии, которая ими движет. Кажется, что глобализм, интернет утверждают всеобщую и нулевую безыдейность; но не человеку присуща идеология, а человек сотворен идеологией, служит ее орудием и нигде ему от своего идеологического демиурга не скрыться. Идеологический аккомпанемент бытия человечества всегда был, есть и будет, лишь меняясь в истории по форме, содержательной и экзистенциальной интенции. Людей, сообществ, стран, государств и наций без идеологии нет и быть не может! Ибо мир раздвоен на идеальность и материю. Эта раздвоенность и порождает идеологию — идеократическую целостную, автономную идею, имеющую, защищающую свое понимание бытия, внедряющуюся в сознание человека, управляющую его поведением, влияющую на его экзистенцию.

Исследованию русской идеологии, идеологической тайны России должно предшествовать выяснение общей сути идеологии. Что есть идеология сама по себе как автономный, самодостаточный, самодетерминированный и таинственный феномен? Истоки идеологии уходят в сферу идеальности, проявляя себя в качестве ее структурных единиц — идей. Но что есть идея? Чем она отличается от идеальных терминов «понятие», «категория», «концепт», «теория», «система знания о целях, идеалах, ценностях», «вера», «принцип»?

Идея отличается от вышеуказанных субъективных понятий своей объективностью, полной независимостью от человека и от материально-предметного мира. Ведь не случайно философия как человеческая мудрость появились не из идей, а из понятий, концептов, категорий, идеалов, ценностей, принципов, а идеи лишь сопровождали ее рождение, корректировали, находясь вне мира сего в качестве автономных реалий. Ближе всего к идее термин «концепт», охватывающий волевые, эмоциональные, бессознательные свойства реальности, но и он лишен постоянной связи

с трансцендентностью. Поэтому концептология, когнитология, логософия, системология, теория знания, принципология не «тянут» на уровень идеологии. Уже тот факт, что за идеи сражаются, проливают кровь, жертвуют жизнью, погибают, говорит о том, что в идеях содержится какая-то мощная смысловая сила, превосходящая даже жизнетворные ценности.

А. Ф. Лосев определял идеи Платона как «порождающие модели». Это, пожалуй, самое точное выражение сути и функций идеи, из которой возникают идеологии, их функции, их экзистенциальные смыслы, их телеология и энтелехия. Идея представляет собой особую целостность, органически сочетая в себе метафизическую универсальность и уникальные земные единичности.

Приведем несколько примеров. Что есть геометрическая фигура вообще? Абстракция или же самостоятельная фигура в ряду остальных фигур и независимая от них? Согласно Платону, геометрической фигурой вообще является треугольник. Почему? Во-первых, все фигуры состоят из треугольников. Треугольник воплощает в себе геометрическую фигурность, ибо с его деконструкцией исчезает фигурность, да и организация пространства вообще. Во-вторых, все фигуры измеряются треугольником, сводятся к нему, а сам он сводится к одной трети основания на высоту. Можно сказать, что все геометрические фигуры представляют собой различные образования, демиургом которых служит незримая метафизическая идея треугольника. Поэтому в геометрии есть только одна идея — треугольник, которая и порождает все многообразие пространственных фигур и форм. Треугольник — главный «идеолог» геометрии, создавший работающую «идеологию» не только геометрии, но и масонства. Хотя как и почему он возник, из чего сформировались его качества, откуда взялись его способности, нам неизвестно. Масонам тоже.

Что есть металл вообще? Платон считал таковым золото и серебро, ибо в своей уникальной и реальной единичности они содержат в целом и в каждой своей частице все качества, которые металлу полагаются иметь «по штату»¹, являясь «идеями», «идеологией» металлов, или — «металлической идеологией». Эти металлы называли еще и благородными, ибо они в этом плане есть совершенные воплощения всего металлического многообразия мироздания и Великой Неизвестности, представляя мир Иной металлов среди одичавших металлов в неметаллической среде. Идея металла вообще — золото, серебро и платина, ибо здесь в уникальной единичности содержится универсальность металла, его основные функции. А потому эти металлы и создали идеологию не только металлов, но и «золотого тельца».

¹ К золоту и серебру нужно еще добавить платину и металлы платиновой группы — рутений, родий, палладий, осмий, иридий.

Что есть форма вообще в философии Аристотеля? Это не абстракция, а единичная реальная уникальность ума-перводвигателя, ибо он содержит в себе уникальную единичность идеи формы; и посредством этой идеи ум творит все многообразие форм космоса, творит даже форму божества, религии. Идея ума служит «идеологией» идеальных и материальных форм космоса, определяя их устройство, функции, цели, их неведомые свойства.

Что есть человек вообще? Для древних греков и римлян это не абстракция, а реальные уникальные люди-идеи — герои, дети богов и людей. Христианство видит человека вообще в Христе, богочеловеческую сущность которого составляет идея жертвы во имя спасения человека и человечности. И эта идея стала идеологией, религией.

Мудрость вообще есть София, ибо Бог, хотя и преисполнен мудростью, но все же Он превыше мудрости, ведая той смысловой субстанцией, из которой творится Премудрость Софии, Провидения, сами божественные замыслы и в отношении мудрости, и в отношении правды Великой Неизвестности¹. Поэтому подлинная идея Бога апофатическая, соответственно и идеология — апофатическая. Идея софийной мудрости создала и идеологию софиасофии.

И последний пример. Страна вообще тоже не абстракция, а это должна быть уникальная целостная единичность, выражающая, представляющая собой универсальные параметры, которые есть (должны быть) в любой стране. И ближе всего такой стране-уникуму соответствует... Россия благодаря своей иномирности. Россия есть идея страны в единично-уникальной форме, из которой рождаются новые страны.

Таким образом, для возникновения идеологии нужны слияние и совместная работа метафизической идеи (порождающей, зарождающей, возрождающей, перерождающей модели) и уникальной единичности (сингуляра) из земного мира.

И тогда идеология становится перводвигателем человеческого мира, истории, творчески-спонтанным ядром личности, определяет задачи, цели, смыслы, ценности, мотивы человека и его бытия, вырывая его из алчных лап inferнальной обыденщины и включая в контекст мирозначащих событий. Строго говоря, Человек — существо идеологическое и идеократическое; идеология и человек почти синонимы.

И все войны в истории ведутся не только ради материальных интересов, не только ради победы какой-то одной идеологии, но и ради... унич-

¹ И. В. Мичурин искал идею груши («грушу вообще»), что вызывало у окружающих скептические ухмылки. Но ученое и знаниевое упорство пожилого ученого победило. Он нашел в Уссурийской тайге дичок первой груши на Земле. Дальше — дело техники: саженцы размножили, продвинули дерево на 800 километров к Северу, сделали культурный привив, а любители груш даже не подозревают, кому они обязаны плодам на такой широте!

тожения идеологий вообще, ибо пока они существуют, питая людей энергиями творчества, изобретательства и сопротивления античеловечности, человек непобедим. Не случайно семантика слова «идеология» вызывает у паразитов и слуг «золотого тельца» ужас, превосходящий страх перед ядерным оружием.

А ведь подлинной идеологии в мире сем еще нет и не было. Социализм, либерализм, технократизм и прочие «измы» — это еще не подлинные идеологии, а тени их, поэтому они рассыпаются, ибо не имеют константной связи с трансцендентными идеями. Маркс, например, считал, что поскольку субъект не сознает предпосылок своего мышления, потому он продуцирует идеологию в качестве «ложного сознания». Допустим, что сам Маркс ясно сознавал основания своего мышления, но создал он пролетарский социализм в качестве ложного сознания. Или, скорее, он знал каббалистические основания своего мышления, но скрыл их, дабы посредством социализма достичь других целей.

Четырежды значима идеология для современной России: и как порождающий, сохраняющий источник ее бытия; и как эволюционное основание ее устройства в мире сем для мира Иного; и как смысловой перводвижитель русскости, ее культурных кодов, ее ценностей; и как сама Россия в качестве идеологической идеи.

Сегодня человечеству нужен новый идеологический, бытийный и экзистенциальный старт, превосходящий масштаб, замыслы, цели, размах творческих дерзаний и демиургии Возрождения. Старт этот должен превзойти христианский и европейский прорыв, быть другим по сути, смыслу, телеологии, ориентироваться на ОнтоС, Гнозис, Праксис, Метафизис и Магиус софиасофской мудрости Великой Неизвестности вне человека и в человеке. А для России сегодня идеологическая доктрина важнее и выше всего, ибо надо знать, куда плыть кораблю России.

Слышны голоса, что сегодня Россия, мол, не руководствуется идеологией, что в ней не работает никакая идеология. Неправда все это. Сокрушил СССР, установил новый строй и правит страной произвол идеологии идеократического криминализма, негласно требующего от всех жить не «по идеям», а «по понятиям!». В России криминал философски подкованный!

Однако есть в раздираемой паразитами России и народная, национальная, русская житнетворная идеология, уходящая корнями к истокам страны. Сама генетика России самоотверженно хранит смысловую суть исконной первоидеологии России.

Ведь Россия — это не только этнос, не только нация, не только союз народов, не только государство и территория, не только геополитический и экономический субъект, не только мир Иной, не только метафизическая реалья, даже не только особый мир, но и ИДЕЯ, порождающая модель.

В смысловом зародыше-источке России работает устойчивая, внемировая, а потому и не разгаданная даже временем спасительно-трансцендентная идея-идеология, не только устанавливающая идентичность России, но и делающая Россию сингуляром всех возможных идеологий. Эта идеология метафизическая и земная, неизвестная и ведомая, но порожденная самой идеей России, а не теоретиками.

Сама Россия как идея преисполнена судьбоносными, миротворными, хотя еще и не раскрытыми и непознанными смыслами, за которыми не иллюзии, а реальность, яростно рвущаяся к самореализации, чтобы узнать себя и Россию. Ю. М. Осипов дает точную идеологическую формулу этой идеи: «Россия — идея, причем сама-себе-идея, сама себе и для себя идеократия! Какая же идея? А кто ж это знает, ежели Россия, будучи феноменом в основе своей неотмирным, и сама этого толком не знает, в чем ее, возможно, и некоторая фактическая уязвимость, но зато и явно великая сакральная сила... Неизвестность, невнятность, невыявленность России, ее историвнеисторическая загадочность, ее извечное метафизическое безмолвие — истинные забота, головоломка и даже страх зѐмного человечества, в особенности передового, прогрессивного, высшего! Да, в России есть какая-то восходящая к предыстории сакральная тайна: Россия существует, падает, чуть ли не исчезает, поднимается, меняется и... остается — все такой же неразрешенной тайной. Россию отвергают, не любят, хулят, ненавидят, хотя и почему-то на нее-то только и надеются в тяжкие кризисные годы, получают от нее и выручку, но... все равно, за редким исключением, отрицают, хаот, порицают, ну и, конечно же, зарятся на нее: какие просторы, какие богатства, какие резервы!» [2, с. 14].

Так и существуют до сих пор в России эти две главные идеологии — криминально-античеловеческая и русско-человеческая. Скрытая борьба этих идеологий не находит национального и социального компромисса, раздваивая целостность России на униженную тягловую и высокомерную надстроечную антиРоссию. Поэтому встает вопрос о единой для нынешней России идеологии. Встает сей вопрос прямо-таки смертоносно: «Или — или!» И языком этой альтернативы говорит роковая потребность человека, говорит ради выживания России: «Быть России или не быть?»

Эта идеологическая задача не решается ни наукой, ни философией, хотя решать ее нужно в условиях, когда мировое сообщество враждебно в разной мере к России, которая, независимо от своей открытости или закрытости, всегда находится на положении крепости, осажденной или окруженной по периметру агрессивными силами. *Россия-крепость* — первая аксиома идеологии России. Постоянная информационная война Запада, грозящая перейти в уже войну натуральную, — вторая аксиома идеологии России.

Наличие в России боеспособной антиРоссии, готовой в любой миг беспощадно стереть с лица Земли неправильную Россию, которая сохраняет зачем-то этого врага, — третья аксиома русской идеологии. Но и Россия сама себя постоянно отрицает и этим же отрицанием утверждает — четвертая аксиома русской идеологии. Россия — межмировой геополитический центр, через который проходят все миротворные изменения; а потому в ней находится и сингуляр целостной мысли — пятая аксиома русской мудрости. Такова загадочная и непостижимая русскость — животворное корневое основание своего мира. Поэтому, разрабатывая догматы актуальной русской идеологии, решая ее задачи, нужно забыть о всяком благодушии и снисходительности к окружению, а помнить о России как *доме-крепости*.

Императив западной идеологии гласит: «Если ты не воруеть, считай, что тебя обворовывают». Императив русской идеологии гласит: «Воровать — это грех, за которым следует возмездие внешнее и внутреннее».

Ю. М. Осипов набросал в парадигмальном приближении матрицу идеологии для современной России, состоящую из семи пунктов.

Первое. Россия — *дом-крепость*, не замкнутый, но с контролируемым входом и выходом.

Второе. Россия — это суверенный мир с оборонно-мобилизационным лейтмотивом в историческом и актуальном бытии.

Третье. Определяющая роль государственно-гражданской организации социума с централизованным властноверховным началом и единым для всех служением общим интересам; метафизическое народоправие, личная, коллективная и локальная свобода в сочетании с цивилизационной ответственностью.

Четвертое. Верховенство закона в сочетании с правом физических и юридических лиц на свою защиту и обоснованное для себя снисхождение; служение Отечеству как благодатная ноша, а измена Родине как недопустимое преступление; культ совести, нравственности, правды, товарищества, героизма с осуждением всего антиотечественного.

Пятое. Культ высокой культуры, большого интеллекта, творчества; русскоязычие как непринудительная норма; благодарное внимание к истокам и истории, прошлым и старшим поколениям, официальной и народной памяти.

Шестое. Уважение к человеку!

Седьмое. Россия как первая и последняя вера; вера в Россию, ее бытийно-историческое предназначение, ее движение к еще неведомому, но чаемому человечеством (все-еще-человечеством) инобытию. Не так уж и трудно набросать эскиз идеологии для России... как не очень трудно и опровергнуть все нами предположенное, точнее, не признать (какое еще служение Отечеству, какая ответственность перед страной, какая такая измена Родине — это в наш-то глобализированный, космополити-

ческий, денационализирующийся век?!), а, не признав это, ничего и не предложить (какая такая идеология в свободные-де от всякого идеократического насилия времена?).

Однако вопрос — сей прогивный и чуть ли не проклятый современным интеллектуализмом — наличествует, он не досужее пожелание, а железная необходимость, исходящая прямо от «бетонных» реалий, — и сколько бы его ни игнорировать, он все равно никуда не денется, а наоборот, будет все громче о себе заявлять — неумолимые реалии об этом как раз и позаботятся — не стало бы лишь нам — все-еще-россиянам и людям — поздновато на него отвечать! (См.: [2, с. 17–18]) Да, прокляты все, кто занимается Россией!!!

Не поздновато, ибо Вы, Юрий Михайлович, уже почти ответили на него, выдвинув смелый, продуманный и выстраданный тезис, что нужно создавать не просто идеологию России или идеологию для России, а нужно саму Россию понимать «как идеологию, то бишь самого субъекта идеологии признать за идеологию. Однако ежели не преминуть тем, что Россия не просто страна под названием “Россия”, а некий восходящий к мировому изначально идейно-смысловой феномен, он же и сам себе проект, то можно предположить возможность наличия в данном феномене-проекте какого-то исходного идейно-смыслового замысла-послания, определяющего суть и экзистенцию России и позволяющего составить суждение не просто как о России, а именно России как идеологии, мало того, самой для себя и в себе идеологии» [2, с. 17]. И в этой неизвестной искомой идеологии содержится великая неземная тайна, закрытая для логосных методов ее исследования, но открытая софийным откровениям.

Времена логосных и логических идеологий прошли: с деградацией западного Логоса идеологии некому и незачем создавать, ибо разрушена среда, институты их функционирования. Нужна не просто идеология, а идеософия, признающая и опирающаяся на новую мудрость Софии, на ее безмолвный призыв к творческому дерзанию в мире Ином, в сфере Великой Неизвестности. Нужна смысловая работа с трансценденциями Софии — Ничто, Незнанием, Тайной, — чтобы найти понимающие мыслящее сознание, способный работать с трансценденциями ум-разум — философию хозяйства и софиасофию. «Не от мира сего Россия, не к миру сему и ее идеология!» [2, с. 9]

Но само различение этих миров, их духовного оснащения, выявление необходимости переходов от мира сего к миру Иному — это уже решение, достойное и идеологии, и идеософии.

Но контекст софиасофии и философии хозяйства позволяет указать кое-какие сущностные и необходимые аспекты идеологии для нынешней России.

Программа-максимум. Софиасофская идеология (идеософия) знает и видит социум, основанный на Правде, Мере и Справедливости с под-

чинением человеку новейших наноинформационных, генно-инженерных, космических технологий, гибридного интеллекта. Интегральным субъектом такого социума может быть только Учитель, а его институтами — школы и вузы, соборные органы управления. В софиасофской идеологии органично сливаются воедино традиции и обновления. Главные и самые почетные граждане софиасофского социума (мира Иного) — Учителя, которые сумеют превратить общество в единое образовательное учреждение, где люди будут обретать (а не терять!) свой Образ, учиться жить, осваивая бесконечные и манящие перспективы мудрости Великой Неизвестности, не забывая о необходимости защищать *крепость-Россию*. Поэтому не школа и образование должны быть частью общества, а общество должно стать функциональной частью школы-образования¹. А структура социума будет определяться формами, уровнями и типами образования.

В этом плане софиасофия есть мыслящее сознание, работающее в смысловом контексте *школьно-учебной, образовательной* деятельности. Школа, образование являются для нее одним из основных смысловых алгоритмов, средств формирования нового Образа сознания, человека, интеллектуальной деятельности, ибо коренные интересы России совпадают с интересами школы, с интересами детей и Учителей. Образование для софиасофии играет важнейшую роль, превращая метафизические, софийные смысловые реалии в субстанцию полноценного человека, в его перводвигатель и творящую силу, позволяющую человеку идти на последний штурм Великой Неизвестности: перед этой вселенской задачей меркнут, становятся ничтожными все проблемы, связанные с собственностью, а встают во весь рост неотложные проблемы смысла, целей, задач человека в мире тутошнем и в мире Ином. Только освоение Великой Неизвестности может удовлетворить русскую жажду и потребность Великого Преображения. Только школа и образование порождают ту уникальную духовную энергию, которая, передавая знания из уст в уста, созидает человечность. А собственность, хозяйство, технологии, оружие будут служить мудрости,

¹ Так, В. И. Ленин считал, что после окончания войны главным институтом созидания социализма — общества всесторонне развитых, энциклопедически образованных и умелых людей — может стать лишь школа. Странно, но революционер видел в школе единственную силу, которая может покончить с войной, государственным, классовым и клановым разбоем. На первом съезде учителей в 1918 г. В. И. Ленин сказал: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей трудовой школы, которая одна лишь сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год. Именно школа станет для нас основным средством ликвидации классового общества и эксплуатации, спасением общества от одичания» [1, с. 608]. Увы, школу правверные социалисты превратили в служанку марксизма. И сегодня школа, учителя находятся в самом жалком состоянии по сравнению с торгово-развлекательными центрами, не обучая, а отучая детей от знаний и мудрости.

ее проектам свободы, творчества и ответственности за дары ума, сознания, языка, фантазии, за чудеса и волшебство живой природы. Образование сведет до минимума эксплуатацию и социальное неравенство людей. А чисто имущественными, хозяйственными проблемами, их связями с общим контекстом образования будет заниматься философия хозяйства.

Программа-минимум. Для текущего момента России нужна военно-образовательная идеология. В России всегда первейшую роль играла власть, а не деньги. А самой прочной, гибкой и эффективной формой власти является империя. И Россия обречена на то, чтобы существовать в форме *империи*, которая только и способна объединить в целостность множество народов, наций, этносов, охраняя их от внешних угроз и от внутренних распрей. Империя собирает массу раздробленных коллективных и единичных волей в единую волю, способную делать невозможное.

Необходима и *Соборная Дума*, в которой должны работать лучшие представители всех основных специальностей страны, обобщая и донося до правительства насущные проблемы своих профессий.

В Китае Генштаб армии помимо своих военных задач решает важнейшую общественную проблему — проводит специальную экспертизу всех крупных проектов правительства, выясняя, благо или угрозу они несут стране. В Иране подобную функцию выполняет мусульманский лидер страны. И в идеологии современной России тоже нужно предусмотреть место для высшего надзорного органа за благом и гибелью в каждом общезначимом деле страны и человека.

Литература

1. В. И. Ленин о воспитании и образовании. — М., 1973.
2. Осипов Ю. М. Идеология для актуальной России // Философия хозяйства. — 2019. — № 3. — С. 11–18.

ИДЕОЛОГИЯ В РОССИИ: ОТ «ИДЕОКРАТИЗМА» — К «ИДЕОЛОГЕМИЗМУ»?

В развитии российской цивилизации «идеологическая» стадия наступила позднее, чем в Западной Европе, в которой в Новое время произошел поворот от христианского понимания природы общественного бытия и развития («по воле Божией») к рационалистической трактовке социального прогресса как реализации некоего светского проекта, конструирования социума (на началах разума и справедливости).

Великая французская революция была первой попыткой практической реализации этого проекта — буржуазного переустройства общества и государства в соответствии с научными идеями (просветителей) пока без глубокого анализа объективных процессов развития социума.

Такой анализ присутствовал во втором проекте реформирования общества — марксистском. В его основе уже лежала собственно идеология (это понятие появилось после французской революции); мы трактуем ее как теоретическое проектирование модели общества и государства, обоснование и пропаганду их прогрессивных конструкций, выражающую цели (нации), ее идеалы и тот дух, в котором она к этим целям стремится.

Вместе с этим параллельно возникает стремление выявить некую идею, лежащую в основе развития общества как такового; в философии истории Гегеля она была производна от его идеи Абсолютной (как Дух народа).

В конце XIX в. в Россию приходят и идея, и идеология. Национальная, русская идея была предметом рассмотрения лучших умов отечественной философской мысли того времени, которые трактовали ее как духовный принцип организации жизни народа, (православную) рефлексию его национальных особенностей, как замысел Бога о русском народе, о судьбе России, ее преображении (а не прогрессе) [5].

На основе этого первую (христианскую) национальную идею — «Москва — Третий Рим» сменяет (уваровская) «Православие — Самодержавие — Народность» — консервативная антитеза «Liberte — Egalite — Fraternite» с претензией на государственную идеологию самобытности России.

В конце XIX в. в ней быстро растет влияние марксистской идеологии, она все более успешно конкурировала как с идейными, так и с доморощенными идеологическими (народовольческими, черносотенными, анар-

хистскими и др.) проектами, несмотря на различия западноевропейской и российской культур [1].

Здесь отметим, что исторически ментально наш народ всегда был болезненно чувствителен к манящему Слову, сначала — Божьему, потом — к Умному и Справедливому (не случайно Россию называли женщиной, которая, как известно, «любит ушами»), является народом идеократическим! Русская цивилизация фундируется властью идей, в этом ее отличие от номократического Запада и этнократического Востока [2]. В ходе революционных событий идеология (марксистско-ленинская) уверенно победила быстро забытую (русскую) идею — абстрактную, интересную лишь философам, ибо оказалась более понятной, привлекательной (к тому же и отвечающей архетипу строительства царства Божия на Земле).

СССР был сугубо идеологическим государством, воплощением надуманного проекта, невиданной конструкцией; власть понимала особую важность идейного обоснования строительства того, чего не было в истории человечества (в отличие от Запада, где жизнь общества с XX в. развивалась естественным, неидеологическим образом). Коммунисты, несмотря на обязательность для них (философского) материализма, на деле были скорее идеалистами, ибо верили во всеилие Идеи, Слова, что обеспечило их приход к власти (а гласность во многом обеспечила ее падение). Отсюда — строгость партийного контроля общественнознания, его развитие в жестком коридоре марксизма-ленинизма.

По мере того как воплощение этой идеологии все более выдыхалось в конкуренции с западным, безыдейным, но более комфортным обществом, КПСС пыталась модернизировать идеологическое обоснование своего проекта — на смену строительства коммунизма в 1970-х гг. пришла идеология развитого, зрелого социализма; но она уже не воспринималась народом. С XIX партконференции (1988 г.) сама партия резко актуализировала (пере)осмысление развития общества, обоснования его перспектив: перестройка (ускорение, гласность, демократия...) «разогрела» эту проблему, но не предложила обществу привлекательного проекта обновления страны. Обществоведы же в основном критиковали коммунизм, но не предлагали ему внятную идеологическую альтернативу.

После контрреволюции 1991–1993 гг. все дружно ударились в капитализм, и идеологические поиски ушли на периферию общественного интереса. Более того, по новой Конституции РФ никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной (ст. 13.2). Но фактически новой, обязательно-необязательной идеологией стало строительство капитализма. Это выглядело логично: если его общество является исторически и типологически естественным, то оно не требует какого-то своего проектного, идеологического обоснования (как было с коммунизмом).

Тут, естественно, возникает вопрос — почему сейчас периодически возникают разговоры об идеологии, ведь названный проект государственного строительства конституирован и реализуется с 1992 г.? Полагаю — для «прогрессивной общественности» они обусловлены рефлексией идеократической генетики нашего человека, разочарованием в реализации капиталистического проекта, сомнениями в верности государственного курса страны (при нормальном ее развитии идеологические позы вряд ли бы возникли, как не возникают они в странах Запада), желанием его скорректировать. А власти «по должности» необходима некая идейная демонстрация верности наличного курса развития страны. Все это реанимирует провластные фантомы-надежды на идеологию как фактор обоснования этого курса при интуитивном (или циничном?) понимании, что, поскольку цивилизованного капитализма у нас не получается, надо как-то оправдать наличный и показать перспективы его позитивной трансформации.

Как можно осмыслить эту ситуацию в искомом идеологическом плане? Попробуем «от противного» — чем же так не нравилась своим противникам идеология марксистско-ленинская? Во-первых, она отличалась самим качеством проекта: в частности, отвергала частную собственность (на средства производства), обосновывала монополию на власть (КПСС), необходимость государственного тоталитаризма и др., что противопоставляло ее западному обществу. Во-вторых, идеология (одно)партийная (то есть частная) была прописана в Программе КПСС, партия была ее субъектом, ибо являлась системообразующим конструктом государства (что было закреплено в ст. 6 советской Конституции), поэтому ее идеология автоматически имела статус государственной.

Отказ от всего этого в постсоветской Конституции по-новому ставит вопрос о субъекте и объекте государственной идеологии. Объектом, понятно, является государство. А вот с субъектом проблема — в современном информационном обществе классические политические партии деградируют, их все более заменяют горизонтальная самоорганизация, сетевые связи и т.п. И что наши многочисленные партии могут предложить обществу — тоже большой вопрос; ведь, строго говоря, история знает лишь две идеологии как проекты общественного устройства — безусловный капитализм и условный коммунизм; вариант их конвергенции как-то не прижился. Поэтому сейчас никакая партия не может предъявить проект, качественно отличный от тотально победившего капиталистического; от коммунистического — отказались и прокляли, а капиталистический, при всех его российских «прелестях», не вызывает отторжения, хотя бы в силу своей нормальности, да и не требует своего обоснования — «весь мир так живет»; повторимся, иного действительно не дано, кроме капитализма во всем его видовом разнообразии, включая доморощенный рос-

сийский! (Более того, по умолчанию власти идеология вообще не нужна, ибо он ее и политически, и экономически вполне устраивает.)

Из изложенного понятно, почему сейчас в России трудно обнаружить какую-то внятную идеологию у правящей партии, хотя, по идее, именно она призвана вырабатывать и реализовывать ее в своей государственной деятельности (тем более что глава партии одновременно является главой правительства). Все это обуславливает (молчаливый) отказ власти от идеологических поисков вообще, она предпочитает идейное оцепенение. Складывается впечатление, что у нее реализуется принцип, выраженный слоганом МЧС по поведению в критических ситуациях: «Не знаешь, куда идти — оставайся на месте!» (Тем более что место это, повторюсь, власть вполне устраивает.) Поэтому разговоров об идеологии у нее нет, дело ограничивается отдельными заявлениями (о пользе консерватизма, пороках либерализма).

Как оценивать эту ситуацию? С одной стороны, время идеологии в ее классическом, просвещенческом понимании прошло, ибо она была рождена потребностями теоретических поисков путей прогрессивного развития общества, партийно-политической борьбы за его реализацию. В эпоху конца истории идеология если и остается, то в качестве не проекта, а некоего объяснения государственной политики. С другой стороны, ощущается потребность в некоем новом идейном обосновании ориентации общественного развития, отличном от конструктивно-идеологического и глобалистского. Мир возвращается к квазитеологической парадигме своей естественности?

Итак, классическая идеология оказывается ненужной как субъективно — власть в лице правящей партии не может (не хочет?) быть ее субъектом, конкретизироваться в своем объекте — государственном строительстве, так и объективно — по большому счету ей нечего предложить в качестве привлекательного перспективного проекта. Важно и то, что народ весьма далек от идейных размышлений, живет своей практической жизнью. (Такую ситуацию можно назвать «идЕотическим нигилизмом», когда люди не видят смысла в самом социальном проектировании, ценности теоретической проработки своего общественного будущего: по преданию, в Древней Греции идиотами называли людей, которые, обладая всеми гражданскими правами, сознательно уклонялись от участия в делах своего полиса.)

Иначе говоря, фактически наша сегодняшняя идеология — это (продуманный?) отказ от публикации идеологии как таковой. Но это не отменяет неизбежность идейного обеспечения государственного управления; пусть для обоснования пути развития, прогресса собственно идеология сейчас и не нужна, но любое управление обязательно осуществляется в соответствии с некими установками, совсем жить «без руля и без ве-

трил) общество и государство не могут, власть все же должна давать ответы на неизбежные вопросы: куда движемся? И куда следует двигаться? Что делать, если время идеологий как проектов прошло, если слабеют их субъекты — политические партии, если им нечего предложить ни обществу, ни государству? Есть ли вообще необходимость какого-то нового проекта для российской цивилизации? А если такой необходимости нет, то какие идеи для России могут играть роль корректора ее (капиталистического) варианта всеобщего хода истории?

Итак, потребность в некоей (новой) идеологии как компасе, корректирующем курс нашего государственного корабля, вроде бы объективно нарастает, но адекватной реакции на это у власти нет. Мы имеем ситуацию своего рода идеологического цугцванга — совмещения некой потребности в идеологии и фактического отказа от нее, что и воплощается в названном «идЕотизме». Как назвать эту ситуацию — бифуркационной, шизофренической, квантовой, диссонансной? Или Россия так сосредотачивается?

В этой проблемной ситуации наличный капитализм народ хотя теоретически и устраивает, но практически не вдохновляет. А по факту мы имеем идеологическую мутацию западного типа либерализма — для власти — и отечественного консерватизма — для народа. (Возможно, власти скорее нужна не идеология, а некая национально-патриотическая идея: ведь она, в отличие от идеологии, не требует конкретики и отчета за реализацию, апеллирует к идеократической генетике, может давать обществу, «глубинному народу» некие духовные скрепы. Но и с идеей проблема: вспомним — в 1996 г. президентом был объявлен конкурс на ее разработку, но об его итогах до сих пор ничего не слышно. Впрочем, эта проблема требует специального рассмотрения.)

Итога изложенное, полагаю в качестве гипотезы — на смену теоретико-содержательной идеологии приходят формальные идеологемы, имеющие жизненную фундаментальность, отрефлексированные, сформулированные и пропагандируемые властью, принимаемые народом ментальные конструкции мифологического характера, способные ориентировать жизнь человека и общества и при этом пригодные для использования в поддержке государственного курса. В соответствии с историческим опытом для восприятия народом они должны иметь свое примитивно-ясное, кратко-лозунговое выражение: «Земля — крестьянам», «Долой КПСС» и др.

Обзор российской идейной палитры обнаруживает четыре посыла, выполняющих идеологическую функцию: экономический — обогащение; социальный — потребление; политический — подчинение («твердой руке» государственной власти); духовный — патриотизм (гордость величием сильной России). Они находят отклик и у большинства населения, и у власти; отметим у них единственное расхождение — весьма популяр-

ная у народа интенция справедливости властной идеологемой по понятным причинам не является. Примечательно, что в силу традиции нашей социокультурной противоречивости эти во многом несовместимые посылы мирно уживаются в сознании населения.

Здесь отметим главное — обеспечить стабильность с помощью этих идеологем еще можно, но вот совершить какой-то прорыв, разворот России — вряд ли получится: эти идеологемы имеют консервативный характер, а стране явно нужно идейное обоснование Развития!

Что же делать в этих условиях? Во-первых, полагаю, в силу наших идеократических традиций все же надо как-то определиться с российской идеей, ибо любая идеология, так или иначе, фундируется ею. (Условие — эта идея должна быть позитивной, а не негативно-поучительной: «Удел России — показывать миру, как жить нельзя» (П. Я. Чаадаев).) Во-вторых, нужен новый подход к самому концепту идеологии: она уже невозможна как некий проект какого-то особого, российского пути (русского мира, исторической России, евразийства и др.). В-третьих, идеологемы должны работать на развитие страны: не только обосновывать тактическую верность наличного курса, но и вдохновлять на его стратегическую коррекцию.

Итак, современная идеология возможна как система идеологем, имеющих новое — корректирующее, а не проектное значение. Она способна комфортно вписывать Россию в глобально-универсальный капиталистический проект; в этом остро необходимы развивающие идеологемы. Где же их взять? Во-первых, нужна содержательная переориентация четырех наличных (полагаю, это возможно при соответствующей политической воле); во-вторых, необходимо формирование социально-экономических идеологем модернизации (социальной экономической политики, национальной экономики, постиндустриальной России и др.), обладающих привлекательностью для народа и приемлемостью для власти в развивающей коррекции ее социально-экономического курса. В качестве таковой возможно и хозяйствование как его метафизика, задающая философией хозяйства гуманитарный вектор обновления экономики [3]. Необходим и четкий властный запрос на идеологемное обеспечение такой коррекции, учитывающее как консервативную жизненность названных идеологем, так и их недостаточность для обеспечения потребностей развития страны в современных условиях, наработки обществоведов по этой проблематике. Таковые, безусловно, есть: в частности, интересные идеи предлагает лаборатория философии хозяйства МГУ Ю. М. Осипова [4].

В заключение подчеркну — главным фактором искомого разворота России может быть деидеологизированная, научно проработанная, прагматичная, опирающаяся на реалии и возможности страны стратегическая Программа глобальной модернизации. Идея, идеологемы развития не-

обходимы для ее ментального контекста, обеспечения и сопровождения в идеократических традициях нашей духовной жизни.

Литература

1. *Бердяев Н. А.* Судьба России. — М.: Мысль, 1990.
2. *Кожин В. В.* История Руси и русского слова. Современный взгляд. — М.: Эксмо-пресс, 2001.
3. *Королев В. К.* Социально-экономический кризис и модернизационный «ренессанс» «философии хозяйства» // *Философия хозяйства*. — 2011. — № 3. — С. 54–63.
4. *Россия: вибрирующие горизонты / под ред. Ю. М. Осипова и др.* — М.; Тамбов: Державинский, 2019.
5. *Русская идея.* — М.: Республика, 1992.

Н. П. НЕДЗВЕЦКАЯ, А. А. ПОЗДНЯКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Россия вступила в XXI в. после бурных и драматичных социальных потрясений. Все, чем жила страна в течение 70 лет, было подвергнуто сомнению, затем отрицанию, а позже — прямому уничтожению. Были разрушены сложившаяся система экономических и социальных отношений, механизмы государственного управления, структура межнациональных связей. Были пересмотрены и отвергнуты достижения культуры последних десятилетий, сложившаяся система образования.

Но, вероятно, самый мощный и безжалостный удар был нанесен по одной из базовых, системообразующих ценностей советского общества — его идеологии. Вспомним, какое огромное значение придавалось идеологической работе в советскую эпоху. Правящая Коммунистическая партия ясно понимала первостепенную важность этой деятельности и создала колоссальный аппарат для ее реализации. В структуре ЦК КПСС работали мощные научные институты, разрабатывающие вопросы идеологии, — Институт марксизма-ленинизма, Академия общественных наук. Для пропаганды среди широких масс граждан по всей стране работала система Университетов марксизма-ленинизма. Идеологические дисциплины в обязательном порядке входили в учебные программы школ и вузов страны. Издавалось огромное количество литературы, посвященной вопросам идеологии. Активно использовались для пропаганды средства массовой информации, которыми монополично владело государство. В Вооруженных силах огромную роль играл институт комиссаров — политработников. Можно скептически относиться к этой огромной идеологической машине, гипертрофированная идеологизация общества у многих вызывала отторжение, но несомненно одно: идеи правящей партии эффективно и последовательно с детских лет доносились до каждого члена общества, и если далеко не все их принимали, то суть их знал каждый.

В период перестройки российского общества дискуссии по поводу его идеологической базы — учения марксизма-ленинизма — длились до смешного недолго. «К моменту прекращения коммунистического правления и Советского Союза в 1991 г. марксистская идеология потерпела

поражение в России» [1, с. 223]. Марксистская теория априори была объявлена лженаукой и однозначно отвергнута. На ее место хлынули самые разные политические, экономические, социально-культурные, религиозно-мистические теории. На сознание растерянных жителей России обрушился бурный «коктейль» из либеральных, консервативных, националистических, коммунистических, мистических идей. Довершило идейный хаос государство, объявившее плюрализм мнений высшей ценностью и поставившее в массе своей абсолютно не готовых к этому граждан перед необходимостью самостоятельно выбирать свое *credo* и своих кумиров. Эта задача была тем труднее, что большинство населения страны привыкло к четким, однозначным и безальтернативным формулировкам идеологической доктрины социализма.

За основу своей доктрины государство в 1990-е гг. приняло теорию либерализма — учения, провозглашающего идеалы свободы рынка, невмешательства государства в деятельность экономических субъектов и общества в целом, незыблемость свобод граждан и их прав. Эта теория, зародившаяся в XVIII в. в Европе, стала идейной базой построения нового, буржуазного типа общества на руинах обветшавших монархий. Неудивительно, что и в России в тот период — период построения капитализма — именно идеи либерализма максимально отвечали запросу эпохи — быстро разрушить основы социалистического общества, провести приватизацию госсобственности, разрушить монополию КПСС на власть и сформировать многопартийную систему, обеспечить свободу средств массовой информации, снять с государства груз социальной ответственности за своих граждан.

Все это было реализовано в кратчайшие сроки, однако вместо ожидаемых благотворных перемен в стране начали нарастать негативные тенденции. Приватизация была проведена таким образом, что средства производства и природные богатства очень быстро оказались монополизированными небольшой группой собственников. Устранившаяся от многих вопросов власть оказалась слабой и неспособной решать проблемы, с каждым днем становившиеся все более острыми и насущными: разгул преступности, социальный протест, национальные конфликты, растущие в федеративном государстве центробежные тенденции. Вместо процветания экономика страны была ввергнута в острейший кризис, предприятия массово останавливались, росла безработица. Армия была фактически разрушена и деморализована. Системы образования, медицинского и социального обеспечения были парализованы. Вместе с тем многие ожидаемые ценности либерализма — равенство граждан перед законом, прозрачность государственной власти и т.д. остались пустыми декларациями. К концу 1990-х гг. под реальной угрозой оказалась сама российская государственность.

Совершенно очевидно, что в таком аморфном состоянии страна долго находиться не может. Она или распадется под воздействием внешних и внутренних факторов на множество самостоятельных субъектов, окончательно утратив свое геополитическое значение, погрязнет в войнах и нищете или попытается найти в себе силы консолидироваться и выйти из глубочайшего кризиса. Этой задаче идеология либерализма в чистом виде отвечать уже не могла. Она выполнила свою историческую роль — обеспечила, хотя и с колоссальными издержками, переход к капиталистическому обществу и стала тормозом на пути развития страны. Возникла потребность в изменениях в этой сфере.

Поэтому с начала 2000-х гг. государство постепенно меняет свою идеологическую доктрину. Первоочередными задачами становятся приостановка вышеназванных негативных процессов, консолидация страны и, как результат, возрождение сильной, неделимой России. Именно государственность превращается в главный лозунг этого периода. Идея не нова для России. Начиная с XV в., со времени объединения русских земель вокруг Московского княжества, именно она пронизывает ее политику из века в век. Периодически ослабляясь, она вновь возрождается в тяжелые для страны времена, в периоды кризисов. Огромное многонациональное, многоконфессиональное государство не может существовать без объединяющей идеи. И такой идеей стала сильная централизованная государственная власть.

Именно возрождение этой идеи и стало стержнем идеологической концепции современной России. Она предполагает возвращение роли, которую играет государство во всех сферах общественной жизни. В политике это — резкое укрепление властной вертикали, постановка под контроль центральной власти региональных элит. Это все более жесткое отношение к идеям политической оппозиции. Это укрепление силовых структур, и прежде всего Вооруженных сил. В экономике это — выведение на рынок в качестве крупнейших игроков госкорпораций, усиление контроля над всеми субъектами экономических отношений, инициация крупных государственных мегапроектов. В сфере духовной жизни это — господдержка творческих проектов, имеющих прогосударственную, патриотическую направленность, поддержка традиционных ценностей народа — нравственных, религиозных, бытовых. С самых высоких трибун именно патриотизм объявлен национальной идеей нашего народа.

Очевидно, что подобная политика базируется на идеологии, уже довольно далекой от идеалов либерализма. Ее суть — государственный консерватизм. Подобная идеология, в свою очередь, становится обоснованием, идейным стержнем политики, направленной на объединение страны, возвращение ее в сферу крупных игроков на международной арене, имеющих собственные геополитические интересы и готовых их отстаивать.

Во внешней политике она уже легла в основу активных действий России на Северном Кавказе, Украине, Ближнем Востоке.

Такие политика и идеология встречают в современном российском обществе очень разную, неоднозначную оценку. В «группе поддержки» — люди старших поколений, переживающие «совтальгию», помнящие имидж спокойного величия СССР и тоскующие по нему, члены патриотических партий, рядовые граждане, для которых понятия «национальная гордость», «Российская империя», «СССР», «Великая Отечественная война» наполнены глубоким позитивным смыслом, ассоциируются с высшими достижениями нашего народа. В «группе оппозиции» — либеральные интеллектуалы 1990-х гг. и молодежь, привыкшая видеть в либеральных ценностях идеальную модель общественного устройства, подарившую процветание странам Запада. Эти социальные группы не принимают новые реалии. Они трактуют их как политическую реакцию, прямое наступление на гражданские права, путь страны к очередной пропасти. Периодически эти настроения выливаются в открытые — и весьма многочисленные — протестные акции, подобные так называемой Болотной революции 2012 г. или массовым протестам в Москве летом 2019 г.

Как оценить эту ситуацию? Понимая всю условность этого вопроса, задумаемся: кто прав? Ответ очевиден: права История. Государственная идеология — не свод прекраснодушных максим, представлений об идеальном устройстве общества, личных симпатий граждан. Она есть объективный инструмент управления обществом. Она вдыхает жизнь и становится основой эффективной государственной политики лишь тогда, когда основные ее постулаты отвечают запросам эпохи, опираются на реально достигнутый обществом уровень развития. Эффективная идеологическая концепция всегда объективна. Она отвечает социальному запросу, возникшему перед обществом на конкретную временную перспективу. В противном случае ее отправляют на «свалку истории».

И здесь напрашиваются два важных тезиса. Во-первых, как бы ни вступали господствующие сегодня идеологические концепции в противоречие с идеями либерализма, их следует признать не реакционными, а отвечающими объективным реалиям сегодняшнего российского общества — потребностям его консолидации, попытки возрождения страны. Во-вторых, как бы ни были адекватны времени идеи — их необходимо донести до масс, объяснить их суть и заручиться «поддержкой большинства». И здесь мы вспоминаем полузабытое слово «пропаганда».

Феномен идеологии функционирует на двух уровнях.

С одной стороны, ясное понимание и оформление принятых в данном обществе в данный исторический момент за основу ценностей, представленных совокупностью экономических, политических, нравственных и тому подобных теорий и идей, необходимо государству для формиро-

вания рациональной и последовательной политики во всех сферах общественной жизни. Четко оформленная и принятая идеологическая доктрина ясно указывает на цели развития общества, формирует вектор его движения. Лишь ясно определившись с этой доктриной, государство может формировать эффективную законодательную базу, устанавливать «правила игры» для общества, последовательно вести его в заданном направлении.

С другой стороны, государственная идеологическая политика будет эффективна лишь в том случае, когда она понятна обществу и принята им. Граждане должны четко понимать, куда их «ведут», каковы цели этой политики и перспективы для страны в целом и лично для них. В противном случае государство столкнется с социальной апатией, пассивным саботированием его инициатив и даже с различными формами прямого социального протеста. Вот почему так важно не только определиться с адекватной потребностям времени идеологической концепцией, принять ее за основу проводимой государством политики, но и эффективно доносить ее суть до широких масс, до всех социальных групп общества.

Говоря о формировании идеологической политики в наши дни, следует в первую очередь учитывать специфику развития самого российского общества. XXI в. привнес кардинальные изменения во все сферы жизнедеятельности людей. Современная цифровая стадия научно-технического прогресса во всем мире оказывает колоссальное влияние на скорость и объемы информационных потоков, а как следствие, напрямую воздействует на ментальные, психические и поведенческие функции человека, провоцируя при этом постепенный переход общества в сферу виртуальности. Это, в свою очередь, ведет к изменению моделей хозяйствования и форм трудовых взаимоотношений, досуга и даже институтов в виде использования технологий разветвленных реестров — блокчейнов, при которых полномочия управления и контроля передаются сетевому сообществу. Поэтому для подобного общества необходимо создание своей особой идеологической платформы, которая бы четко обрисовывала перспективы эволюции диджитального социума и ставила перед ним конкретные задачи.

Широкомасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий и создание разнообразных интернет-платформ делают доступным получение и передачу информации практически в любой точке земного шара. Сегодня уже невозможно представить себе жизнь без мобильной связи, интернета, разнообразных цифровых технологий. Диджитализация человеческого общества с каждым годом растет колоссальными темпами. Так, еще два года назад услугами электронной почты пользовались 2,6 млрд жителей Земли, а в 2019 г. эта цифра уже достигла 3,9 млрд человек. По предварительным оценкам экспертов, в 2023 г. к этому виду связи будут прибегать уже 4,3 млрд человек во всем мире [4, р. 8].

В этих условиях в России, как и на всей планете, происходит постепенное преобразование человеческого общества в диджитальный социум, характеристика которого отражена в западной¹ и отечественной литературе [3, с. 221]. Современный социум принято делить на три поколения: X, Y и Z, каждому из которых присущи свои специфические черты. Так, к поколению X относятся люди, родившиеся в период с 1961 по 1981 г. Они прекрасно жили без всякого сетевого сообщества и соответственно хорошо представляют себе «до-интернет-эпоху», а компьютеры, мобильные телефоны и другие разнообразные гаджеты появились у них в достаточно зрелом возрасте. Следует упомянуть, что среди представителей этого поколения определенная доля людей сознательно или по воле судьбы так и не стала интернет-пользователями. Поколение X стояло у истоков создания информационного общества, но оно еще достаточно хорошо идеализировано: эти люди в большинстве своем патриотичны, знают историю человеческой цивилизации и своей Родины, имеют своих героев и кумиров, многие до сих пор с удовольствием читают и умеют мечтать. Это поколение является носителем определенных идеологических устоев, общечеловеческих морально-нравственных принципов и национальных традиций.

Следующее поколение — Y, или, как его еще называют, «поколение миллениалов», — появилось на свет после 1981 г. и является активным пользователем информационно-коммуникационных технологий, а как следствие, подвержено постепенному погружению в интернет-пространство. Представители этого поколения, как правило, амбициозны, независимы и предпочитают общение посредством социальных сетей и вообще не нуждаются ни в какой идеологии. У поколения Y складывается своя система потребностей и приоритетов вследствие формирования общества искусственного интеллекта. Y-индивидуумы уже полностью зависят от информационно-компьютерных технологий, благодаря которым открывается прекрасная возможность манипуляции сознанием этих людей и навязывания им любых политических доктрин и идеологических программ.

И наконец, поколение Z, появившееся на Земле после 1995 г., является наиболее характерным примером цифрового социума. Диджитальное общество с разного рода планшетами, роботами-гуманоидами, виртуальной реальностью становится для представителей поколения Z самой естественной и единственной средой обитания. Z-персоны практически перестают пользоваться классическими средствами массовой информации: они избегают смотреть телевизор, слушать новостное радио и читать любую печатную продукцию. Главным источником получения информации для Z-населения является интернет. При этом представители

¹ К родоначальникам «Теории поколений» относят Дж. Деверсона, У. Штрауса и Н. Хау.

Z-поколения в большинстве своем достаточно креативны, как правило, обладают критичным мышлением и совершенно сознательно готовы к решению самых сложных проблем.

В последнее десятилетие цифровой эпохи была выявлена закономерность, согласно которой виртуальное пространство постепенно поглощает человека, особенно это характерно для представителей поколения Y, а поколение Z уже рождается и живет в виртуальном мире, который постепенно становится для них реальным. Есть ли место в этом виртуальном мире для идеологии и испытывают ли представители поколений Y и Z в ней потребность, сказать достаточно трудно. Однако у этих двух поколений есть общие точки соприкосновения, и можно сформулировать наиболее характерные аргументы для представителей поколений Y и Z:

- молодые люди поколений Y и Z считают, что в последние годы в России значительно улучшилось экономическое положение и, как следствие, заметно вырос уровень жизни;
- на современном этапе работа в российской IT-сфере оценивается как более перспективная по сравнению с другими странами;
- все чаще они утверждают, что работать в России значительно интереснее.

Поэтому современная идеология должна уловить нынешние настроения молодых поколений Y и Z и, исходя из этого, попытаться сформулировать четко поставленные перед российским обществом цели развития и пути совершенствования, а также указывать сроки их достижения. При этом предпочтение надо отдавать, на наш взгляд, среднесрочным проектам, поскольку представители поколения X хотели бы увидеть результаты, поколение «миллениалов» живет сегодняшним днем и не любит строить далеко идущие планы, а поколение Z уже начинает жить вне времени и пространства, все дальше отходя от реальности и все глубже погружаясь в виртуальный мир. В этой связи представляется целесообразным сформировать национальное цифровое мировоззрение, которое вводило бы понятие «полезность» индивидуума для нового диджитального общества в России. Вероятно, впитав в себя эту идею, представители поколений X и Z, а также и последующих поколений будут стремиться принести сильную пользу своему Отечеству и, закончив российские университеты, продолжать творить и работать в родном государстве. Так, в последнее время обозначилась позитивные тенденции по вопросу миграции молодых российских IT-специалистов и «утечке мозгов». Если всего пять лет назад нашу страну покидало 30% занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий, получивших российское образование, то сейчас этот показатель снизился до 10% [5].

Идеологизация общества во всем мире всегда осуществлялась главным образом через средства массовой информации. И в наши дни эта тен-

денция сохраняется, особенно для представителей поколения X, многие из которых до сих пор подвержены «совтальгии» и сожалеют об ушедшей в прошлое советской эпохе. Однако особое, первостепенное значение по вопросам идеологизации общества в цифровую эпоху, естественно, играет интернет, число активных пользователей которого в развитых странах уже охватывает почти полностью все население. Учитывая тот факт, что во всем мире крупнейшими киберплатформами, например «Apple», «Amazon», «Alibaba», располагают США и Китай, а наиболее посещаемыми интернет-пользователями в последние годы являются электронные сайты американских компаний «Google», «Facebook» и «Microsoft», вопросы идеологической безопасности в нашей стране являются крайне актуальными.

В этой связи возникает задача расширения российского интернет-пространства, с одной стороны, и совершенствования системы государственного контроля за качеством информационных интернет-объемов — с другой. Для интернет-пользователей можно поставить целый перечень вопросов. Кто сегодня может гарантировать пользователям интернет-сайтов достоверность информации? Кто несет ответственность за выброс в интернет-пространство ложной или устаревшей информации? Как защитить пользователей от похищения их собственных баз данных и сугубо личной информации? И наконец, каким образом защитить пользователей интернет-систем от манипуляций их сознанием?

Возникает закономерный вопрос о том, может ли государство пассивно наблюдать за потоком и качеством информации, обрушивающейся на голову пользователей Сети, или оно должно попытаться стать активным участником этого процесса? Ведь совершенно очевидно, что ряд интернет-материалов абсолютно неприемлем как с точки зрения государственной идеологии, так и с точки зрения цивилизованного общества в целом. По свободному морю Сети носится масса информации, имеющей не только антипатриотический, антигосударственный, но и прямо экстремистский характер. Пользователь Сети с легкостью получает доступ к расистским, фашистским, радикально-мусульманским и тому подобным идеям. Не случайно именно через интернет идет вербовка кадров в различные экстремистские структуры — например, в ИГИЛ. Именно через соцсети идет организация антигосударственных протестных выступлений, именно там формировались кадры для «цветных» революций на постсоветском пространстве. Сеть активно размывает и дискредитирует традиционные ценности цивилизации — брак, семью, нормы морали, нормы языка.

Проблема усугубляется тем, что представители поколений, выросших и сформировавшихся в условиях цифрового общества, в значительной степени оторванные от традиционных знаний об истории своей страны, человеческой цивилизации, мировой культуре, с легкостью и некритично впитывают любую информацию, которую предоставляет им Сеть.

Поэтому, возвращаясь к вопросу об эффективной идеологической политике государства, о необходимости доносить в массы, пропагандировать ее основные постулаты, мы не можем игнорировать новые реалии цифровой эпохи, возникшей совсем недавно, но с головокружительной скоростью вторгающейся во все сферы общественной жизни. По нашему мнению, именно на просторах интернета сегодня проходит, как говорили в недавнем прошлом, «фронт идеологической борьбы». Именно оттуда черпают знания, представления об окружающем мире представители поколений, которые завтра станут основой населения страны, именно там «живут» и проповедуют их кумиры.

Государство не может проходить мимо этого фактора, действовать в сфере идеологической политики «по старинке». Оно, принимая реалии и используя широчайшие возможности информационно-коммуникационных технологий цифровой эпохи, должно стать активным игроком на таком поле. При этом нельзя поддаваться соблазну ограничиться лишь блокировкой нежелательного контента. Препградить информационные потоки в современном обществе невозможно — на месте заблокированных сайтов завтра появятся новые. Необходимо в кратчайшие сроки решить крайне непростую задачу: создать для пользователей Сети заслуживающие их доверие информационные платформы, мягко и тонко доносящие до них те идеалы и ценности, которыми живет наша страна.

Литература

1. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как меняются человеческие мотивации и как это меняет мир: пер с англ. С. Л. Лопатиной. — М.: Мысль, 2018.
2. *Лукьянова Е., Шаблинский И.* Авторитаризм и демократия. — М.: Мысль, 2018.
3. *Недзвецкая Н. П.* Социум цифровой эпохи // *Философия хозяйства*. — 2019. — № 4. — С. 219–225.
4. *Capital hors série*. — 2019. — № 55.
5. *Les Echos*. URL: <https://www.lesechos.fr> (дата обращения: 03.10.2019).

РОССИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Учитывая высокую актуальность предмета исследования «Россия и идеология», ученому и экспертному сообществу необходимо разработать новую модель идеологии России на принципах ноосферности. В теоретико-методологическом плане данная проблема является сложной, многоуровневой, многогранной, многофункциональной и не до конца исследованной. Поэтому динамика исследований, научных и политических дискуссий по данному направлению будет возрастать.

Вопросы этой проблематики в практическом плане являются не менее сложными, чем в теоретической плоскости. Таким образом, можно констатировать факт, что в настоящее время проблема идеологического выбора России ни в теоретическом, ни в практическом плане не решена.

Большинство российских экспертов также считают, что многие современные проблемы России вызваны отсутствием объединяющей идеологии, которая бы направила россиян по пути возрождения российского государства и величия его народа, устранила неверие народа в будущее страны и всеобщий пессимизм. И такой идеологией, которая воплотит все лучшее и самоценное, что было характерно для православной и советской идеологии, является идеология социального гуманизма [17].

По нашему мнению, вопрос идеологии для России не просто актуальный, а жизненно важный. Дело в том, что Российская Федерация есть федеративное государство с республиканской формой правления. И для того чтобы Россия была сильным демократическим, правовым государством, способным обеспечить суверенитет, целостность и неприкосновенность своей территории, противостоять современным рискам и угрозам, обеспечить национальную безопасность, защиту прав и свобод граждан, нужна сильная и мудрая государственная идеология.

Критики могут возразить, что ст. 13 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [5].

Проблема в том, что враги России данный вопрос считают ахиллесовой пятой, самым уязвимым местом, через которое можно разрушить Российское государство «изнутри».

Существование такой реальной угрозы и определило актуальность, важность и срочность разработки общегосударственной идеологии России. В этом плане в российском обществе осуществляется поиск новой национальной идеи или государственной идеологии, которая стала бы гарантом национальной безопасности Российской Федерации.

Для решения данной проблемы сначала следует определиться с понятийным аппаратом и ответить на вопросы: что такое Россия и что такое идеология? Что мы понимаем под этими словами? На первый вопрос мы ответим словами Петра I, который наиболее точно раскрыл смысл этого понятия, определив, что «Россия — это часть света». Мы считаем, что это понятие включает в себя не только географическое, но и геополитическое, геостратегическое, цивилизационное и духовно-нравственное измерения.

Относительно понятия идеологии мы остановимся на основных общепризнанных в научных публикациях определениях.

Идеология (греч. *ιδεολογία* — от «идея», «прообраз, идея» + «логия» «разум, учение») — совокупность системных упорядоченных взглядов, выражающая интересы различных социальных классов и других социальных групп, на основе которой осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу и либо признаются установленные формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновывается необходимость их преобразования и преодоления (радикальные и революционные идеологии) [11].

Идеология — система политических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических идей и взглядов, исповедуемых партиями, политическими течениями, общественными движениями, научными школами, отражающих их мировоззрение, идеалы, целевые установки [10].

А. А. Грицанов и Г. Ю. Семигин считают, что «идеология — это система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики (общества, классов, наций, политических партий, общественных движений) и служит формой или санкционирования и закрепления существующего в обществе господства и власти, или радикального их преобразования» [16].

Идеология является социально-философской категорией, обозначающей уровень общественного сознания и представляющей собой «систему политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских взглядов, в которых осознается и оценивается отношение людей к социальной действительности» [17].

Ю. В. Яковец видит двойственный характер данного понятия и предупреждает нас о том, что идеология, определяющая цели и мотивы поведения людей и социальных групп, их мировоззрение, может отображать общность интересов человечества как единого целого, экологиче-

ские и нравственные императивы, недопустимость самоубийственной новой мировой войны, столкновения цивилизаций. Да и во всех мировых религиях много общего, поскольку они имеют сходные исторические корни и единство в главных принципах. Однако именно идеологические разногласия, религиозный фундаментализм и экстремизм часто служат первоисточником дезинтеграционных процессов, распада империй и государств, противоборства и конфликтов в геополитическом пространстве [15].

Особую роль и главную функцию в этих вопросах выбора и реализации идеологии должно взять на себя государство и обеспечить гармоническое единство общества и государства.

М. Смолин считает, что «государство должно снова выйти на общественную сцену в главной роли устроителя и творца общественной жизни» [12, с. 204].

Следует учитывать тот факт, что идеология является не статической, а динамической системой. Она может трансформироваться в сторону как развития, так и деградации. Кроме того, важной особенностью для нее является временной фактор и связанные с ним особенности. Так, в современной социальной науке идеология понимается прежде всего как мировоззрение и духовное образование, дающее ответы на возникающие у человека вопросы относительно мировоззренческой системы координат, его миссии, социальных отношений, социальной справедливости, исторических перспектив общества, в котором он живет.

Необходимо отметить, что Россия отличается своей социокультурной самобытностью, исторической уникальностью и миссионерством, а на современном этапе нужно добавить еще такой важный фактор, как экспорт безопасности. И именно эти отличительные черты должны найти свое отражения в новой идеологии.

Можно ли выразить великую русскую мечту одним словом? «Справедливость», — отвечает на этот вопрос академик М. Горшков на основании опросов. Для большинства русских справедливость важнее, чем свобода и личная ответственность. Это одна из важнейших особенностей русского менталитета. Опрошенные ставят справедливость на первое место из всех предложенных им целей [13, с. 151].

В этом плане для нас представляет интерес исследование А. Томчина, который формализовал основополагающие стороны русского менталитета:

1. «Соборность», социальный конформизм. Для русских традиционно характерна сплоченность в критических ситуациях, когда каждый чувствует реальную угрозу стране.
2. Патриотизм, стремление видеть Россию великой державой.
3. Склонность к крайностям, удаль, бесшабашность, иррациональность. Нам свойственно преобладание чувства, страстей над раз-

- умом. В России ценятся искренность и душевность, глубокие чувства, порыв, действия от души.
4. Духовное важнее материального. Русским традиционно свойственны широта духовных интересов, душевная теплота, отзывчивость, щедрость и милосердие, гостеприимство.
 5. Вера в добро и справедливость. Справедливость является для русских высшей ценностью. Она ценится дороже свободы.
 6. Правовой нигилизм (справедливость выше закона). У нас моральное сознание преобладает над правовым и политическим. Отсюда неуважение к частной собственности, примирительное отношение к обману, воровству и мздоимству.
 7. Терпение и стойкость, способность выжить, выкрутиться в любых условиях. Способность к адаптации — это одно из главных проявлений ума.
 8. Правило ближнего круга (закон кумовства), клановость. Отсюда наши взаимопомощь и выручка, надежда только на себя и своих близких, подозрительность и недоверие к чужим, ко всем, кто не входит в наш ближний круг.
 9. Фатализм, надежда на авось. Одна из самых прочных и самых проблемных черт нашего менталитета связана с верой в судьбу и чудеса. Вместе с тем русские надеются на быстрое решение жизненных проблем, привыкли к аврамам и способны к сверхнапряжению в критических ситуациях.
 10. Своеобразное отношение к власти, к государству, к политике. На протяжении веков в России не раз выявлялась необходимость сильного государства. Для нас стабильность и порядок дороже, чем демократия, личные права и свободы. Нахлебавшись катастроф, русские машут на все рукой — только бы не было войны! [13, с. 361].

Кроме менталитета русского человека, который нужно учитывать при создании идеологии, следует также правильно определиться с миссией России.

Геополитическая миссия возрождения Великой России и восстановления в его истине русского народа, по словам В. В. Воложанина и В. П. Петрова, состоит «в создании Империи чести и справедливости во внутренних делах и мировых отношениях. Это должна быть Империя высокой духовности и нравственности, высоких интеллектуальных идей и проектов, обеспечивающая высокие идеалы и достойные условия жизни народу и являющаяся примером для других стран и народов. Это наш путь, наша современная задача: предложить миру достойную альтернативу тому пути, который нам навязывают, — пути распада и смерти» [1, с. 23].

Ю. Е. Шувалов и А. В. Посадский утверждают, что «концепция многополярного мира с позиции российского консерватизма может быть раскрыта в перспективе солидарного единства в многообразии различных культурных миров при признании нравственных ценностей в качестве универсального языка межкультурного общения. В многокультурном мире Россия предстает уникальным цивилизационным преобразованием, интегрированным в мировое сообщество на достойных для нее условиях» [14, с. 17].

Идеология является концептуально оформленной системой, имеет форму научного знания, поэтому к ней необходимо подходить прежде всего с позиций геополитики, геоэкономики, геостратегии и национальной безопасности Российской Федерации. Необходимо также учитывать современные тенденции мирохозяйственных трансформаций, характеризующихся неустойчивостью, неопределенностью, турбулентностью. России не следует идти на поводу у представителей либеральной идеологии, навязывающих обществу западные ценности. Тем более что они на самом Западе себя не оправдали. Следует уточнить: откуда у либералов уверенность, что они помогут возродить Россию? Либеральная идеология утверждает приоритет индивидуальной свободы по отношению к существующему обществу с его традициями. На первый взгляд такая позиция демократична и гуманна. Но если посмотреть на другую сторону медали, то мы увидим, что индивидуальную свободу ограничивает свободная воля других индивидов. Все это на практике проявляется в еще более глубоких противоречиях и конфликтах. Мы считаем, что в России свой путь и слепое копирование чужих идеологий, тем более насильственно нам насаждаемых, представляет опасность для России.

Американская школа геоэкономики направлена на продвижение западных ценностей путем использования геоэкономических атрибутов в рамках постиндустриализма, навязывания техногенных инфраструктур в мировом пространстве, вплетания военных компонентов в высокие геоэкономические технологии. Геоэкономический экспансионизм США, сведенный к рангу государственной политики, приводит к накоплению самых острых противоречий относительно этнонациональных систем, на основании чего очерчивается угрожающая опасность фундаменталистских войн. Это является естественной реакцией жертв геоэкономического нападения [15].

Большая часть экспертного сообщества убеждена в том, что России не следует заимствовать модели демократии, показавшие свою функциональную ограниченность и явный дефицит гуманизма. А для России очень важна идеология гуманизма, в которой человек, вне зависимости от его национальной, этнической принадлежности, классового происхождения, пола и возраста, взглядов и убеждений, является высшей ценностью и об-

ладает рядом неотчуждаемых прав, в частности, правом на свободное развитие своих творческих способностей и духовности.

Ведь опустошенному духовно и нравственно, виртуализированному образу человека следует противопоставить духовность, нравственность и идеалы высокой культуры, свободное творческое и гармоничное развитие каждого индивида.

Ненужной и опасной для процветания России, по своей сути, является и капиталистическая идеология.

Главной целью жизни, согласно идеологии капитализма, является материальное преуспевание, нажива, стяжение денег и капитала любыми возможными средствами, и прежде всего за счет обмана и эксплуатации более слабых народов и членов общества [4, с. 6].

Столь позитивные ожидания россиян могут стать основой для укрепления России и ее позиций в мире, однако это будет возможно при проведении адекватной современным вызовам и угрозам социально-экономической политики и политики национальной безопасности.

Идеология также обладает мировоззренческим, целостным характером. Поэтому духовно-нравственные ценности и мировоззренческие основы просто обязаны стать базой развития общества и государства. Ведь отсутствие идеологии в России приводит к тому, что значительная часть стратегических разработок осуществляется без учета единого замысла и плана, законов диалектики природы, цивилизационных основ, мировоззренческих критериев, духовно-нравственных и морально-ценностных ориентиров. Это связано с тем, что вместо сетевого, нейронного планирования осуществляется линейное планирование развития социально-экономических систем в отрыве от циклов биосферы планеты, игнорирование восстановительных процессов природы и биологического разнообразия, геологической и природной предрасположенности и антропологических предпочтений развития территорий. Это, в свою очередь, порождает гипертрофированное развитие индустриализации и крайне низкий уровень внедрения природоподобных технологий, господство идеологии потребления, игнорирующей природные «дуги» регенерации и культуру моральных устоев общества.

Сегодня Россия — «мост» между двумя океанами — двумя центрами экономической силы. Волей судьбы мы «оседлали» путь из «англичан в японцы», как в былые времена путь из «варяг в греки». Мы получили «мост» между двумя цивилизациями, и у нас есть возможности черпать то лучшее, что есть на обоих берегах. Это обстоятельство, данное нам Природой и Историей, может сделаться одним из важнейших источников нашего процветания. И кроме того, этот «мост» нужен не только нам — он нужен всем [9, с. 58].

У многих исследователей вызывает справедливое возмущение и тревогу тот факт, что Россия не идентифицировала себя в мире и не предоставила мировому сообществу свою формализованную миссию.

Ю. Громько высказывает озабоченность тем, что «если не предложить цивилизационной миссии, с которой может быть связана цивилизационная идентичность населения России, умная, способная молодежь, несмотря на искреннюю любовь к Родине, покинет страну, поскольку заниматься интересными делами можно будет только за пределами России. Такая перспектива означает, что Россия будет исключена из актуального будущего. Все настоящее и актуальное будет происходить не в ней. Это чувство настоящего, трансформирующегося под кончиками твоих пальцев мира будущего, действует сильнее на способных и талантливых людей, чем “баксы” и обещания карьеры. Будущее будет присваиваться Россией во второй или третьей редакции, из чужих рук» [10, с. 171].

Несмотря на определенный пробел в выборе идеологии, нам следовало обратиться к своим истокам, прежде всего к своей исторической и космологической школе. Ведь основоположниками современных учений в данном направлении были отечественные ученые, такие как К. Циолковский, В. Вернадский, В. Глушков и др.

В новейшей космогонии принят принцип предрасположенности Вселенной к развитию жизни и разума. Экспоненциальное накопление генетического груза и разрушение природы можно рассматривать как вызов, на который человечеству в целом и каждому человеку предстоит дать ответ. И такие ответы уже формируются в виде предложений по дальнейшему совершенствованию технологии современной цивилизации, включающей, например, генную инженерию, трансплантацию органов, демографическое регулирование, нахождение способов продления активной и достойной жизни, создание искусственных разумных систем и как апофеоз совершенствование человека как вида и создание автономных искусственных образований и сущностей [3].

Формируя новую идеологию, мы не можем основываться только на философии, истории, социологии и политологии. Главную роль в выборе будущей идеологии будет играть выбор будущего. В идеологии существует еще одна очень важная сторона медали — экономика. Без решения данного вопроса надежды на новую идеологию без кардинальной смены существующих экономических теорий, моделей и систем нет.

Необходима новая экономическая система планетарного типа, которая будет способна преодолеть те проблемы и дисбалансы, с которыми столкнулось человечество. Оно породило их, внедряя хищнические экономические модели, направленные в первую очередь на удовлетворение своих материальных потребностей при общем падении духовности человечества. Поэтому безопасность экономики, не утрачивая в настоящее

время актуальность для отдельно взятой страны, выходит на планетарный уровень безопасности экономической системы и является основанием и тем необходимым условием, при котором внедряется информациогенная модель экономики [8].

Не будет ноосферы, не будет и устойчивого развития человечества. Нообиогеосфера определяет глобальные стратегические модели развития человечества. Нообиогеоценоз является почвой для формирования моделей мезоуровня, обеспечивающих участие человека, технологических процессов в конкретных циклах вещества, энергии и информации [11, с. 1012].

С позиций планетарно-космического видения решение проблемы будет находиться в треугольнике подсознания-сознания-надсознания. Для правильного построения данной комбинаторики необходимы как новое сознание, так и новые знания.

Именно ноосферная духовность является наиболее важной подсистемой ноосферы, в рамках которой формируются ноосферное сознание и ноосферное мышление. В основе последующего развития человечества будет «ноосферное бытие», и чем быстрее человечество овладеет подобным способом существования, тем у него больше шансов преодолеть существующие и будущие планетарные проблемы.

Выводы

1. Учитывая полиидеологичность современного общества, мы считаем, что для России на данном этапе не подходит в полной мере ни одна из существующих в современной классификации идеологий. Поэтому необходимо на переходный период создать определенную комбинаторику, в которую войдут самые лучшие элементы идеологий, приемлемых и востребованных российским обществом. Основу главного концепта комбинаторики данных идеологий должна составить интеграция Большой Евразии, в которой Россия должна занять роль геополитической притягательной центр силы.

2. Таким образом, от консервативной идеологии мы должны сохранить элемент сакральности прошлого и ценности, испытанные веками. Очень важно использовать при разработке идеологии богатое наследие предков.

От социалистической идеологии необходимо взять принципы социальной справедливости и равенства людей. В отличие от либерализма здесь равенство понимается не как формальная одинаковость исходных позиций в соревновании, а как реальное и охраняемое государством равенство экономических и социальных возможностей всех членов общества. И безусловно, оставить основные принципы идеологии гуманизма, признающей высшей ценностью человеческую личность, ее свободу, счастье, развитие и проявление ее творческих способностей.

3. Вся эта комбинаторика необходима для того, чтобы подготовить российское общество к переходу на ноосферную идеологию. Мы считаем, что России нужна идеология ноосферы — сферы разума. Именно эта идеология способна спасти Россию и мир от цивилизационного кризиса и планетарной катастрофы.

4. Идеология капитализма с ее кризисной природой, несправедливостью и антигуманностью для России неприемлема.

Мы считаем, что в России необходимо провести комплекс подготовительных мер для внедрения информациионогенной хозяйственной системы, соответствующей критериям нравственной экономики и основанной на принципах ноосферной идеологии.

Литература

1. *Воложанин В. В., Петров В. П.* Основы теории новой Российской империи. — М.: Кислород, 2012.
2. *Громыко Ю. В.* Класс RAZVITIE. — Киров: Дом печати — Вятка, 2013.
3. *Капитонова Ю. В., Летичевский А. А.* Парадигмы и идеи академика В. М. Глушкова. — К.: Наукова думка, 2003.
4. *Катасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / научн. ред. О. А. Платонов. 4-е изд., доп. — М.: Институт русской цивилизации, 2015.
5. Конституция Российской Федерации. — М.: Проспект, 2001.
6. *Кочетов Е. Г.* Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства): учебник. — М.: БЕК, 1999.
7. *Мунтиян В. И.* Евразийские экономические трансформации в преодолении цивилизационного кризиса: монография. — К.: КВИЦ, 2015.
8. *Мунтиян В. И.* Информационная парадигма. — К.: КВИЦ, 2006.
9. *Осипов Г. В.* и др. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / отв. ред. Г. В. Осипов. 2-е изд., доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
10. *Райзберг Б. А.* Современный социоэкономический словарь. — М., 2012.
11. *Семигин Г. Ю.* Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2010.
12. *Смолин М. Б.* Русский путь в будущее. — М.: ФонДИВ, 2007.
13. *Томчин А. Б.* Русский менталитет. Рашен-безбашен? За что русским можно простить любые недостатки. — М.: Центрополиграф, 2018.
14. *Шувалов Ю. Е., Посадский А. В.* Российский консерватизм: ценностные основания и стратегия развития. — М.: Изд. дом «Аткара», 2010.
15. *Яковец Ю. В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. Междунауч. ин-т П. Сорокина — Н. Кондратьева. — М.: Экономика, 2001.
16. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6869>
17. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ideologiya.html>

РАЗДЕЛ II

ИДЕОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

С. С. СЛЕПАКОВ

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЭКОНОМИКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ: ИДЕОЛОГИЯ *VS* СМЫСЛЫ И РЕАЛИИ

Проблема выхода российской экономико-хозяйственной системы из более чем десятилетней стагнации, роста национальной экономики на уровне статистической погрешности требует объективного диагноза, выяснения причин деструктивного развития. Оставим «за скобками» неизбежные деструкции, такие как устранение физически и морально устаревших производств, технологий и институтов; издержки (затраты, потери), необходимые при осуществлении любой полезной деятельности.

В прогнозах экономико-хозяйственного развития, как правило, присутствует некоторая неопределенность. Обстоятельства и условия (события, технологии, институты, формы и способы организации, управления, стимулирования), преодолевая горизонт современности, нередко выходят за рамки сложившихся представлений. Однако во многих случаях общий результат экономико-хозяйственного и социального развития бывает заведомо очевиден, грядущие успехи и неудачи вполне предсказуемы.

Речь идет о ситуациях, здоровое и компетентное осмысление которых изначально убеждало: средства, предложенные для решения экономико-хозяйственных задач прогрессивного развития (реформации, правила, условия, механизмы, инструменты и пр.), контрпродуктивны и вредны, а их применение гарантирует неуспех. В результате заведомо ухудшающих внедрений неизбежны деструкции «работающих», опорных, жизнеспособных элементов национальной хозяйственной системы; масштабные, невозполнимые потери, которые в рамках реализуемой парадигмы явно не могут быть компенсированы. Но, невзирая ни на что, неприемлемые новации авторитетно и непререкаемо бывают представлены обществу как прогрессивные, неуклонно внедряются и продвигаются. Альтернативные мнения экспертов и специалистов, попытки сопротивления разрушаемых структур и организаций, социальные потери и про-

тесты властью и политическими элитами не принимаются во внимание, решительно отвергаются.

Возможность возвращения к жизни системно и структурно деформированной хозяйственной системы стремительно перерастает из трудно-разрешимой в практически безысходную проблему. В условиях утверждения во власти новых, деструктивных сил, «деидеологизации» и организационного хаоса в хозяйственном управлении ответы на вопросы: кто, в чьих интересах, каким образом, какими средствами и ресурсами способен разрешить эту проблему — не находят ответов. Проблема обеспечения жизнеспособности и возрождения национальной хозяйственной системы не легитимизируется и вообще не включается в повестку дня. Сохраняет актуальность лишь вопрос внедрения и подчинения хозяйственной системы новоявленным правилам.

Отвлеченными, вульгарными иллюстрациями абсурдных и явно ухудшающих хозяйственных решений могут служить, например, попытки: стимулировать развитие посредством существенного ограничения ресурсов инвестирования и кредитования; улучшить жилищные условия некоего субъекта, изначально лишив его жилища; повысить уровень жизни субъекта средствами финансовой и иной поддержки со стороны его конкурентов либо посторонних, незаинтересованных агентов; добровольно прекратить собственное, жизнеобеспечивающее производство (товаров, услуг) по причине превосходства в эффективности и качестве других участников воспроизводственного процесса. Диагноз профессора Преображенского: «Разруха... в головах» (М. А. Булгаков «Собачье сердце») никогда не утратит актуальности.

Идея альтернативной замены институтов государственного социализма институтами рыночной экономики (отмены общественной собственности, централизованного, государственного планирования и управления при одновременном внедрении частной собственности, конкуренции и предпринимательства) как средства динамичного формирования в России эффективной конкурентоспособной хозяйственной системы деструктивна по сути. Институты государственного управления и рыночной экономики по своей природе и функционально различны. Они взаимодополняемы, но не взаимозаменяемы. Внедрение (как правило, под видом инновационных и прогрессивных) подобных реформаций вызывает к жизни явления, которые мы назовем детерминационными деструкциями экономико-хозяйственных систем (в значении их predetermined обреченности).

Достоверными иллюстрациями таковых служат аномалии в экономико-хозяйственном развитии пореформенной России. При явно ухудшающем характере реформаций страна тем не менее без малого 30 лет живет по принципам теории равновесия и Вашингтонского консенсуса. Произо-

шло «изгнание» из хозяйственной жизнедеятельности институтов системного, стратегического, государственного управления и централизованного планирования. Тем самым в национальном хозяйстве высвободилось пространство для тотального господства глобального капитала и государственных корпораций, абсолютной идеи животворной роли прибыли в любых ее проявлениях, включая экономико- и социально-деструктивные. Принципиально исключена сама возможность существования общественных, национально-государственных интересов. Во власти концептуально господствует институциональный порядок, при котором властные и бизнес-элиты реализуют собственные, эгоистические интересы как приоритетные по отношению к интересам общества и государства.

Принцип «Свобода избранным, остальным — рабство!» в равной мере отвечает идеям коммунизма и глобализма. Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Бесы» Петр Верховенский предрек коммунизм как строй, при котором «одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть, рядом перерождений, первобытной невинности, хотя, впрочем, и будут работать» [2].

Есть основания считать данное утверждение справедливым и в отношении идеологии либертарианства, реализуемой в экономико-хозяйственной жизнедеятельности. В этом убеждают смысловые утверждения детерминационной, экономико-хозяйственной деструктивности российских реформ (ниже представлен их далеко не полный перечень):

1. Директивной, стремительной приватизации — экономически и социально не обоснованной раздачи стратегических и прочих активов в сугубо политических целях достижения «точки невозврата» к социализму и укрепления новой власти.
2. Внедрения свободного, нерегулируемого курса валюты, который служит идеальной средой для валютных спекуляций в финансовом секторе и бесконтрольной, избыточной волатильности на валютных рынках.
3. Дробления монополий как средства демонополизации, защиты конкуренции и формирования конкурентных структур, имеющего результатом образование на рынке множества относительно мелких и средних, неуправляемых монополий.
4. Либерализации экономики, в неконкурентной среде означающей доминирование монополий в лице органов власти, естественных и иных корпоративных структур.
5. Снятия ограничений с импорта товаров, обеспечивающего неограниченные преференции импортерам и дискриминацию отечественных товаропроизводителей.

6. Определения в качестве приоритетных направлений развития науки, культуры и здравоохранения. В условиях заведомо недостаточного финансирования социальной сферы и коммерциализации социальных услуг такого рода утверждения носят явно демагогический характер.
7. Минимизации вмешательства государства в процессы регулирования экономики, означающей развитие в стране нецивилизованного рынка.
8. Создания в национальном хозяйстве дефицита финансовых ресурсов, обрекающего страну на стагнацию, деградацию и неизбежную зависимость от зарубежного финансирования, тем более при нарастании международных санкций. Уровень ключевой ставки Центробанка России запретительно высок для инвестирования и долгосрочного кредитования. В условиях стагнирующей экономики поддержание устойчивого профицита бюджета, придание приоритетной значимости мерам по снижению инфляции (кстати, мало результативным в сферах реализации товаров и услуг для населения) противоестественны.

Результатом детерминационных деструкций служит явление экономико-хозяйственного и социального некроза, развивающегося в условиях дистрофии и дисфункции власти, не способной перейти от алгоритмов деградации к конструктивному управлению. Речь идет о заметном, прогрессирующем сокращении в стране прежде освоенных хозяйственных территорий; консервативном несовершенстве и прогрессирующей деградации воспроизводственной, экономико-хозяйственной структуры; кризисе производства высокотехнологичной, конкурентоспособной продукции второго передела; безудержном вывозе российских капиталов за рубеж в условиях неприемлемого состояния инвестиционного климата; существенных потерях в социальной сфере. Россия более 30 лет существует в парадигме выживания, и переход к парадигме развития в сложившихся условиях проблематичен.

«Разруха в головах»: неадекватность мировоззрений, мироощущений, мировосприятий национального сообщества, его политических и прочих элит — вот главная причина, формирующая среду детерминационной деструкции экономико-хозяйственной системы современной России.

Проблема неспособности сообществ адекватно, критически оценивать сложившиеся обстоятельства и определять свои образы жизни и действий в соответствии с политическими и экономико-хозяйственными реалиями явно носит ментальный характер. Поскольку речь идет о революционных (после 1991 г.) переменах в экономико-хозяйственном развитии, уместно привести еще один фрагмент романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «В смутное время колебания или перехода всегда и везде появ-

ляются разные людишки. Я не про тех так называемых “передовых” говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшей, но все же с определенной более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду то малой кучки “передовых”, которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор, куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается» [2].

Диагностика первопричины российской экономико-хозяйственной деструкции и деградации в период «смутного времени» — перехода от государственного социализма к рыночной экономике (на деле в хаос и неизвестность) — наводит на мысль о мировоззренческой дезориентации социума, явлении его «ментальной разрухи». В связи с данным обстоятельством без малого через 30 лет с момента начала перехода в России приобретает популярность идея возрождения идеологии как средства оздоровления и созидательной мобилизации общественного сознания. Из марксистско-ленинской идеологии, которая еще на закате «развитого» социализма в СССР уже мало кого вдохновляла, общество оказалось в «сумрачном лесу» якобы деидеологизации. Так ли? В этом плане заслуживает внимания мнение Ю. М. Осипова: «Человек — существо идеологическое и, конечно же, идеократическое.... идеология — целостный (и самодовлеющий) идейно-идеократический концепт, предполагающий и отстаивающий свое воззрение на бытие, внедряющийся (внедряемый) в сознание человека, так или иначе управляющий сознанием и поведением человека, делающий человека особенным, но при этом и типовым, немало и определяющий человеческую экзистенцию... Деидеологизированных сообществ вроде стран, государств и наций нет и быть не может!» [3, с. 11–12].

Поскольку идеология во всех случаях есть символ веры, некий фетиш, при перемене идеологий в общественном сознании неминуемы столкновения внешних агрессивных с их восприятиями и последующими реакциями. Идеологий множество. В их числе условно можно вычленишь идеологии условного Запада: глобализм — трансатлантизм, демократию, либерализм; идеологии социализма: государственные, национально-хозяйственные модели; «вождизм», «патриотическое моделирование» (традиционное для России) [7]; идеологии многополярного мира; идеологии Востока и пр.

Любое из идеологических построений опосредовано некоей ортодоксальной идеей, как правило, нетерпимой по отношению к прочим. В каждом случае социально-хозяйственный конструктив оказывается вторичен по отношению к идеологическому приоритету. То есть идеология может

прямо, непосредственно влиять на экономико-хозяйственное сознание, и влияние это по своему воздействию бывает далеко не однозначным. Идеологические концепты во всех случаях политически ангажированы. Немецкий философ (социолог, психолог, психоаналитик) прошлого века Эрих Фромм считал, что человек действует согласно своим интересам, однако в реальности он посвящает свою жизнь достижению бесполезных для него целей. Это утверждение в современном глобальном мире сохранило высокую актуальность. Вполне созвучны времени утверждения ученого о том, что «современный человек... подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам — или потерять ее, превратившись... в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат». И далее: «Мы живем в эпоху, когда логика бюджета, логика производства вещей распространилась на самую жизнь человека. Человеческие существа, как и вещи, обратились в числа. Вещи и люди стали величинами, входящими в производственный процесс... В наше время повиновение не признается повиновением, а рационализируется как “здравый смысл”, как простое согласие с объективной необходимостью... человек смертельно запуган могуществом больших бюрократий, большими размерами всего — государства, промышленной бюрократии, профсоюзной бюрократии. Он не просто запуган. Он чувствует себя ничтожно малым... становится робким... рад принять руководство власти». Чтобы спастись от этого «самоуничтожения... необходимо все большее понимание важнейших фактов нашего социального бытия... осознание», повышение нашей способности «к объективности и разумному суждению». «“Критическое настроение” делает человека чувствительным ко всяким штампам, имеющим хождение под именем “здорового смысла”, того здравого смысла, который повторяет без конца одну и ту же нелепость, смысл которой лишь в том, что ее повторяют все». А идеология служит средством прикрытия неприемлемой реальности [6].

Пожалуй, из всех возможных дефицитов современный мир сегодня не испытывает дефицита в идеологии. Как и в любой человеческой деятельности, в идеологизации социума может быть обнаружена и рациональная составляющая. Реальная польза идеологии видится в возможности утверждения в общественном сознании необходимых национально-государственных и духовных ценностей.

Однако идеология бессильна против реальной опасности для мирового и российского сообществ, состоящей в преобладании клипового мышления, дефицитности адекватного осознания, понимания, представлений, разумных суждений о реалиях и исторической ретроспективе. В выборе информационных источников в мировом сообществе и России доминирует идеономика. Общественное представление о достоверных данных и надежном экспертном мнении находится на рекордно низком уровне. Ис-

следование, проведенное в Германии, показало, что люди гораздо больше верят тому, что написано в научно-популярной статье, чем изложенному в академической статье, предназначенной для экспертов и специалистов. Предпочитая информацию из области популярной науки и журналистики, люди недооценивают значимость приобщения к мнениям и заключениям экспертов на пути к достоверным знаниям, часто отказываются от изучения экспертных заключений, которые считают чрезмерно сложными и недоступными для своего понимания [4].

Поэтому в оздоровлении и созидательной мобилизации общественного и индивидуального, экономико-хозяйственного сознания существенная роль принадлежит повышению уровня социально-культурной и интеллектуальной зрелости общества. От того, как разрешается противоречие между идеологическими воздействиями и способностью общества и его индивидуальных представителей адекватно понимать смыслы и критически оценивать реалии, противостоять идеологическим и иным информационным воздействиям, в конечном итоге зависит момент выявления и отказа от симулякров — необходимый пункт на пути к преодолению явления детерминационной деструкции в экономико-хозяйственной системе современной России [1, с. 122].

Литература

1. *Бузгалин А. В.* Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. — 2018. — № 2.
2. *Достоевский Ф. М.* Бесы. // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1544/p.71/index.html> (дата обращения: 02.11.2019).
3. *Осипов Ю. М.* Идеология для актуальной России // Философия хозяйства. — 2019. — № 3. — С. 11–12.
4. Проще — не лучше: как популяризация убивает науку // Идеономика — умные о главном. URL: <https://ideanomics.ru/articles/8673> (дата обращения: 27.10.2019).
5. *Сурков В.* Долгое государство Путина // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 30.10.2019).
6. *Фромм Э.* Бегство от свободы // Абрам Ильич Фет. Персональный сайт. URL: http://www.aifet.ru/books/transl_v6_Fromm.pdf (дата обращения: 24.10.2019).
7. *Хасбулатов Р.* Капитуляция произошла потому, что наша страна ориентирована на вождя // Деловая электронная газета Татарстана «БИЗНЕС Online». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/427760> (дата обращения: 01.11.2019).

ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ИДЕОЛОГИЯ VS ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА: ВОЗМОЖНО ЛИ РАЗВИТИЕ?

Основой государственной экономической политики лидирующих стран Запада является поддержание высокого уровня жизни своего населения за счет эксплуатации экономик других стран. Поэтому естественные попытки ограничить технологическое развитие конкурентов за счет рыночных и нерыночных механизмов стали новыми противоречиями настоящего времени. Для подавления конкурентов в мире неограниченной свободной торговли используются олигополистические структуры (в частности, транснациональные корпорации (ТНК), получающие поддержку отдельных стран и даже их объединений). В отсутствие конкуренции со стороны реального сектора современной российской экономики зарубежные ТНК получают монопольно высокую прибыль, в связи с чем развитые страны стремятся упрочить свои позиции путем дальнейшей либерализации рынков.

На современном этапе развития отечественная экономика находится в критической точке, она «выкраивает» наилучший вектор, который и предопределяет судьбу государства в мировом сообществе. Отсутствие собственного промышленного сектора приводит к деградации национальной экономики, которая в технологическом отношении оказывается отброшена на десятки лет назад. В связи с этим необходимы коренные системные и институциональные изменения, направленные на срочное развитие национального производящего сектора.

Кажущийся высокий уровень благосостояния обусловлен эксплуатацией национальных ресурсов, когда подавляющее большинство товаров закупается за рубежом на нефtedоллары. При гипотетическом снижении цены на нефть до 10–20 долл. за баррель, что является весьма вероятным в соответствии с современными тенденциями развития энергетических рынков, последствия для российской экономики будут катастрофическими.

Вышеприведенные факторы свидетельствуют о том, что для реализации перспективных моделей развития российской экономики необходим новый, философско-экономический подход. В основу стратегий национального развития необходимо положить модель эндогенного ро-

ста, предполагающего преимущественную опору на внутренние ресурсы, при одновременном взаимодействии национальной экономики с внешней средой, учитывающем как уровень развития национальной экономики, так и внешние вызовы и ограничения. Для обеспечения ориентации на экспорт и специализации стран периферии на «нужных» секторах экономики ВТО, МВФ и Всемирный банк используют теорию внутренних затрат на ресурсы, представляющих собой единицу измерения затрат на сырье, необходимое для производства одного вида товара, позволяющего купить или сэкономить одну валютную единицу. Внутренние затраты на ресурсы представляют как индикатор, который следует использовать для разделения отраслей экономики на потенциально успешные, которые стране необходимо развивать, и на «неэффективные», в которых производство товаров и услуг необходимо свернуть или вовсе не пытаться создавать и развивать. В теории и на практике это означает ориентацию стран на экспорт товаров исходя из сложившейся конъюнктуры рынка [1, с. 125–126]. Внедрение перспективных моделей развития российской экономики должно учитывать эти аспекты современной системы мировой экономики.

Членство в ВТО для России в большей степени способствует деградации конкурентоспособности национальной экономики, чем ее развитию. Нормы и правила ВТО определяют ориентацию России на экспорт энергоресурсов и товаров низкого передела, снижают рентабельность многих отраслей народного хозяйства, прежде всего связанных с реальным производством. Основные надежды при вступлении России в ВТО были связаны с расширением рынков сбыта металлургической продукции и невозможностью создания дискриминационных условий со стороны западных стран, прежде всего США [13, с. 24]. Однако фактически экспорт чугуна, труб и проката снижался вплоть до 2017 г., рост экспорта в котором во многом обусловлен снижением курса рубля к доллару.

Более важным является тот факт, что в ситуации становления отраслей экономики, пострадавших во время распада СССР, Россия лишается возможности таможенно-тарифной защиты национальных производителей. В условиях ВТО крупные ТНК получают возможность беспрепятственного доступа на отечественный рынок, установления монополии на реализацию товаров и последующего повышения цен. В это время Россия растрчивает промышленный потенциал и высококвалифицированных работников [2, с. 3].

ВТО рассматривает общественные блага как коммерческие товары и настаивает на их приватизации и передаче под контроль частных компаний. Результатом господства логики извлечения максимальной прибыли из сферы жилищно-коммунального хозяйства, культуры и спорта является приватизация систем водоснабжения, дорог между городами,

природных парков и многих других социальных объектов [16]. Правительства государств — членов ВТО не имеют права регулировать цены. Данные действия в рамках ВТО рассматриваются как «препятствия на пути свободы торговли» и влекут наложение экономических санкций на государство. Россия, вступив в ВТО, не только согласилась на последовательное уменьшение импортных пошлин и тарифов до минимального уровня по более чем 700 товарным позициям, но и практически отказалась от поддержки экспорта.

При отсутствии возможности снижения цен на природные ресурсы одним из немногих механизмов повышения конкурентоспособности национальной экономики остается снижение заработных плат. Заработная плата показывает стоимость людских ресурсов и является одной из основных характеристик эффективности человеческого капитала и качества рабочей силы, а также характеризует уровень жизни населения. Согласно данным Росстата, реальная начисленная заработная плата населения России уменьшилась на 9,3% при увеличении ее номинального уровня на 4,8% (рис. 1).

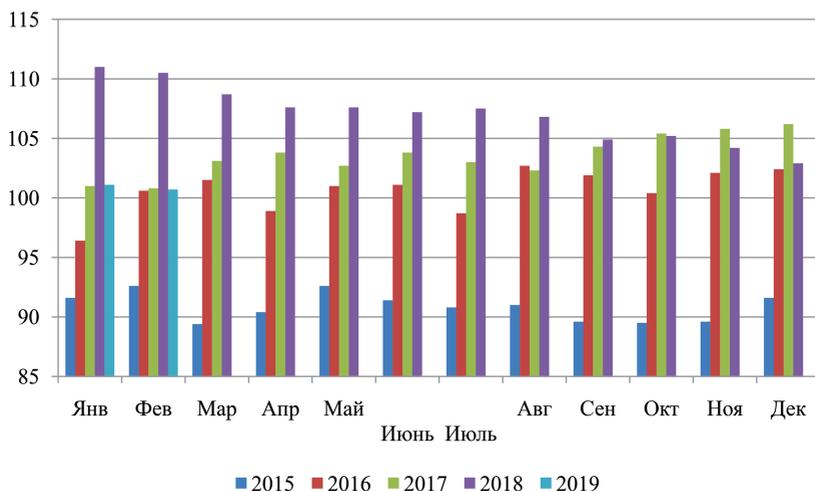

Рис. 1. Реальная начисленная заработная плата в % к соответствующему периоду предыдущего года
Источник: составлено автором по данным Росстата [5].

Снижение курса национальной валюты в России привело к уменьшению уровня оплаты труда в долларовом выражении. Оценки экспертов Высшей школы экономики показывают, что в 2015 г. уровень заработной платы в России в долларовом выражении стал меньше, чем в Китае, несмотря на то что еще в 2013 г. складывалась обратная ситуация [6]. Однако представленные в докладе расчеты базируются на номинальных об-

менных курсах валют и в связи с этим не являются надежным индикатором уровня жизни населения.

Дополнительный анализ проведен по ППС по индивидуальному потреблению. Расчеты экспертов Высшей школы экономики (табл. 1) показывают, что заработная плата в России в 2015 г. составила 1762 долл. США по ППС, что на 9,4 % ниже уровня 2014 г. и более чем в 3 раза выше, чем уровень заработной платы в 2015 г., определенный по номинальному курсу рубля к доллару США.

Таблица 1

**Реальная среднемесячная заработная плата в долларах
по обменному курсу ППС в 2011–2015 гг.**

Страна	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	588	613	731	751	780
Кыргызстан	531	608	612	626	606
Молдова	558	606	638	686	714
Россия	1394	1591	1782	1944	1762
Украина	800	932	1024	983	791
Казахстан	1077	1176	1215	1283	1252
Бразилия	960	1021	1054	1099	1066
Болгария	883	934	997	1066	1160
Польша	1754	1841	1927	1996	...
Румыния	1052	1084	1118	1191	1317
Венгрия	1536	1551	1607	1666	1733
Китай	942	1049	1141	1245	...
Чехия	1678	1722	1730	1790	1747
Хорватия	1796	1881	1915	1933	1999

Источник: [8, с. 31].

При международных сравнениях оценки, сформированные на базе номинальных обменных курсов валют, показывают падение заработной платы в России в 2015 г. до уровня Казахстана и Болгарии и ниже заработных плат в Китае и Бразилии. Однако анализ на основе скорректированных с учетом ППС курсов валют показывает, что уменьшение заработной платы в России в 2015 г. повлекло сближение российского уровня оплаты труда с показателями стран СНГ, Китая, Бразилии, но не привело к падению ниже уровня этих стран. Тем не менее очевидно, что уменьшение уровня оплаты труда широко используется для повышения конкурентоспособности России в последнее время. Следует отметить, что для совре-

менной России характерна низкая норма накопления (рис. 2). При международных сопоставлениях очевидно, что данный показатель находится на низком уровне и значительно отстает не только от стран с динамично развивающейся экономикой (Китай, Индия), но и от развитых государств (США, многие страны Европейского союза). В таких условиях затруднено решение задач структурно-технологической модернизации экономики, для решения которых необходим рост нормы накопления до 35%, по оценкам ряда экспертов [4, с. 12]. Следствием низкой нормы накопления является высокая норма потребления, определяющая высокое относительно уровня развития страны благосостояние населения.

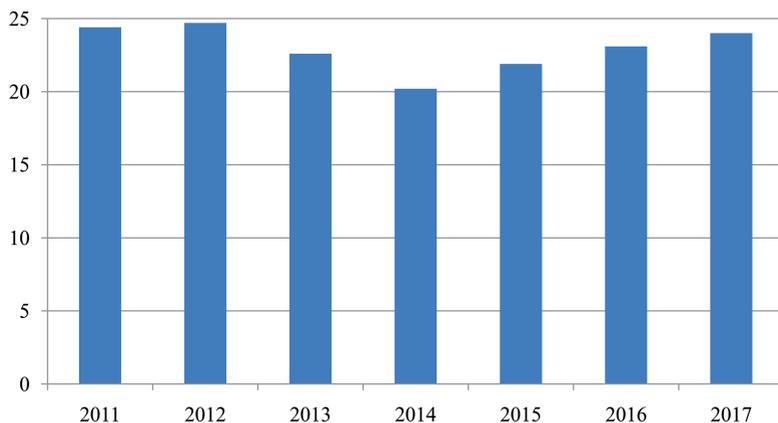

Рис. 2. Валовое накопление в структуре использования ВВП, %
Источник: составлено автором по данным Росстата [10; 11].

Неготовность к снижению уровня жизни обусловлена историческим прошлым в советский период. После завершения Второй мировой войны уровень жизни населения начинает стремительно расти. В 1946 г. заработная плата рабочих и инженерно-технического персонала, задействованного на стройках и предприятиях Дальнего Востока, Сибири и Урала, увеличивается на 20%, соответствующим образом повышаются должностные оклады работников с высшим и средним специальным образованием в области медицины, науки и образования [14].

В конце 1947 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) [9] прекратили действовать карточная система обеспечения промышленными и продовольственными товарами, а также единые государственные цены на промтовары и продукты. После упразднения карточной системы ассортимент товаров в государственных магазинах значительно возрос, одновременно снизились и цены на промышленные и продовольственные товары.

В условиях неготовности населения России к снижению уровня жизни, вызванного падением реальных заработных плат, одним из немногих механизмов повышения конкурентоспособности экономики остается миграция рабочей силы. За последнюю треть XX в. число мигрантов в мире увеличилось с 75 до 200 млн человек и до 244 млн человек в 2015 г. [15]. Результатом этого процесса стало увеличение доли мигрантов в общей численности мирового населения до 3% в 2015 г. При этом доля мигрантов в странах с высоким уровнем дохода в среднем составляла 13%, с низким и средним уровнями дохода — 1% населения [18].

Миграция способствует активизации рынка высококвалифицированной рабочей силы, ограничивая приток неквалифицированных кадров за счет национальных барьеров, что открывает возможность принимающим странам использовать высококвалифицированный труд, оплачиваемый ниже, чем труд резидентов. Этот аспект позволяет России без ухудшения уровня жизни коренного населения восполнить нехватку кадров и в целом повысить национальную конкурентоспособность. Однако интенсификация миграционных потоков, характерная для последнего времени, привела к эмиграции высококвалифицированных кадров из развивающихся стран. Данная проблема характерна и для России (рис. 3).

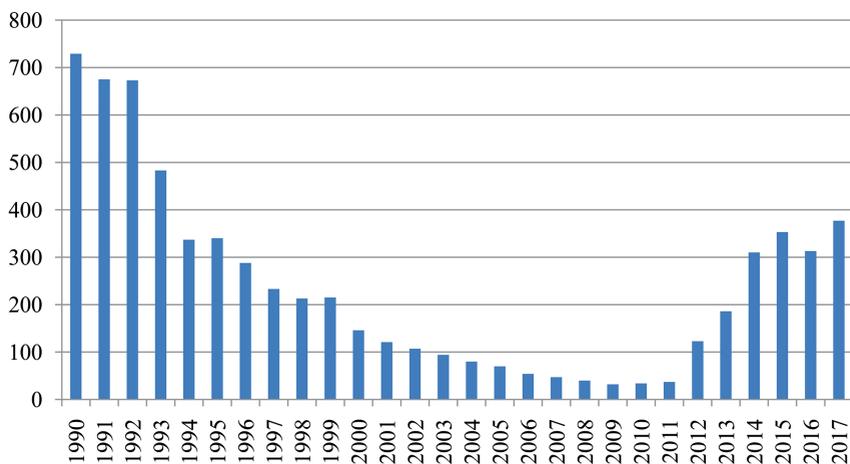

Рис. 3. Число российских эмигрантов, тыс. чел.

Источник: составлено автором по данным Росстата [10; 11].

В связи с тем, что преимущественно эмигранты представляют собой наиболее квалифицированных сотрудников, ежегодный ущерб от такой ситуации является колоссальным [12, с. 58]. Представляется, что расширение трудовой иммиграции в связи с повышением уровня жизни рези-

дентов поможет преодолеть негативную эмиграционную тенденцию последних лет. Подобные инициативы в настоящее время находят воплощение в новой Концепции миграционной политики на 2019–2025 гг. [7].

Сегодня в России созданы уникальные условия для модернизации отечественной промышленности и восстановления экономического роста. Коллектив Института народнохозяйственного прогнозирования РАН в числе благоприятных факторов выделяет новые ценовые пропорции, сформировавшиеся за счет ослабления курса рубля к доллару, незагруженность высокоэффективных производственных мощностей, наличие квалифицированных сотрудников в реальном секторе, позволяющее быстро увеличить объемы выпуска продукции, и вытеснение импортных товаров с российского рынка, способствующее расширению рынка сбыта для национальных производителей [3, с. 3]. При этом за счет производства продукции на незагруженных мощностях потенциальный прирост ВВП составляет 3–5% с аналогичным приростом ВВП за счет вытеснения импортной продукции с национального рынка [3, с. 4].

На определенном этапе развития стране будет необходимо открыть границы для расширения рынка сбыта продукции и обеспечения дальнейшего использования эффекта возрастающей отдачи¹. К этому моменту национальные производители достигнут необходимого для интенсивной международной конкуренции уровня развития. Это означает, что масштаб их деятельности обеспечивает сравнительно низкие удельные издержки на производство единицы продукции или услуг. Наиболее удовлетворяют поставленным требованиям механизмы, позволяющие получить эффект масштаба не за счет роста выпуска продукции одного вида, а за счет развития производства различных товаров, объединенных технологической зависимостью и формирующих законченный цикл производства. Таким образом, в предлагаемом варианте масштабы производства будут обусловлены горизонтальной и вертикальной интеграцией производителей.

Кроме того, современные экономические реалии диктуют необходимость качественного изменения стратегии ведения бизнеса в России. Сегодня для обеспечения устойчивого развития предприятиям необходимо не только производить конкурентоспособные на текущий момент товары и услуги, но и превентивно внедрять инновации в производственную деятельность [19, с. 51]. Предпочтительной формой организации этого процесса являются технологически или территориально объединенные ком-

¹ Данное положение соответствует выводам экспертов ИНП РАН, предлагающих повышение эффективности производств на первой стадии (до 2020–2025 гг.) с дальнейшим расширением внешнеэкономической деятельности, позволяющим нарастить доходы и сократить отставание по уровню жизни россиян от представителей развитых стран.

плексы. В таком случае создаются условия для технологического и информационного обмена, организации совместных НИОКР и внедрения их результатов, то есть формирования кластеров инновационной активности [17, с. 38].

Кластеры объединяют наиболее конкурентоспособные относительно автономные предприятия, взаимодействующие друг с другом. При концентрировании в одном образовании конкурентных преимуществ различных уровней происходит их взаимное наложение, взаимодействие, вовлекающее в кластер новые организации и их совокупности. В кластере конкурентоспособность передается по технологической цепочке. При улучшении качества продукции какого-либо предприятия кластера остальные входящие в кластер производители также вынуждены развивать качественные характеристики своих товаров, а следовательно, и собственную конкурентоспособность. Таким образом, можно сформулировать основной принцип кластерного подхода: при достижении хотя бы одной организацией кластера глобальной конкурентоспособности взаимодействующие с организацией (организациями) субъекты вынуждены соответствовать ее (их) уровню конкурентоспособности. Развитие же окружения способствует дальнейшему повышению конкурентоспособности данной фирмы. В конечном итоге формируется кластер конкурентоспособных компаний, способный к самостоятельному развитию. На этапе становления самостоятельности и конкурентоспособности экономики дополнительным преимуществом является то, что с использованием кластерного подхода становится возможным первоначально вовлечь в кластер и простимулировать ограниченное количество компаний, которые в дальнейшем самостоятельно введут во взаимодействие другие компании.

Активизация трудовой миграции является первым шагом внедрения перспективной модели развития российской экономики, позволяющей без снижения уровня жизни резидентов уменьшить издержки производства. Факторы миграции населения, непосредственно воздействующие на ее интенсивность, благоприятствуют международной эмиграции в Россию. В числе таких факторов можно назвать различия в демографическом воспроизводстве и формирование молодой структуры населения в развивающихся странах, значительную и все возрастающую поляризацию жизненного уровня населения различных стран, перенаселение депрессивных регионов мира, а также рост безработицы и различия в занятости трудоспособного населения. Получив исходные конкурентные преимущества в виде низких удельных производственных затрат за счет дешевой рабочей силы, возможно реализовать развитие национальной экономики по кластерной модели в производстве высокотехнологичной продукции.

Литература

1. *Альпидовская М. Л.* Вступление в ВТО, или «Новая экономическая химера» современного общества постмодерна // Век глобализации. — 2013. — № 1. — С. 125–135.
2. *Альпидовская М. Л., Свитич А. А.* Национальные экономические интересы как приоритет в программе модернизации национальной экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — № 20 (113).
3. *Ивантер В. В.* и др. Восстановление экономического роста в России. Научный доклад ИНП РАН // Проблемы прогнозирования. — 2016. — № 5 (158). — С. 3–17.
4. *Ивантер В. В.* и др. Новая экономическая политика — политика экономического роста // Проблемы прогнозирования. — 2013. — № 6. — С. 3–16.
5. Информация о социально-экономическом положении России — 2019 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B16_00/IssWWW.exe/Stg/dk10/6-0.doc (дата обращения: 30.10.2019).
6. Комментарии о государстве и бизнесе 5–25 февраля 2016 г. / Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». URL: https://dcenter.hse.ru/data/2016/03/25/1127958466/KGB_108.pdf (дата обращения: 30.10.2019).
7. Мигрантополучатели. Сформированы структуры, которые займутся привлечением в Россию новых граждан // АО «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3909388> (дата обращения: 30.10.2019).
8. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Май 2016 / под ред. Л. Н. Овчаровой. — М.: НИУ ВШЭ, 2016.
9. Постановление Совмина СССР, ЦК ВКП(б) от 14.12.1947 № 4004 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8195*03679353706277592 (дата обращения: 30.10.2019).
10. Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2015.
11. Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. — М., 2018.
12. *Рубинская Э. Д.* Роль мирового рынка высококвалифицированных специалистов в постиндустриальной экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2011. — № 3. — С. 53–64.
13. *Самарина В. П.* «Плюсы» и «минусы» вступления России в ВТО для черной металлургии // Экономика в промышленности. — 2012. — № 3. — С. 23–26.
14. *Торгашев В. А.* Экономическая контрреволюция Хрущева // Правда-info. URL: <http://www.prawda.info/economics/110898.html> (дата обращения: 30.10.2019).
15. Центр новостей ООН // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.WEFaGzW7qUk> (дата обращения: 30.10.2019).
16. *Chossudovsky M.* Global brutal. Der entfesselte Welthandel, die Armut, der Krieg. — Frankfurt a. M., 2002.
17. *Engel J. S.* Global clusters of innovation: Lessons from Silicon Valley // California Management Review. — 2015. — Vol. 57. — No. 2. — P. 36–65.

18. International Migration Report 2015: Highlights / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (дата обращения: 30.10.2019).
19. *Pisano G.P.* You need an innovation strategy // Harvard Business Review. — 2015. — Vol. 93. — No. 6. — P. 44–54.

НОВАЯ БИПОЛЯРНОСТЬ КАК ФАКТОР СОРЕВНОВАТЕЛЬНОГО БЫТИЯ

Во время холодной войны в течение полувека биполярная модель организации международных отношений позволяла поддерживать более или менее симметричную расстановку сил в мировой экономике. Враждебная настроенность идеологически несовместимых соперников четко очерчивала концентрические круги власти на геополитической карте мира, в которых практически безраздельно господствовали представители социалистической и капиталистической экономических систем. Поддержание баланса в мировой экономике достигалось за счет действия простого принципа: в отношении друг друга обе системы функционировали в режиме автаркии, практически полностью осуществляя удовлетворение внутренних потребностей за счет собственных промышленных мощностей. Обе системы воспроизводили и популяризировали уникальную систему ценностей, которая всячески порицалась и уничтожалась в противоположном лагере, поскольку представляла угрозу его идеологической и политической целостности. Для предотвращения и противодействия попыткам пропаганды альтернативных ценностных установок на территории противника информационное пространство обеих систем находилось под неусыпным контролем властей. Центром капиталистической системы хозяйствования были США, в то время как столпом социалистической системы выступал СССР.

В результате разрушения Советского Союза произошла разбалансировка мировой производственной системы. Внутри одержавшего победу капиталистического лагеря начался поединок подсистем за право господства над территориями, утратившими возможность развития в рамках социалистического способа производства. Однако внутривидовая борьба рыночных экономик продолжалась недолго. Ключевым фактором победы англосаксонской модели над континентальной европейской и гибридными азиатскими моделями капитализма стал многовековой опыт англосаксов в снижении транзакционных издержек. Очень скоро стали очевидными преимущества англосаксонской конкурентно-инновационной модели в деконструкции громоздких механизмов плановой экономики. Отныне принятие остальными странами неолиберальной англо-американской модели рыночного фундаментализма стало непре-

менным условием их участия в процессах экономической и финансовой глобализации.

Основной тенденцией современного этапа развития процессов глобализации является гармонизация *стандартов* взаимодействия между странами на всех уровнях международного сотрудничества. Глобальные унифицированные стандарты включают: создание однородной политической системы на основе английской модели представительной демократии, внедрение во все сферы человеческой деятельности английского языка как универсального средства международных коммуникаций, насаждение единых юридических, аудиторских и прочих бизнес-стандартов, а также единой системы кредитных и прочих рейтингов, введение принципа биржевого ценообразования в торговле сырьевыми товарами, который также распространяется на торговлю национальными денежными единицами (главным атрибутом финансового суверенитета государств), создание мировой финансовой системы на базе единой мировой валюты (прототипом которой сегодня выступает доллар США), формирование глобального рынка на принципах нелиберальной рыночной экономики, распространение единых подходов к системе образования, науки и культуры и т.д.

Однако однополярная глобализация, неафишируемой целью которой стало обеспечение интересов олигополистического транснационального капитала, стала причиной трудно разрешимых социальных проблем уже не только в странах «производительной периферии», но и внутри «потребляющего центра» глобальной экономики, формирующего ее институциональный каркас.

Вот как охарактеризовал трагическое положение американцев президент США Д. Трамп в своей предвыборной речи в Геттисберге: «В наиболее трудоспособном возрасте без работы находится почти каждый четвертый американец. Никто не работает в каждом пятом домохозяйстве. Продовольственные талоны получают 45 миллионов американцев, а 47 миллионов живут в бедности» [15]. Однако указанные цифры иллюстрируют лишь часть существующих проблем. Как отмечается в американском научно-популярном журнале «Scientific American», «среднестатистический американец создает в течение жизни такой экологический ущерб, сколько 13 среднестатистических бразильцев, он один расходует столько ресурсов, сколько 35 выходцев из Индии, и потребляют столько товаров и услуг, сколько 53 жителя Китая. ...Имея всего 5% мирового населения, США используют 19% добытой в мире меди, 27% алюминия, 23% угля, четверть мировых запасов нефти и одну треть произведенной в мире бумаги. В расчете на душу населения в США потребляются такие объемы пресной воды, мяса, зерна, рыбы, лесной продукции, минералов, металлов, энергии, которые многократно превышают соответствующие показатели в развивающихся странах» [16]. Следовательно, причиной перманентного

глобального системного кризиса являются колоссальные диспропорции мирового социально-экономического развития, порождаемые политикой англосаксонского глобализма.

Вместе с тем современные информационные технологии разрушают такие структурные элементы англосаксонской модели капитализма, как дефицит и систему монополий. В условиях развития современных информационных технологий рынок перестает выполнять свою классическую функцию ценообразования. Когда информация присутствует в изобилии, исчезает проблема дефицита, которую призван устранять рынок [7, с. 14–15]. Однако проблема управления потребностями и ресурсами не может быть решена в современных условиях иерархического принципа построения товарно-денежных отношений. А. Эйнштейн отмечал, что невозможно решить возникшую проблему, если сохранять то же мышление и тот же подход, который привел к этой проблеме. Поэтому условием преодоления присущего рыночной экономике перепроизводства и восстановления равновесия в системе мирового хозяйства является отказ от модели экономики, целью которой является *максимизация прибыли*, и переход к модели, приоритетом которой выступит создание условий для *всесторонней реализации способностей человека* на основе комплексного удовлетворения его потребностей.

Беспрецедентный вызов формирующемуся глобальному англосаксонскому миропорядку был брошен уникальным опытом построения социализма в СССР, что стало одной из причин методического разрушения советского строя.

В СССР формированию институтов надгосударственного управления эффективно противодействовали государственная монополия внешней торговли и государственная валютная монополия. СССР был интегрирован в международную торговлю через систему переводного рубля и Совет экономической взаимопомощи, благодаря которым страна была выведена из-под сферы непосредственного действия механизмов неэквивалентного обмена на глобальном рынке. Миграция («утечка мозгов») была подконтрольна государственному управлению и существенно ограничена. В значительной степени все эти государственные механизмы помогали сохранять СССР экономический, научно-технологический и финансовый суверенитет.

Не столько советский народ, сколько советская элита проиграла холодную войну, развратив своим примером потребительства рядового обывателя. Страсть к комфорту и влечение к красивой западной жизни подкосили основы советского строя. В погоне за преходящими развлечениями и «дешевыми» удовольствиями свободный советский человек незаметно превратился в безропотного раба фиктивных ценностей. Приняв образ жизни Запада, советский человек добровольно отказался от духовного со-

вершенствования и поиска глубинных смыслов мироздания, отдав приоритет физиологическим услаждениям и получению сиюминутных выгод. В СССР так и не получилось сформировать независимой от западного влияния системы образования элит.

Причина краха советской экономики заключалась еще и в том, что качество и количество произведенной продукции перестали соответствовать потребностям большинства населения. В условиях многократно возросших объемов информации учитывать запросы населения в ручном режиме стало просто невозможно. Необходимо было переходить на научный анализ потребностей с широким использованием ЭВМ для обработки информации и уже на его основе планировать производство. Нежелание и неспособность руководства страны осуществить данный непростой переход в конечном итоге сыграли роковую роль. Еще одной причиной дезинтеграции СССР стало несоблюдение главного провозглашенного принципа социализма: «От каждого по способностям, каждому по труду». Перекосы уравниловки привели к тому, что труд рабочих оценивался выше труда инженеров, врачей, ученых и деятелей искусств. Большинство советских граждан получали от системы гораздо больше, чем могли ей дать, в то время как вклад способных и талантливых людей в развитие народного хозяйства вознаграждался, как правило, по остаточному принципу.

В свое время К. Маркс утверждал, что богатство общества может определяться наличием свободного времени у граждан, а не размерами накопленных материальных и финансовых активов. СССР опередил современность в данном контексте на много поколений. Таким образом, СССР — это проверенный на практике путеводитель человечества в грядущий завтрашний день, это врата во вполне реальное, а не иллюзорное будущее. Поэтому СССР нужно трактовать не как потерю, а как величайшее приобретение человечества [5].

Сегодня у России снова появляется шанс выступить в роли проводника мирового развития. Механизм восстановления глобального влияния России могли бы стать так называемые закрывающие технологии. Приведем несколько примеров.

Общегосударственная система управления хозяйством, основанная на принципах кибернетики ОГАС (полное название: «Общегосударственная система сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством на базе государственной системы вычислительных центров и единой автоматической сети связи страны»). В 1970-х гг. одним из разработчиков ОГАС стал основоположник советской кибернетики академик АН СССР В. М. Глушков [1]. Возрастающую кризисогенность мировой экономики советский ученый объяснял возникновением *информационных барьеров* с 1930-х гг. К этому моменту, по мнению В. М. Глушкова, в системе товарно-денежных отношений и на

уровне управленческих иерархий национального хозяйства были накоплены такие массивы необрабатываемой информации, которые делали невозможным дальнейшее эффективное управление экономическими процессами. Для поддержания советской экономики на уровне эффективности 1960-х гг. необходимо было превратить в бухгалтеров все население СССР (включая детей). Идея ОГАС заключалась в создании целостной системы автоматизированного сбора и обработки экономической информации путем объединения отдельных компьютеров отдельных предприятий в единую государственную сеть вычислительных центров. Однако для того чтобы ОГАС стала реально функциональной, необходимо было решить целый ряд проблем политэкономического характера.

Во-первых, новая система управления должна была строиться на основе научного расчета баланса потребностей в обществе и его членов и ресурсов для их удовлетворения, а не на основе товарно-денежных отношений. В ОГАС автоматизированные системы управления технологическими процессами должны быть органически связаны с системой управления экономическими процессами [14, с. 182].

Во-вторых, цель производства заключалась в удовлетворении потребностей как отдельных граждан, так и общества в целом. Следовательно, цели развития общества выходили за рамки экономики. Экономика являлась лишь инструментом для достижения целей.

В-третьих, общественные интересы должны были иметь приоритет над групповыми и индивидуальными интересами. Частичные цели подчинены глобальным целям. Целое имело преимущество над частями.

В-четвертых, долгосрочное экономическое развитие общества должно было основываться на балансе удовлетворения материальных и психологических потребностей. Психологический комфорт имеет не менее важное значение для гармоничного развития личности, чем материальный. Психологический комфорт включает в себя следующие составляющие: эффективные способы согласования интересов всего общества с интересами отдельных его членов, возможность удовлетворения естественной любознательности человека, чувство удовлетворения от достижения тех или иных общественных или личных идеалов и борьбы за их осуществление, чувство прекрасного в результате развития науки, культуры и средств информации, чувство безопасности и уверенности в будущем и т.д. С точки зрения В. М. Глушкова, крах социализма предопределила подмена его главной цели. Вместо создания условий для всестороннего развития человека целью производства при социализме стало достижение высоких показателей и рост материального благосостояния граждан [14, с. 165–168].

Двухсекторальная система денежного обращения в сфере распределения. Наряду с разработкой механизмов по оптимизации системы управления производством В. М. Глушков также разрабатывал идею организации си-

стемы безденежного распределения. Для реализации этой идеи советский ученый предлагал разделить сферу распределения денег на два сектора. В одном секторе должны были обращаться только «честные» деньги, в другом — все остальные. В первом секторе деньги как вознаграждение за труд людей должны были перечисляться от официальных организаций только на личные счета трудящихся, открытые в специально созданных банках. Эти счета должны были служить только для снятия денег, но не для внесения на них наличных. Таким образом, из этого кругооборота исключались частные и сомнительные заработки. Деньги могли попадать из официального сектора в «теневой», если снять часть заработка с банковского счета, но обратное движение денег становилось невозможным. Следовательно, четкое разделение обращения «скользких» и «честных» денег позволяло постепенно ликвидировать «теневой» денежный сектор. Регулирование потребления товаров, которые не являлись предметом первой необходимости, В. М. Глушков предлагал осуществлять с помощью создания и развития потребительских ассоциаций по месту жительства, а также посредством электронно-вычислительной техники учета реальных потребностей людей и научного анализа их пожеланий [14, с. 89–90]. Адаптация этой модели к современным условиям могла бы поспособствовать высвобождению человека из навязанного рекламодателями потребительского рабства.

Двухконтурная система денежного обращения в сфере производства. Опыт советской индустриализации предлагал также решение проблемы перехода средств производства из частной в общественную собственность. В основу сталинской индустриализации была положена двухконтурная система денежного обращения и государственная валютная монополия [2, с. 337–382]. Государство не допускало вовлечения в фиктивную (спекулятивную) экономику валютных средств, как это происходит сегодня. Оно полностью контролировало источники поступления и направления использования валютных средств и регулировало обменный курс национальной денежной единицы. В современной одноконтурной системе денежного обращения наличные деньги могут переходить в безналичные, и наоборот. В двухконтурной системе денежного обращения такая возможность была исключена. Экономика СССР разделялась на группу отраслей А, специализирующуюся на производстве средств производства, и группу отраслей Б, осуществлявшую производство предметов потребления. Группа отраслей А функционировала исключительно на основе безналичных расчетов, в то время как наличные расчеты использовались только в сфере производства предметов потребления. В производстве средств производства деньги выступали условной единицей, с помощью которой происходили распределение, учет и контроль ресурсов в экономике. Средства производства не могли быть превращены в капитал как средство извлечения прибыли и получения нетрудовых доходов,

поскольку не имели товарного статуса и не служили предметом свободной купли-продажи. Эта система не отвлекала внимание руководителей предприятий на фиктивную финансовую сферу, а фокусировала его исключительно на решении реальных производственных проблем. Целью производства было снижение материальных и трудовых затрат на производство единицы продукции, а не получение прибыли. Такая расстановка приоритетов позволила СССР создать самодостаточную экономику [4]. Опыт двухконтурной денежной системы в модернизированном виде возможно применить для реализации целей развития Евразийского экономического пространства.

Промышленная, финансовая и информационная революции подчинили человека технике, капиталу и цифре. Сегодня перед человеком стоит сверхзадача — преодолеть эту зависимость, превратившись из объекта эксплуатации в субъект развития.

Россия — это неординарное государство-цивилизация, наделенная уникальным даром — иммунитетом против расчеловечивания [6, с. 198]. В XX в. Россия стала пионером в очеловечивании экономики, совершив прорыв практически во всех областях социально-экономического знания. Сегодня пришло время перенести этот опыт на финансовую и информационную сферы. Необходимо подчеркнуть, что без применения к финансам и информации мировоззренческого философского подхода они начинают жить своей собственной, оторванной от человека жизнью как финансомика [11], цифроэкономика [12].

Очеловечивание финансов и цифры — вот самый актуальный предмет для современных научных исследований. Целесообразно развивать человекоцентричную теорию Евразии на базе научной школы философии хозяйства, разработанной заведующим лабораторией философии хозяйства МГУ, профессором Ю. М. Осиповым [8; 9; 10; 13]. Необходимо раз и навсегда обосновать, что единственным источником приращения знания и богатства мира являются не умные машины и не финансовые инновации, а человек.

Исторически предопределенная миссия России заключается в решении сверхсложных задач системного развития. Сегодня перед Россией стоит мегазадача — вернуть мир в состояние равновесия, бесстрашия и уверенности в завтрашнем дне [3].

Литература

1. Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. — М.: Статистика, 1975.
2. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина / отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014.

3. *Кузнецов А. В.* Homo Finansus как феномен научно-технического прогресса // *Философия хозяйства*. — 2019. — № 3. — С. 27–36.
4. *Кузнецов А. В.* Англо-американские глобальные амбиции и выбор России // *Мировая экономика и мировые финансы: глобальные проблемы и перспективы: коллективная монография по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию факультета международных экономических отношений* / под ред. Е. А. Звоновой, Н. Л. Орловой. — М., 2017. — С. 238–247.
5. *Кузнецов А. В.* Россия в глобальной экономике: аксиологический подход // *Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия* / под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. — М.: Креативная экономика, 2018. — С. 159–168.
6. *Кузнецов А. В.* Россия и англосаксонский глобализм: монография. — М.: КноРус, 2019.
7. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
8. *Михайлов Ю.* Блики и срезы. Невразумительное чтиво, или Книга ни о чем и ни для кого. — М.; Тамбов, 2015.
9. *Осипов Ю. М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник. — М.: ТЕИС, 2016.
10. *Осипов Ю. М.* Курс философии хозяйства. — М.: Экономистъ, 2005.
11. *Осипов Ю. М.* Финансомика // *Философия хозяйства*. — 2000. — № 3. — С. 286–290.
12. *Осипов Ю. М.* Экономика и цифра: кто кого? // *Философия хозяйства*. — 2018. — № 2. — С. 11–19.
13. *Осипов Ю. М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). Антипособие. — М.: ТЕИС, 2017.
14. *Пихорович В. Д.* Очерки истории кибернетики в СССР. — М.: ЛЕНАНД, 2016.
15. Речь Дональда Трампа в Геттисберге, штат Пенсильвания (22 октября 2016 г.) // *Fox News*. 23.10.2016. URL: <http://inosmi.ru/politic/20161023/238066206.html> (дата обращения: 29.10.2019).
16. Use It and Lose It: The Outsize Effect of U. S. Consumption on the Environment. *Scientific Magazine*. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/american-consumption-habits/> (дата обращения: 05.11.2019).

ПРИЗРАК НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

В условиях системного кризиса, который переживает западный мир, и лишь первых проблесках становления постсоветской России сформулировать сколько-нибудь обоснованно морально-этический облик современного человека не представляется возможным.

И не только из-за отсутствия статистически значимого количества таких людей, но даже и тренда продвижения к нему. 10 лет крушения идеалов западного общества и 30 лет бурления общественной жизни России на месте без какого-либо продвижения вперед для этого совершенно недостаточно. Для претворения в советскую жизнь «призрака коммунизма» Маркса понадобилось почти 100 лет.

В таких условиях можно только сочинить идеальный образ человека XXI в. Каким способом? Как показывает история вопроса, только одним. На основе знания будущего. В христианстве это был апокалипсис, а в марксизме — коммунизм. Откуда возникло это знание? Все подробности описаны в Библии и марксистском учении, а их авторы и первоисточники хорошо известны. Поэтому можно ли и как создать нового человека, новую идеологию, понятно.

Самое простое — это переписать на современном языке лучшие из проверенных временем и устоявшихся принципов. Тут, однако, возникает маленькая проблема (или, как принято в теории турбулентности, малый параметр). Нужен всего один новый источник — Учитель.

Однако Учителя приходят на Землю редко. Как показало исследование, которое выполнено под предводительством акад. Б. Е. Чертога в 2010 г. [2] и результаты которого представлены далее, не чаще, чем один раз в 560 лет.

- 1120 г. до н.э. — Моисей (XII в.)
- 560 — Будда (623–544 гг. до н.э.), Пифагор (560–490 гг. до н.э.), Конфуций (551–479 гг. до н.э.)
- 0 — Христос (4–30 гг.)
- 560 — Мухаммед (570–632 гг.)
- 1120 — Чингисхан (1162–1227 гг.)
- 1680 — Ньютон (1643–1727 гг.), Лейбниц (1647–1717 гг.), Декарт (1650–1700 гг.)
- 2240 — ?

Как видно из этого исследования, сейчас не время нового Учителя. Оно наступит лишь в 2240 г. Но можно рассмотреть появление в истории учителей, скажем так, меньшего ранга, например ученых и визионеров. Для этого достаточно продолжить этот ряд более короткими, 140-летними волнами, тоже описанными в работе [2].

- 1820 г. — Ч. Дарвин (1809–1882), К. Маркс (1818–1883), Ф. М. Достоевский (1821–1881), Ж. Верн (1828–1905), Д. И. Менделеев (1834–1907), Л. Больцман (1844–1906).

Действительно, научный мир пережил в середине XIX в. совершенно фантастические для современников идеи статистической физики Больцмана, противоречащие детерминизму Ньютона, генетики, дарвинизма, космизма, а в последующие 100 с лишним лет полностью их адаптировал для своих нужд и даже пережил часть из них.

Следующая строчка ученых и провидцев, способных преобразовать этот мир, падает на родившихся в 1960-х гг., то есть на наших современников.

И сегодня заметно, что весь мир в целом, как и Россия, снова находится на сносях новых революционных идей и ересей. Не все они еще вышли из научной тени. Поэтому мы расскажем лишь о тех, которые позволяют заглянуть в будущее XXI в.

Один из явных признаков этого будущего мира под названием «глобализм» получил сегодня широкое признание. Правда, без сколько-нибудь полного раскрытия его содержания.

Приоткрыть его позволяет новая физическая концепция очень больших самоорганизующихся систем (ОБС) [3], описывающая подобные по масштабам времени и пространства системы. Сегодня эта концепция развития мира находится в таком же положении по отношению ко второму началу термодинамики Больцмана, как в свое время его концепция находилась к механике Ньютона. Поскольку в соответствии с первыми принципами гипотезы ОБС Вселенной угрожает не столько тепловая смерть, сколько человеческая деятельность [3].

Однако вопрос о том, как спасти Вселенную, сегодня не столь актуален, как задача сохранения человечества, накопившего вследствие безудержного прогресса XX в. огромное количество проблем из-за следования изжившими себя (в том числе и по мнению членов Римского клуба) принципам науки середины XIX в.

Впервые к необходимости создания условий длительной жизни человечества на Земле пришли в 1970-х гг. разработчики советской ракетно-космической техники под руководством В. Иевлева [1], поскольку поняли невозможность создания ядерного космического двигателя, способного обеспечить полет на Марс по самолетной схеме.

Позднее в России появились физические исследования мозга, говорящие о еще более существенном препятствии быстрому освоению космоса вследствие изменения сознания человека в этой среде [6].

Все это, вместе взятое, приводит к выводу о неизбежности создания к середине XXI в. новой социальной организации общества, соответствующей глобальным условиям его существования.

Контуры этой организации и позволяет оценить гипотеза очень больших систем, поскольку в ней сформулированы математические законы самоорганизации природных и социальных систем, качественно описанные А. А. Богдановым еще 106 лет назад. Эта гипотеза говорит об ограниченных возможностях всех известных детерминистических и статистических методов описания общественной и хозяйственной жизни. Одновременно она показывает принципиально неопределенный (точнее, многозначный) характер развития экономики и общества (а значит, и отсутствие тупиков развития). Построенная на ее основе турбулентная модель хозяйственной жизни А. Клепача [5] дает объяснение предельного увеличения производительности труда в планетарной экономике предельным расширением размеров рынка до глобального уровня и, как следствие, неизбежности предельно узкой специализации, при которой каждый трудящийся становится уникалом, а значит, бесконечно ценным членом общества.

Оценки скорости социально-экономических процессов в единой планетарной экономике говорят, что взаимосвязь в ней окажется крепче, чем у людей одной национальности. Таким образом, на Земле возникнет феномен планетарного человека (первыми прообразами его, по нашему мнению, являются космонавты, которых сегодня насчитывается около полутысячи). Для нового человека будет характерно не местечковое, а космическое сознание, более тесные межличностные отношения и т.д. Вследствие этого в планетарной экономике до 140 лет возрастет продолжительность жизни, что потребует заполнения ее новыми возможностями и потребностями. Поэтому одного лишь финансового стимула будет недостаточно для регулирования творческой активности такого человека. Это прекрасно понимали еще во времена от Моисея до Мухаммеда и Чингисхана. Не поняли только в новое постньютоновское либеральное и социалистическое время. Поэтому в новую эпоху потребуются переход от одномерной модели экономического человека к более полной и продуктивной многомерной модели духовных, трудовых и физических возможностей и потребностей планетарного по масштабам и космического по устремлениям человека. Основы такой модели можно построить на принципах турбулентной экономики [5] и гипотезы очень больших систем [3], структурируя соответствующим образом эмпирическую социально-экономическую информацию.

Наиболее естественным местом зарождения планетарного, или, по-русски, всемирного, человека является наша страна. Причин для этого много. Это и экстремальные (околокосмические) физические условия жизни русского человека и самая высокая на планете социальная эластичность, обусловленная двукратным изменением за столетие условий его жизни с капитализма на социализм и обратно.

Третьей благоприятной для этого особенностью России является ее историческая преемственность с СССР, а не с Российской империей. Об этом свидетельствуют исследования академиков Б. Кузика и А. Фоменко, член-корреспондентов Ю. Батурина и О. Доброчеева, обнаруживших в истории помимо длинных волн Н. Д. Кондратьева сверхдлинные волны продолжительностью от 300 до 400 лет. На этом основании нынешнюю Россию можно рассматривать в первом приближении как вторую волну сверхдлинной истории социального государства, пришедшего в 1917 г. на смену 300-летней династии Романовых, то есть в некотором смысле рассматривать как проект «СССР 2.0». Об этом говорит логика изысканий в области физической и социальной самоорганизации, начатая более 50 лет назад Б. Белоусовым и А. Жаботинским в СССР, И. Пригожиным в Бельгии, Г. Хакеном в ФРГ и продолженная в России в форме гипотезы социальной турбулентности или натуральной философии хозяйства.

После того как страна за последние 28 лет пережила фантастический (и в то же время закономерный с точки зрения турбулентной модели ОБС [4]) разворот из небытия к новой истории, ее будущее стало прозрачнее, чем в 1990-х гг. Поэтому сегодня мы можем говорить уже о неизвлекаемости «Пятой России» из цепочки ее исторических превращений, начавшихся в советский период. Накопленная при этом инерция выхода из сверхкризиса 1990-х гг. велика. Поэтому во второй российской волне социального по конституции и преемственности и глобального по своему внешнему влиянию государства мы вправе ожидать появления талантов не меньшего уровня, чем в советские времена. А если учесть, что сегодня Запад, по признанию его лидеров, таких как Э. Макрон и Д. Трамп, утратил ведущие позиции в мире, то России придется больше полагаться на наш внутренний духовный и интеллектуальный талант, как это было во времена Екатерины II и М. В. Ломоносова, и выстраивать в новых глобальных условиях не европейскую, а глобальную, или, по-русски, всемирную, или даже вселенскую державу.

У такой страны неизбежны высокие исторические устремления, не менее фантастичные, чем у Советской России, первой запустившей человека в космос. Такие устремления долго вызревают в глубине национального сознания и выплескиваются неожиданно лишь в моменты крайней исторической необходимости. Так это было в 1950-х гг. в СССР и так это,

по нашим оценкам, в естественном ходе истории произойдет во второй половине 2020-х — начале 2030-х гг.

Возможно, крупнейшим событием этого времени может стать создание в той или иной форме, как это прогнозирует и «Google», первой версии искусственного аналога человеческого разума.

И как задолго до полета Ю. Гагарина плеяда российских ученых (Э. Циолковский, В. Вернадский, И. Павлов и др.) сформулировала многие естественно-научные и философские основы космического будущего XX в., так и сегодня в стране ждут своего претворения в жизнь уже свершившиеся открытия естествознания и гуманизма начала XXI в. Невозможно перечислить все здоровые идеи Нового времени, открывающие дорогу планетарному человеку будущего. Отметим лишь самые актуальные, на наш взгляд, интегративные идеи. Это гуманитарные идеи философии хозяйства, турбулентной экономики, социального государства и их естественно-научная основа в форме гипотезы очень больших систем.

Литература

1. *Батурин Ю. М., Доброчеев О. В.* Периодическая таблица критических событий космонавтики // Космонавтика XXI века / под ред. акад. Б. Е. Чертога. — М.: СОФТ, 2010.
2. *Доброчеев О. В.* Глобальные волны технологических нововведений // Космонавтика XXI века / под ред. акад. Б. Е. Чертога. — М.: СОФТ, 2010.
3. *Доброчеев О. В.* Гуманитарные приложения гипотезы очень больших систем // Философия хозяйства. — 2014. — № 3. — С. 228–245.
4. *Доброчеев О. В.* Пятая Россия. — М.: ИНЕРТЭК, 2006.
5. *Клепач А. Н., Доброчеев О. В.* Ансамбль экономических волн, или Турбулентная гипотеза экономики // Философия хозяйства. — 2015. — № 6. — С. 180–191.
6. *Острецов И.* Введение в философию ненасильственного развития. — Ростов-на-Дону: Комплекс, 2002.

СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕОЛОГИЙ И ПОИСКИ СОБСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Мы живем в то время, когда мир находится во многих смыслах в пограничном состоянии, вызванном неопределенностью и неустойчивостью сложившегося миропорядка, социально-экономических систем, духовно-культурной динамики. Действительно, как говорят прогрессисты, наступает «Новая эра». Она, по их мнению, будет представлять кастово-стратифицированное общество, отторгающее божественное мироздание с его законами и сориентированное на формирование антропной рационально структурированной системы общественных отношений, устанавливающей тотальный контроль над всеми тремя силами человеческой души: чувством, волей, разумом.

Это напоминает то, о чем писал Р. Генон, рассматривая процесс колонизации и насаждения антитрадиционного и материалистического мировоззрения на Востоке, только в более отвратительной форме. «Если в начале их завоевания затрагивали людей только телесно, — отмечает он, — то сегодня они проходят в более тонкой сфере, отравляя умы людей и убивая в них всякую духовность» [1, с. 32].

С позиций традиционализма и духовных ценностей «Новая эра» знаменует собой переход от социально-экономической системы с экономическим императивом к психосоциальной системе с ее духовной основой, морально-нравственным регулированием, включая определение границ дозволенного в познании себя и окружающего мира. При этом предполагается наличие истинно социального государства, руководствующегося принципом социальной справедливости: «От каждого по способностям — каждому по потребностям». Это означает наличие возможностей удовлетворения потребностей различных групп социума от ординарных потребностей до высших потребностей в творческом развитии личности. В данной модели общества гармонично должны сочетаться православные ценности и принципы социализма, духовное и светское.

В социально-экономической сфере, казалось бы, завершился свое победоносное шествие капитализм, сформировались «глобальный рынок» и «глобальная экономика», возник однополярный мир. Однако все это кажущееся в действительности оказалось миражом, порожденным логикой намерений «сильных мира сего», тогда как логика развития реальной

действительности за считанные годы не оставила камня на камне от «града на холме» с его «окрестностями».

Более того, эксперты Римского клуба, одного из мозговых центров Запада, в своем докладе признали необходимость демонтажа западной модели развития и перехода к качественно новому ее типу [6]. Ранее бывший президент Франции Н. Саркози заявлял о необходимости перехода к «нравственному капитализму» (Давос, 2009 г.). Спустя десятилетие нынешний президент Франции Э. Макрон накануне саммита «большой семерки» поставил свой диагноз капитализму. Очевидно, во Франции струна социального напряжения натянута до такой степени, что высшие государственные лица уподобляются камертону, улавливающему его силу. Совершенно понятно, что капитализм, который, как казалось, похоронил советский социализм, уже слышит реквием по себе, тогда как китайский социализм демонстрирует хорошие признаки здорового роста, а мир замер на перепутье предстоящего выбора.

В связи с этим надо заметить, что капитал создал такой экономический порядок, при котором искусственная стимуляция потребительского спроса привела к высокой экономической эффективности капитала, но одновременно нанесла колоссальный социально-экономический ущерб, сопряженный с энтропией природных и социальных систем в результате «пожирания» георесурсов и биоорганики, что является преступлением перед будущими поколениями. Одновременно осуществляется модуляция искусственного неравенства посредством возведения институциональных барьеров, препятствующих доступу к элементарным потребностям, объектам образования, здравоохранения, культуры, экологии, что вызывает не только социальное напряжение, но и препятствует развитию общества, страны.

Однако адепты неолиберализма, стоящие на защите интересов капитала, пугают тем, что без роста экономики общество пойдет вразнос. Несомненно, развитие экономики необходимо, но отсутствие роста экономики, базирующейся на капитале, означает, что последний не получает прибыль, а следовательно, не может самовозрастать. А это для него смерти подобно. Отсюда и все беспокойства. Но освободите экономику из плена капитала, и она начнет работать на общество, удовлетворяя и витальные, и духовно-интеллектуальные потребности.

Идеология — это сфера духовного бытия человека, имеющая своим источником идеи, проистекающие, согласно Р. Генону, то ли от божественного, то ли от дьявольского духа и, следовательно, имеющие то ли божественную, то ли дьявольскую природу [1]. По его мнению, идеология современного западного общества в своем развитии все больше и больше отходила от идеализма и погружалась в материализм с его детерминирующим экономизмом. В результате отторжения и игнорирования христи-

анских ценностей произошла смена цивилизационного кода и возникла денежно-техническая цивилизация.

В основе данной трансформации лежит переход от идеологии либерализма к идеологии неолиберализма¹, или либерал-прогрессизма, видным adeptом которого является Ф. Фукуяма, декларировавший в своем эссе «Конец истории» (1989) установление всемирного господства либерального общественного порядка и отсутствие достойных его конкурентов [5]. Но именно буржуазный строй последовательно и целенаправленно породил идеологию общества потребления, базирующуюся на изощренных формах рекламы, моды, демонстративного и престижного потребления.

В результате сформировавшаяся денежно-техническая цивилизация с ее мамонной вытеснила Творца и заставила поклоняться «золотому тельцу». Человек, преображая мир, остался безразличен к самому себе в процессе становления капиталистического порядка и подчинился диктату достижения материального благополучия и комфорта, насаждения культуры потребления, но не развития личности, которые являются решающими условиями для извлечения прибыли и самовозрастания капитала.

Именно такую идеологию гедонизма, уже распространяемую на все стороны жизнеотправления и жизнедеятельности человека и общества, навязывает Запад всему миру. Поклонение мамоне неуклонно вело к десакрализации общества, утрате духовного бытия и сопровождалось расчеловечиванием и индивида, и социума, которые без остатка поглощены мирскими заботами, наслаждениями прелестями земной жизни, предел которым ставит смерть.

Надо заметить, что гендерная идеология имеет своим истоком политику западных стран по сокращению населения в связи с возникшей глобальной демографической проблемой (середина XX в.). Отсюда стали происходить «научные исследования», направленные на обоснование абсурдных утверждений о социальной природе полов и отрицание их биологической и физиологической природы. Именно эта идеология породила на Западе целое племя изощренных извращенцев с агрессивной психикой, социальной и политической активность которых поддерживается на государственном уровне. Реальная политика Запада направлена на осуществление суженного воспроизводства человеческой популяции, дегенерацию «человеческого балласта», патологическое перерождение социума. В этом

¹ Суть отличия либерализма от неолиберализма заключается в том, что, несмотря на их единство в лицемерии, последний открыто демонстрирует нетерпимость по отношению к любым иным течениям общественной мысли и общественно-политическим устройствам общества, претендуя на истину в последней инстанции в области идеологии и государственного устройства. Если либерализм был истоком свободомыслия, то неолиберализм стал концом инакомыслия.

же направлении работает и идеология предотвращения национальной идентификации, сориентированная на уничтожение традиций, исторической памяти народов, их духовных ценностей и превращение в «граждан мира», космополитов, что открывает дорогу к установлению тотального господства «избранных» мира сего.

Задача заключается в формировании общества не потребителей, но созидателей, творцов, одухотворенных людей, готовых жертвовать жизнью ради других, своего народа, своего Отечества. Это тот социум, который всем нутром своим ощущает дремлющую силу духовно-интеллектуального жизнеотправления, в процессе которого он постоянно получает подпитку из образа жизни человека, коллектива, общества. Только в таком обществе возможно проявление подвига, героизма и достойного человека образа жизни. Настоящий героизм сопряжен с силой духа, сверхчеловеческими усилиями по осознанию своего долга, чести и достоинства, что и открывает путь в духовное бессмертие, которое подразумевает поправление смерти жертвенностью жизни («смертью смерть поправ»).

Что касается нашей российской действительности, сопряженной с идеологией, то прежде всего обращает на себя внимание Основной закон РФ. В ст. 13 действующей Конституции РФ «признается идеологическое многообразие», но утверждается, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [3, с. 8]. Признание допустимости идеологического многообразия в стране при одновременном запрещении государству проводить ту или иную идеологию свидетельствует о несусветном положении дел в области политических отношений. Дело в том, что государство как один из важнейших институтов народа наделяется всеми необходимыми властными полномочиями. Поэтому то, как оно распоряжается ими, зависит от того, кто оказывается у власти. Но так как в стране многопартийная система, выходит, что партия, победившая на выборах и пришедшая к власти, не может реализовывать свой замысел по развитию общества. Но это политико-идеологический нонсенс. Получается ветряк без ветрил.

Совершенно очевидно, что в данное конституционное положение необходимо внести уточнение относительно государственной идеологии. Другое дело, что в ней должны быть закреплены положения, согласно которым при смене политической власти в стране ее идеология не может быть направлена на ослабление государства как единственного института, ответственного за обеспечение жизнедеятельности народа и его национальной безопасности.

Однако политическая жизнь страны свидетельствует, что на уровне государства в стране имеет место проявление двух идеологий. С одной стороны, в реализуемой президентом внешней политике находит свое воплощение традиционная первостепенной важности державно-имперская

идеология в русском ее изводе, которая нашла свое реальное проявление в обеспечении военно-стратегического преимущества в вооружениях и обороноспособности страны и в возвращении России в геополитическое пространство в качестве одного из центров мировых сил. К тому же неопределенность и неустойчивость существующего миропорядка открывают перед Россией новую возможность реализовать свою идею имперскости, но уже в новом ее формате межгосударственной консолидации на всем евразийском пространстве.

С другой стороны, внутренняя политика, находящаяся в плену неолиберальной идеологии, отторгается российским обществом как противоречащая интересам национального предпринимательского и трудового сообщества, идее государственного строительства и служения государству. Руководство положениями Вашингтонского консенсуса и «бюджетного правила» вкупе с меркантильно-монетарной политикой направлено на сдерживание экономического развития России и находится в русле интересов финансового капитала и МВФ. Поэтому требуется такая модель развития, которая соответствовала бы требованиям идеологии не просто выживания страны, а отстаивания ее неперемногого права на великодержавное бытие, сориентированное на перестроирование сложившегося геополитического пространства.

Несомненно, центральное место в российской идеологии занимает вопрос о самобытности нашего народа, которая лежит в лоне православия, русскости. Именно поэтому они постоянно и неуклонно подвергаются нападкам, окутанным ложью и клеветой. Русофобия, расцветшая махровым цветом в 90-е гг. XX в., стала главным оружием либеральной идеологии в нашей стране.

Либералы уже предрекали русскому народу конец его истории. Так, бывший премьер-министр РФ Е. Гайдар заявил на последнем для него съезде Союза правых сил, что «Россия как государство русских не имеет будущего», а Ю. Нагбин утверждал, что «русский народ — фикция. Его не существует». Очевидно, мы либо выродились, либо были ассимилированы другими этносами и народами. Но на нашей земле не было и нет близко ни по численности, ни по духовно-интеллектуальному потенциалу, ни по пассионарности ни одной другой нации, не говоря уже о малочисленных народах и народностях, которые хотя бы в первом приближении были бы адекватны русским. Поэтому можно предположить, что эти и подобные им «оракулы» высказывали мысли вслух о том, к чему они стремились в своей политике: лишить Россию национального суверенитета и превратить ее в задворки западного мира, что на их языке означает — стать частью «цивилизованного мира».

Но еще больше здесь удивляют наши ультралибералы, которые, забыв о своих национальных и религиозных истоках или, скорее, не зная

их, начинают примерять к нашей идеологии государственности и имперскости западные эталоны, а затем приходят в изумление от нашей «никчемности» как «империалистов». При этом они сетуют, что русские от империи ничего никогда не выигрывали и Россия не получала выгод от своей имперскости.

Однако у нас и не мог возникнуть другой тип империи, так как при освоении великих полиэтнических пространств русские исходили из христианского догмата — все народы Божие, среди которых нет ни избранных, ни отверженных, поэтому не могло возникнуть национальное государство (метрополия), обособленное от этих пространств с их народами в виде колоний. Они подвергались не колонизации, а метрополизации, становясь наряду с русскими государствообразующими субъектами российской империи.

Странно слышать от русских, не зараженных бациллами западного мышления, стенания и сожаления в отношении того, что мы такие непрактичные, не эксплуатируем, а становимся сами объектом эксплуатации, не можем извлечь выгоды из освоения великих пространств и присоединения многочисленных этносов. Но в этом и заключаются уникальность и неповторимость нашей имперскости, которая, по нашему мнению, является вестником прообраза будущего мироустройства.

Подытоживая вышеизложенное, можно с уверенностью утверждать, что наша так называемая «империя наоборот» и есть проявление истинно христианского (православного) духа нашего народа, его национального инстинкта, нашей государственности. Это величайший исторический факт человечности, когда не отдельные люди, не индивиды, не социальные группы, а целый народ, вся государственная власть на протяжении веков демонстрировали любовь и уважение к другим этносам, народам и народностям, вовлекая их в совместный кругооборот жизнедеятельности, направленной на мир, созидание и взаимное обогащение совместной жизни.

Другая напасть сопряжена с современными «западниками», которые упрекают нашу страну в «отходе от общепринятых в цивилизованном мире принципов жизни» и считают, что «общепринятые цивилизованные нормы поведения в политике, в экономике и в быту должны стать нормой и для нас» [4, с. 27]. Во-первых, давайте определимся с «цивилизованным миром». Совершенно очевидно, что речь идет о странах Запада. В таком случае, надо полагать, Китаю, Индии, России отказано в цивилизованности. Печально слышать это из уст ученого в отношении страны, создавшей уникальную и самую молодую в мире цивилизацию. Удивляет то, что общепринятыми цивилизованными нормами называются те из них, которые признаются всего лишь западным, и то далеко не всем миром.

В данном контексте еще больше поражает призыв В. М. Кудрова согласиться с политологом И. Клямкиным, который считает, что «Россия

может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код» [2, с. 36]. Во-первых, спасибо за признание за нами, русскими, цивилизованности, потому что заменить можно лишь то, что существует. Во-вторых, ради чего мы должны отказываться от того, чего далеко не многим народам удастся добиться за всю историю их существования. Но особенно шокирует то, что речь идет о смене цивилизационного кода как о замене одной вещи, вышедшей из моды, другой, более модной. Западу потребовалось более века, чтобы сменить свой код христианской цивилизации на код денежно-технической цивилизации.

В этой связи хотелось бы отметить, что Россия не сменила цивилизационный код даже во время двухсотлетнего вассалитета у Орды, правители которой, очевидно, осознавали всю проблематичность и сложность изъятия из нации ее духовного стержня, а посему относительно терпимо относились к нашей вере и даже давали нашей Церкви определенные преференции. С целью смены нашего «цивилизационного кода» совершали нашествие на русские земли и шведы, и французы, и немцы, и поляки, и все они, вместе взятые, иначе незачем было Римскому папе благословлять каждый их поход на Россию. Однако каждый раз русские не только не принимали от них «духовных даров», но еще и вынуждали с большим трудом уносить ноги с их земель.

Государственная идеология должна соответствовать самобытной русской цивилизации, требованиям ее сохранения и дальнейшего развития. В своей речи на XVII Всемирном русском народном соборе патриарх Московский и Всея Руси Кирилл обратил внимание на то, что, говоря о цивилизованности, мы вступаем в качественно иное смысловое пространство. «Ценность любой цивилизации, — отметил он, — в том, что она несет человечеству. И перед каждой цивилизацией стоит вопрос: способна ли она отражать в мыслях, чувствах, словах и делах ту непреходящую правду, которая имеет значение в вечности?» При этом патриарх подчеркнул необходимость укрепления суверенитета России как уникальной страны-цивилизации, сохранения «суверенитета духовного», что предполагает «сохранение веры и сознания своего долга перед Богом, друг перед другом и перед потомками».

Все мы, подавляющее большинство русских и не русских, «темных и непросвещенных», «архаичных и убогих», органически связанные со своими обычаями, традициями, исторической и духовной памятью, хотим сохранить и упрочнить межнациональный и межконфессиональный мир в нашем полиэтническом доме, называемом Россией, и не допустить расчеловечивания наших граждан и общества. Нам не нужна цивилизация, в которой материальное довлеет над духовным, в которой происходит отторжение традиций, забвение этических ценностей и норм, замещающихся «духом» денег, расчетливости и рационализма, «духом» потребительства

и гедонизма, распространяющегося на все стороны жизнеотправления человека и общества.

В государственной идеологии необходимо сместить акцент с достижения материального благополучия на духовное благосостояние, в противном случае восторжествует идеал «хлеба и зрелищ». Именно православные основы жизни общества открывают возможности для интеллектуально-культурного развития всех и каждого. При этом открывается широкий простор для творческой деятельности личности, коллектива и общества в целом, что непременно должно будет привести к новому рывку в области науки и техники. Рассматривая Природу как божественное мироздание с его внутренними законами, православие ограждает человека и общество от соблазнов преступать грань при столкновении с неизведанным, не соизмерив свои шаги с моралью и нравственностью. При этом не человек должен быть при «машине», «искусственном интеллекте», а они при нем.

Усвоив же исторические уроки человечества: безнравственное и аморальное общество вырождается и погибает, безнравственная и аморальная власть (государство) разлагается до степени утраты способности к определению социально-экономических ориентиров развития, безнравственная экономика утрачивает эффективность. Поэтому только здоровый морально-нравственный дух становится основой очеловечивания расчеловеченного общества, возрождения и укрепления государственности, трансформации безнравственной экономики в морально-нравственное народное хозяйство.

Для нашей страны выбор идеологии стоит ребром: или мы начинаем (или продолжаем) свое движение вслед за Западом («золотым миллиардом»), или, отстаивая свою национально-конфессиональную уникальность, будем продолжать свое движение с остальным миром, опирающимся на свои национально-исторические традиции и этические ценности. Движение вслед за Западом сулит нам расчеловечивание общества, сопряженное с отказом от божественного мироздания и скатыванием на путь дьявольщины с ее антропотворением. Именно на него невероятными усилиями вот уже более 20 лет пытаются втащить Россию как внутренние «доброжелатели» в лице «либералов», так и внешние «наставники» и «учителя» прав и свобод человека.

Если мы остаемся верными своим духовным ценностям, национальным традициям, исторической памяти, то, несомненно, необходимо остановиться на государственной идеологии, сочетающей в себе православную мечту о Храме на Горе и социалистическую идею о светлом будущем, в которой органически сочетались бы духовное и мирское, сакральное и светское, трансцендентное и рациональное. В соответствии с ней выработывались бы формы и способы жизнеотправления, жизнеуправления и жизнедеятельности человека и общества, которые регулировались

бы соответствующими государственными и общественными институтами. Именно идеология, лежащая в основе проводимой и культурной, и социальной, и хозяйственной, и внешней политики, представляет собой тот инструмент реализации духовно-ценностного базиса, который придает им необходимый характер и в соответствии с которым разрабатываются методы и формы их воплощения в жизнь, сориентированные на реализацию национальных интересов государства и общества.

Литература

1. *Генон Р.* Кризис современного мир. — М.: Арктогея, 1991.
2. *Кудров В.* Между прошлым и будущим. России нужна современная и эффективная модель развития // Современная Европа. — 2014. — № 1. — С. 26–39.
3. Конституция Российской Федерации. — М.: Проспект, 2001.
4. *Носов М.* Россия между Европой и Азией // Современная Европа. — 2013. — № 3. — С. 19–31.
5. *Fukuyama F.* State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. — Cornell University Press, 2004.
6. *Weizsaeckt E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Report to the Club of Rome. Springer, 2017.

СТРАНА НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

Наиболее важным для России стало неявное заимствование идеи Чингисхана о народе-воине. Поражение русских князей от превосходящих по численности монголов сформировало стремление к достижению количественного превосходства. Так, Иван Грозный для войны с Ливонией собрал стотысячное войско, по размерам сопоставимое с армией Чингисхана!

Для того чтобы прокормить столько воинов, требовались огромные ресурсы. Монгольская орда решала проблему за счет новых походов и грабежа чужих земель, окруженные со всех сторон врагами русские традиционно стремились к оборонительной стратегии, и армию приходилось содержать за счет мирного населения страны.

В середине XVII в. более половины государственных расходов шло на содержание войска. Однако значительные траты на содержание войска далеко не всегда были синонимом его боеспособности. Несмотря на наличие огромной армии, Россия неоднократно демонстрировала вопиющую неготовность к военным конфликтам.

Крымская война 1853–1856 гг.: несмотря на многолетнюю милитаризацию всей общественной жизни, страна фактически была беззащитна: у противника ружья били на 1200 шагов, у нас — лишь на 300, артиллерия врага била на 5 верст, а наши пушки — в лучшем случае на 2 версты.

Первая мировая война: «С весны до осени 1915 г. русская армия отступает. Не все солдаты имеют винтовки. Отдается даже приказ насаживать топоры на длинные рукоятки и вооружать пехоту этими средневековыми секирами. Наконечники для казацких пик заказывают в Америке. Немецкое превосходство в пушках — в разы, в снарядах — в десятки раз» [3, с. 477].

Вторая мировая война: позорное отступление 1941 г., поставившее под угрозу само существование России, во многом было обусловлено неготовностью командного состава, обескровленного массовыми репрессиями, к методам ведения современной войны, архаичностью и неэффективностью средств связи и управления войсками.

Заимствуя зарубежный опыт, Россия перенимала сразу и хорошее, и плохое: выносливость монголов и их способность самостоятельно находить пропитание на покоряемых территориях в русском заимствовании означали умаление значимости тылового обеспечения русских войск. Пре-

небрежение вопросами солдатского быта стало причиной значительных небоевых потерь.

Во время крымского похода фельдмаршала Миниха в 1735 г. русские войска потеряли 30 тыс. человек, при этом непосредственно в боях погибло 2 тыс. человек, остальные погибли от болезней и лишений.

По мере развития технического прогресса задача оснащения многочисленного русского воинства становилась все более трудноосуществимой. Особое положение страны на стыке цивилизаций провоцировало появление новых и могущественных врагов, что требовало эффективной системы национальной безопасности. Монгольское рабство убедило русских в эффективности многочисленных армий. Но этого оказалось явно недостаточно в долгосрочной перспективе. Находиться в мобилизационном состоянии в течение столетий в принципе невозможно.

Перенапряжение народных сил вело к надлому форм общественной организации и фактическому саботажу государственных инициатив. Отсюда и знаменитая русская лень, и безразличие к собственной судьбе, и вопиющий беспорядок в системе государственного управления. Архаичная, деморализованная и бесконтрольная элита Советского Союза привела к позорному развалу великой державы в начале 1990-х гг.

Для защиты страны кроме сильной армии нужна эффективная стратегия, процветающая экономика, работающая на интересы страны изолированная система дипломатического воздействия. Было бы большой неправдой утверждать полное отсутствие всего этого у России. Проблема была в незавершенности и недостаточной сопряженности элементов национальной безопасности. Руководители империи предпринимали титанические попытки изменить ситуацию, но разовые волевые решения не могли заменить отсутствия механизма спасения нации, постоянно и методично усугубляющего стратегию страны, армию, экономику и дипломатию.

Ключевым элементом здесь должна была стать стратегия. Следует признать, что успехи в этом были достигнуты немалые. Руководство страны ясно осознавало необходимость сильной централизованной власти, модернизации страны с широким привлечением западных технологий, выхода к морям, понимало значение России как особого цивилизационного центра — прямого наследника Византии и оплота православного мира. Однако, как и в любом гигантском деле, не обошлось без существенных ошибок, упорно воспроизводимых в течение всей отечественной истории. Первой ошибкой является иллюзия единства с западной цивилизацией. Вторая ошибка — это недоверие к собственному народу, недооценка его созидательного потенциала и игнорирование его насущных интересов.

Многообразие разрушительных последствий этих ошибок столь велико, что необходимо их детальное рассмотрение. Такого рода анализ

отнюдь не гарантирует их полного устранения в будущем (воспроизводимость ошибок в различных исторических и социально-экономических условиях показывает существование мощного и устойчивого механизма генерации, разрушение которого требует самоотверженного труда в течение десятилетий), однако ясное понимание источников национальных бедствий позволит постепенно, шаг за шагом смягчать их негативные последствия и способствовать выздоровлению страны в долгосрочной исторической перспективе.

И в этом контексте весьма интересна роль Запада, к интеграции с которым Россия так стремилась со времен Петра Первого. Начнем с того, что отношения между Западной и Восточной частями некогда единой Римской империи были далеко не безоблачными. Движимые вроде бы искренним и бескорыстным порывом крестоносцы по пути в Иерусалим почему-то напали на христианский Константинополь и разграбили город. Этот трагический эпизод продемонстрировал, что Западная Европа и Византия — не одно и то же. Пришедшие в 1453 г. войска турецкого султана лишь завершили разгром мирового православного центра.

Анализ показывает, что у Запада существует традиция обосновывать и оправдывать грабеж и бойню беззащитных народов моральными лозунгами: в Средние века это было освобождение Гроба Господня, в XX в. — борьба с большевиками, в наше время — борьба за права человека...

Правда, современные технологии позволяют и без крови (или почти без крови) заставить народы расставаться с материальными благами — это и кредиты, выданные под грабительский процент, и оптовая скупка «национальных лидеров», и неэквивалентные условия международной торговли, словом, все то, что большевики называли емким словом «неоколониализм». Много ужасного совершили верные ленинцы, но вот грабительскую природу современного капитала диагностировали с убийственной точностью.

Возможно, именно в этом многовековом грабеже менее развитых народов и есть секрет хваленого европейского, а теперь и американского благополучия? Возникает естественный вопрос: «А к чему России стремиться в этот клуб сертифицированных бандитов?»

Деликатно маскируемое идеологической и морализаторской ширмой стремление Запада не пустить Россию в клуб цивилизованных наций имеет весьма простое объяснение: наша страна слишком богата, а значит, выгоднее ее грабить, чем делать партнером в глобальном грабеже народов... Да и партнер, честно говоря, никудышный — больно совестливый, а это для «джентльмена удачи» совершенно излишнее качество. Бывали, конечно, в европейской истории и счастливые исключения — когда в воздухе разливался запах военного конфликта, у наших европейских «друзей» обострялось чувство приязни и неподдельного уважения к России,

слишком уж соблазнительной была перспектива залить русской кровью пожар очередной войны.

Трудно признать, но вызванное восторгом от передовых технологий и американского достатка стремление к интеграции с западной цивилизацией оказалось губительным для империи и для ее коммунистического преемника. Воссоздание византийского наследия на русской земле угрожало возведенной в ранг высокого искусства системе международного грабежа, и Запад нашел эффективные пути провалить этот блистательный проект.

Второй принципиальной ошибкой было игнорирование народа как субъекта истории и упорное пренебрежение его интересами. Одной из причин является весьма объективный фактор — географическое положение России. Игнорирование народа властными структурами, опора в реальных действиях на конкретного индивида связаны и с тем, что народа у нас крайне мало. Низкая плотность населения, обостренная его скуденностью в мегаполисах, превращает просторы нашей страны в подобие экономической пустыни.

Редкость населения затрудняет развитие форм его самоорганизации в профессиональные, религиозные и бытовые объединения. Самодеятельные общественные организации возникают, но в большинстве своем они немногочисленны и имеют слабую организационную и материальную базу. В мегаполисах обратная картина — людей слишком много, ежедневное обозрение вечно спешащей толпы вызывает желание обособиться, усиливает индивидуализм.

В результате сочетания этих факторов общественная жизнь в России в течение столетий находится в полудремотном состоянии, слишком зависима она от государственной протекции и слишком слаба, чтобы оказывать существенное влияние на власть.

Экстремальные природные условия затрудняют хозяйственную деятельность, зачастую обуславливая недополучение необходимого для нормального функционирования общественных институтов прибавочного продукта. Фактически национальное государство в России практически постоянно поставлено перед выбором двух плохих альтернатив: либо отбирать сверх меры заработанное народом, либо склониться перед властью иноземца.

Однако у иноземцев были свои взгляды на управление Россией, и, если они входили в противоречие с действиями их русских ставленников, последние лишались жизни, как это не раз бывало во времена монгольского ига. Таким образом, у национальной элиты оставался единственный вариант — грабить собственный народ.

Скудость бытия ограничивала проявления духовной жизни. Аскетизм благотворно влияет на героев, но нельзя требовать постоянного героизма

от огромного и измученного народа. Яд зависти и злобы незаметно пропитывал крестьянское сознание. Во время столыпинской реформы только за год произошло 11 тыс. поджогов хуторов!

Идеи большевиков упали на хорошо подготовленную почву, зажиточных крестьян объявили кулаками, и война деревенской бедноты с наиболее инициативной и трудолюбивой частью крестьянства приобрела статус государственной политики. Итог известен — деревня обезлюдела, пахотные земли в Центральной России неуклонно сокращаются со времен отмены крепостного права.

Логика животного выживания заставила профессиональных разрушителей заняться непривычным для них делом — наведением элементарного порядка в стране. Ценой неслыханных человеческих потерь была восстановлена система общественных институтов, проведена индустриализация и создан ракетно-ядерный щит.

Несмотря на отрицание и активную борьбу с царским режимом, приверженцы коммунистической идеи оказались достойными продолжателями многовековой традиции по бюрократизации всей страны.

Еще Н. А. Бердяев отмечал, что бюрократия развилась до размеров чудовищных [1, с. 320]. Ни в одной стране мира до 1914 г. содержание госаппарата не обходилось так дорого, как в России.

В советское время власть бюрократии прикрывалась идеологической ширмой, главным стержнем бюрократической машины становились партийные функционеры, так называемый партийный аппарат. Последний по мере своего развития все больше обособлялся от народных нужд, приумножая имущественные привилегии, и начинал накопление теневых капиталов. Особый размах процесс приобрел во времена брежневского «застоя».

Деградация, физическая и нравственная, элиты страны воспроизвела сценарий падения Российской империи: парализация воли и никчемность руководства, вовлеченность страны в военный конфликт, на этот раз афганский, полная дискредитация сложившегося к тому времени общественного порядка и, как следствие, отсутствие у населения какого-то ни было желания его защищать, и финальный аккорд — очередной распад страны и новая волна анархии...

На этом удивительном совпадении царской России и Советского Союза можно было бы поставить точку, если бы не появляющиеся симптомы этой застарелой болезни уже в наши дни. Если мы опять пройдем проторенной дорогой плановой катастрофы: абсолютизация бюрократической власти — военный конфликт, его разрушительные экономические последствия — моральный кризис — распад страны, в третий раз такое испытание наша Родина может и не вынести.

Где же та спасительная нить, которая поможет России преодолеть нескончаемую полосу катастроф и испытаний века минувшего и века гря-

душего? Ответ прост и ясен. Народная стихия при всей своей неорганизованности и зажатости тисками агонизирующего капитала нашла решение в возрождении православного духа нации, и уже не хватает священников для возводимых по всей стране сотен православных храмов.

Важность исправления нравов приобщением к вере — это не только и столько вопрос общественной морали. Могущественные империи превращались в глиняных колоссов, когда падала мораль нации и деградировала в нравственном отношении ее элита.

Сила православной веры помимо нравственной составляющей имеет еще и вполне светское, прагматическое измерение, указующее путь обустройства нашей многострадальной страны. Прагматики, приверженцы частного интереса, несмотря на всю деловую хватку, энергию, а часто и небрежение общественными устоями, сами себе устроят такую невыносимую жизнь, что вынужденно, через силу, мучительно смиряя гордыню, придут и признают христианские ценности общественного устройства.

Литература

1. *Бердяев Н.* Русская идея. — М.: Азбука-Аттикус, 2015.
2. *Прохоров А. П.* Русская модель управления. — М.: Эксмо, 2007.
3. *Российская империя: занимательная история / под ред. М. Савина.* — М.: Альпина Букс, 2009.

РУДИМЕНТЫ РОСТОВЩИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РФ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, МЕРЫ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Рассматривая хозяйство России, необходимо учитывать контекст современного мирового хозяйства.

В глобальном мире очень странно то, что именно экономически благополучные страны мирового хозяйства — «золотой миллиард» (ЗМ), представленный Британским миром (выражение принца Чарльза) и ЕС, постоянно врет, затевает войны и хулиганит. То разобьет в черепки часть Европы — Югославию, посадив в тюрьму ее президента С. Милошевича, то потрясет пустой пробиркой и уничтожит Ирак, осудив и повесив главу страны, то, не получая отпора и вконец распоясавшись, открыто покрывает бандитизм, способствующий публичному линчеванию толпою главы Ливии М. Кадафи и уничтожению ее государственности.

Когда очередь дошла до Сирии, всем стало понятно, что у затейников подобных мирохозяйственных отношений, предложенных проповедниками управляемых хаосов, никакой меры не предусмотрено. И если ее не вводить извне, то хаос охватит все мировое хозяйство с самыми печальными последствиями как для близлежащих к Сирии стран, так затем — и прочих, что подтвердил поток беженцев, добравшийся и до ЕС, особенно — ФРГ.

Несмотря на всю эту вакханалию, «сдобренную» серьезными санкционными мерами против РФ и БРИКС, в целом наши банковские круги непоколебимо уверены, что у нас возник и окончательно укрепился финансовый капитал (ФК). Их не смущает, а возможно, даже вдохновляет, что никакого сращивания банковского (БК) и промышленного капиталов при этом не может происходить, поскольку идет путем пожирания первым второго. Промышленность — пища, банки — ее поедатели. Проводившийся на протяжении более 20 лет опрос студенческой молодежи вузов Ростова-на-Дону выявил, что в их семьях и на них практически не осталось ни предметов домашнего обихода, ни одежды, произведенной в РФ. Произошло физическое и социально-экономическое исчезновение крупнейших промышленных предприятий (АЗЛК в Москве, «Красного Аксая»

в Ростове-на-Дону, Волгоградского тракторного завода) — список общирен. Возникшие на их месте жилые комплексы исключают сращивание БК с промышленностью. Следовательно, финансовый капитал отсутствует!

Так что же за монстра мы в России получили?

Если движение вперед оказывается невозможным, оно вынужденно происходит вспять, на понижение промышленного и к возрастанию посреднически-купеческого капитала. Об этом свидетельствует постоянное возрастание удельного веса торгового капитала в использовании кредитных ресурсов коммерческих банков РФ, которое уже достигло 72%! В этом случае в совокупности с ростовщическими учетными ставками Центрального и коммерческих банков, если какое-либо хозяйственное движение и возможно, то только вспять. Опустошительные для промышленности последствия подобного ростовщического использования Центральным и коммерческими банками РФ кредитных ресурсов, созданных тяжелым трудом россиян в труднодоступных районах нашей земли, ведут к следующим последствиям:

1. 2/3 поступивших за экспорт РФ зарубежных банковских билетов (ЗББ) сразу же передаются через банковскую систему страны ее посреднически-купеческому классу для закупки и ввоза в Россию лекарственных препаратов, предметов потребления и длительного пользования и таким образом возвращаются импортерам наших же ресурсов.
2. В итоге РФ остается и без экспортированных земельных ресурсов, и без ЗББ.
3. Промышленность РФ, из-за ростовщических процентных ставок фактически лишенная средне- и долгосрочных банковских кредитов, не идеологическими, политическими или практическими заблуждениями ЦБ в ходе его борьбы с инфляцией, а много хуже — грубой ошибкой, вряд ли сможет обеспечивать России экономический рост и вход в пятерку ведущих держав.
4. Зарубежные банковские билеты, поступающие от экспорта энергии и прочих земельных ресурсов, по существу, продаже земли, именно из-за их происхождения и содержания неизбежно ведут к нефеодалным отношениям и к социально-экономической дифференциации хозяйственного пространства РФ; консервируется многоукладность.
5. Диалектическое единство ростовщического капитала и НТП, тем более — НТР, невозможно. НТП и НТР, будучи взаимосвязаны с прогрессивными изменениями в науке, технике и производстве, являются следствием их постоянного взаимодействия друг с другом в создаваемых для этого циклах «исследование — производство». Предпроизводственные сферы этих циклов включают

фундаментальные (ФИ), прикладные (ПИ) исследования и опытно-конструкторские разработки (ОКР). Все эти три стадии, во-первых, исключительно затратны, во-вторых, длительно реализуемы без гарантии положительного результата. Поэтому в некоторых успешных странах кредиты на осуществление подобных стадий выдаются либо без процентов, либо с отрицательной процентной ставкой, что несовместимо с сущностью ростовщического капитала.

6. Иными словами, суть НТП и НТР находится в антагонистическом противоречии с банковской системой РФ и обслуживаемым ею купечески-посредническим и ростовщическим капиталом.

Однако основная причина, задерживающая успешное развитие России, все же идеологическая — забвение, что содержательная сторона нашего хозяйства, как в Индии и в Китае, не экономика, а общественный сектор. Россия все войны выигрывала не за счет экономики. Всякие европейские мудрецы объявляли Россию колоссом на глиняных ногах, соотнося экономические показатели Европы и России. Иногда осмеливались, обычно в начале каждого нового столетия, даже на войны. Но получив все, что им в таких случаях причитается, откатывались назад.

Где Россия брала для победы ресурсы? В экономике? Нет, в общественном секторе хозяйства. И так (с Минина и Пожарского) было на протяжении не менее 500 лет!

Таким образом, все обозримое прошлое России базировалось на идеологии, что ее содержанием является общественный сектор; она, как Индия и Китай, относится к империям римской генерации, в которых экономика — только форма проявления общественного сектора их хозяйств [1]. Успехи Индии и Китая в новых условиях, изменившейся субординации факторов производства, которая переместила доминантные свойства от капитала к современному предпринимательству, подтвердили историческую перспективность и преимущества империй римской генерации. Это же подтверждает и Россия, но с другой стороны — в своих тщетных попытках перенести свою содержательность с общественного на экономический сектор хозяйства.

Ознакомление со статьей академика РАН А. Г. Аганбегяна «О драйверах социально-экономического роста» (Труды ВЭО России. Т. 218) показывает: усилия в этом направлении не дают положительного результата. Необходимы наряду с частными усилиями участие предпринимателей и действия государства. Речь идет об антрепренизме — глобальном изменении комбинации факторов производства государством. Это всегда было в России. При Екатерине II и Николае II фактор «труд» активно перемещался в районы его более эффективного функционирования: переселение христианских народов Крыма на Юг России и крестьян из европей-

ской части — в Сибирь — Столыпинская реформа. Построение Транссиба — новая предпринимательская комбинация факторов производства российским государством с участием тогдашней доминанты — капитала.

В СССР накопленный опыт государственного предпринимательства России использовался с большой активностью при реализации атомного и космического проектов, освоении целинных и залежных земель, строительстве БАМ и др.

Однако полученные положительные результаты не могли быть подкреплены усилиями фактически запрещенного частного предпринимательства, хотя бы в сферах производства предметов потребления и товаров длительного пользования, что и дало о себе знать через много лет в виде необходимости функционирования возрожденного купечески-посреднического предпринимательства и под стать ему — ростовщически-банковского капитала для снабжения населения ширпотребом.

Такова цена допущенной ошибки — попытки перестройки содержания идеологии России с общественного сектора хозяйства на его экономический сектор.

Литература

1. *Бугаян И. Р.* Новый Рим и Новый Карфаген современного мирового хозяйства: межимперский миттельшпиль! // Россия в игре: страна и мир. По итогам международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, 5–7 декабря 2018 г.) / под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой; Южный Федеральный университет. — Ростов-н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2019.
2. *Бугаян И. Р.* Роль диалектического взаимодействия «Cognito» и «Incognito» в познании соотношения физики, метафизики и религии в хозяйстве // Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия / под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. По итогам международной научной конференции (экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова). — М.: Креативная экономика, 2018. — С. 264–275.
3. *Бугаян И. Р.* Открытие графена — революция в предметах труда и ее глобальные последствия // Философия хозяйства. — 2019. — № 2. — С. 71–82.

РАЗДЕЛ III

ИДЕОЛОГИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ

В. В. КАШИЦЫН

ИДЕОЛОГИЯ КАК СМЫСЛОВОЙ ПОИСК СОЛИДАРНОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО

На нашей памяти в течение последних трех десятилетий уже третий раз в стране сегодня актуализируется общественный интерес к проблеме поиска национальной идеи и соответствующей доминантной идеологии. Обращает на себя внимание тот факт, что происходит этот рост интереса, как правило, тогда, когда схлопывается очередной краткосрочный по историческим меркам период накопления негативных явлений в обществе и экономике и соответствующей общественной усталости от них. Когда ожидания улучшения жизни закольцовываются, а тщетность многочисленных дискретных попыток решения накопившихся проблем становится очевидной. Именно тогда длительно и исподволь кристаллизирующийся интерес к систематизации жизни и представлений о ней объективно и неумолимо превращает сумму интересов в интерес общественный. А интерес общественный выходит на линию поиска горизонта своей адекватной непознанной идеологии. Потому что именно идеология как отражение сущностного общественно-чувственного прониновения во взаимосвязанные системообразующие динамические основания строя общества позволяет относительно быстро нащупать солидарный понятный ответ на накопившиеся вопросы по поводу природы общества и реализовать смысловую попытку поиска солидарного образа будущего.

Собственно, само появление впервые понятия «идеология» в начале XIX в. в работе французского философа Дастюта де Троси «Элементы идеологии» оказалось попыткой научной мысли нащупать национально-общественный пульс солидарного интереса в обезумевшей от революционных потрясений Франции. И в этом своем качестве как «учение об идеях» идеология утвердилась в трудах группы французских философов, историков, экономистов, вошедших 200 лет назад в историю науки как «Школа идеологов».

Более детально автор термина «идеология» трактовал ее как «науку об общих законах происхождения человеческих идей из чувственного опыта» [4, с. 199]. Интересно, что в данной редакции идеология рассматривалась как основание для всего спектра наук о природе и обществе. То есть в известном смысле данное представление об идеологии предвосхищало будущий статус философии как науки о всеобщих законах развития природы и общества. Интересно и то обстоятельство, что достаточно быстро к концу Наполеоновских войн в научном обороте идеология обрела имидж усеченного и достаточно поверхностного учения, проделав стремительный путь от существенного стержневого статуса учения, отражающего динамическую целостность природы и общества, к статусу поверхностной системы взглядов и их формализации.

В еще большей степени укрепили данное позиционирование идеологии в общественном сознании креаторы классового подхода и материалистического понимания истории К. Маркс и Ф. Энгельс, которые в «Немецкой идеологии» в середине XIX в. и последующих трудах определили идеологию как идеалистическую концепцию, претендующую через труды прежде всего немецких философов если не на сотворение мира, так обязательно на его как минимум трактовку. И здесь отчетливо засветилось важнейшее свойство идеологии — существенно влиять, а на переломных моментах истории и определять мир тварный, в том числе и материалистически трактуемый.

В результате так или иначе понятие «идеология» обрело более развернутое толкование как «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [4, с. 199].

С небольшими изменениями и уточнениями идеология как «система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности» [3, с. 475], «добралась» и до нашего современного трансформационного периода, где она идентифицируется как «система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество» [1, с. 231].

В любом случае фактически «родовое пятно» идеологии и ее бинарность никуда не исчезли. С одной стороны, она есть продукт стремления осмысления и целостного отражения мира. С другой — чем сложнее и противоречивее мир, тем с большей устойчивостью и воспроизводимостью генерируются ее различные версии.

С одной стороны, любая идеология есть продукт объективных процессов и имеет материалистические корни в этом смысле. С другой сто-

роны, ее влияние на мир далеко выходит за пределы переломных моментов в истории. Иными словами, и с ней никуда, и без нее никуда.

Все чаще пылливый ум сталкивается с «ужасом» п. 4 ст. 15 Конституции РФ, откуда изгнана какая-либо идеология. И невдомек нам, что коммунистическая идеология при всей своей футуристичной эlegantности не имела шансов удержаться на пьедестале современного основного закона, поскольку она является, скорее, феноменом футурокультуры и уже потом науки, а не какого-либо варварского, вульгарного (это мы о римском праве и последующих его версиях, призванных регулировать все то, что не может объять культура вообще и культура самоограничения в частности) строя. Если за 74 года общество так и не справилось с осмыслением данного знания или даже его отражением в лице идеологии, то, разумеется, данной идеологии нечего делать в Основном законе данного общества. В конце концов, в нашу эпоху путь от обожествления к низвержению достаточно стремителен и короток. Все, как обычно, сделали сами — виновата идеология. Видимо, поэтому и побоялись пока фиксировать в Конституции идеологию либеральную, тем более что не все сразу сообразят, что деидеологизация тождественна радикальной форме либеральной идеологии, читай: идеологии, где анархия — мать нового порядка, а разбой — его отец. Подморозка конструкции сути не меняет. Более того, напротив, ее суть консервирует. Вместе с тем подморозка консервирует — ограничивает и воинственный радикализм, памятуя, например, что синонимом антикоммунизма на самом деле является фашизм. Поэтому рефлексирующее в период непостоянства общественного климата сообщество, обесиленное перманентной энтропией, судорожно тянется к процессу обнаружения и формализации солидарной осмысленной родной идеологии. Отсюда интерес и к потенциальной основе искомой идеологии — национальной идее.

Под национальной идеей в российской культуре понимается обычно триединая формула взаимосвязанных ценностей, неисчезаемых в прошлом, настоящем и будущем и тем самым несущих в себе потенциал ответа на вопросы: откуда мы, кто мы и куда мы движемся дальше. У французов это «свобода, равенство, братство». У нас принято вспоминать уваровскую формулу «православие — самодержавие — народность» XIX в. Однако свою потенциальную мобилизующую роль эта формула не рубеже XIX—XX вв. так и не реализовала. А если и реализовала, то прямо в противоположном ключе: ни православия, ни самодержавия, ни народности. Означает ли это, что формула сама по себе не важна? Конечно же, важна. Но даже с учетом дилеммы уточнения панацеей она являться не будет. Можно упомянуть современную версию Г. Малинецкого: «осознанность — ответственность — совесть». Можем и мы предложить свою версию: «правда — справедливость — вера». Но мы глубоко убеждены,

что даже с учетом попадания формулы в яблочко этого далеко не достаточно для обнаружения искомой идеологии.

Очевидно, заметное приближение к обнаружению национальной идеологии возможно только тогда, когда мы системно аккумулируем и кристаллизуем спектр искрящихся самоцветов, содержащихся в народной солидарной душе и рассеянных в историко-культурной этого народа эволюции, но проявляемых, несмотря ни на что, ни на с кем, ни на когда, ни на где, прежде всего неосознанно всегда и везде. То есть проявляемых и в человеческих отношениях, и в отношениях с природой, и в отношениях экономических, политических, правовых, технико-технологических, этических и эстетических, моральных и нравственных, научных и познавательных, национальных и международных, военных и спортивных, иными словами, в широком смысле культурных. Кратко и емко все это проявляется в том, что принято называть в мире русской душой, и в том, что, неумолимо выводя нас из функционала Запада и Востока, интегрирует наше самобытное рефлекслирующее мотивационное целеполагающее цивилизационное отечественное начало.

Русский человек как человек многонациональный тянется душой к цветущей, играющей оттенками сложности во всем. Одновременно он индифферентен по отношению к количественным аспектам сложности, но явно тянется к оттенкам и переходам, трансформации одного в другое. Его интересует все время нарушаемая и восстанавливаемая гармония. Он не любит повторяться и непременно стремится к непознанному, новому, необычному началам. Поэтому его действия и алгоритмы проблематично предсказать и предугадать. Он не боится сильного и не оставит слабого. Он не стремится к богатству, так как его пиком равенства является самодостаточность. Он равнодушен к потреблению и чувствителен к красоте. Коллективно-солидарное начало у него всегда первично по отношению к индивидуальному. Военно-спортивная отвага у него всегда сочетается с самопожертвованием. Несокрушимое стремление к победе здесь выступает вкупе с гуманизмом по отношению к побежденным. Он презирает предательство, но лишен чувства мести. Он не умеет завидовать и радость другого ощущает как свою. Он открыт и прямолинеен, доверчив и добр. Он стремителен, ловок, изобретателен и одновременно ленив. Он способен бесконечно и натруженно работать и неожиданно проигнорировать любое дело, если оно его не зажгло. Его не интересует форма, его интересует содержание. Он равнодушен к симулякру, но никогда не остановится в познании смыслов. Он всегда побеждает, но, обретя победу, становится к ней равнодушен и ее не утилизирует.

Разумеется, сотканный из такого мириада противоречий образ русского человека крайне непонятен и чужд иноплеменнику, вызывает у него за-

висть и животный страх, уважение и стремление, приобщаясь к его возможностям, использовать его в своих интересах. Поэтому русскому человеку очень трудно реализоваться в международных отношениях, так как он будет одним из немногих субъектов, неукоснительно выполняющих заключенное соглашение. Поэтому для любого международного сотрудничества русский человек редкий и исключительный партнер — подарок. Хотя часто это воспринимается как слабость и повод для дополнительного иррационального мотивированного давления.

Воистину тяжело в такого уровня сложности и противоречивого многообразия объекте обнаружить компактную, емкую и логически выверенную идеологию. Причем идеологию, не только трактующую корректно все перипетии историко-культурного бытия русского, но и воспринимаемую русским как свою. Упомянутая выше (противоречивая) сложность нашего объекта и одновременно субъекта — носителя идеологии — проистекает из исторически сложившегося объективного многоуровневого, асимметричного хозяйственного контура, отмеченного целым комплексом соответствующих возможных и невозможных дифференциаций. К тому же сам субъект, несмотря на устойчивое историко-культурное стержневое славянское начало, содержит в себе и своей мотивации достаточно собирательный многонациональный и многоконфессиональный хозяйственный образ. Конечно, в таких условиях приоритетное значение исторически приобретает примат целостности политико-экономического функционального пространства с потребностью реализации хозяйственной модели с особой ролью государства и повышенным доминантным значением регулятивной миссии государства. Отсюда проистекает и необходимость культивирования смешенной многоукладной системы хозяйственного строительства и более заметное использование солидарных коллективных и общенародных форм хозяйствования. Естественно, что все эти черты объективно фокусируются в соответствующем генезисе идеологии в стране, спектре ее версий и, очевидно, перманентности того, что называется идеологической борьбой как в международном блоке отношений, так и особенно во внутреннем. Все это накладывает отпечаток на характер развития, придает ему линейно-волновой дискретный рефрен с непрерывным эффектом заимствования импортных форм развития и периодически возникающей дилеммой догоняющей модели хозяйственного строительства. А идеологическая борьба по поводу использования заимствованных форм хозяйствования и отечественных, учитывающих национально-страновую специфику, непрерывно усиливается, что происходит в стране и сейчас, причем сейчас особенно.

В данном контексте, как нам представляется, достаточно интересным является вариант кристаллизации искомой идеологии, заявленный

профессором Ю. М. Осиповым, методологически обозначившим в качестве идеологии для России саму Россию как идеологию, изначально дав свой вариант определения идеологии, где она выступает как «целостный идейно-смысловой концепт, которым руководствуется осознанно или нет в своем жизнеотправлении тот или иной субъект» [2, с. 422]. И далее, определяя в качестве идеологии для России, «прежде всего идеологию самой России» как «более трансцендентную, чем имманентную, более неведомую, чем ведомую, более самоположенную, чем кем-то сформулированную» [2, с. 428, 429]. Тем самым автор как бы подчеркивает, что процесс генезиса идеологии в современной России не только не завершился, но и находится, вообще говоря, в начальной своей фазе, реализуется самой Россией в самой России. И в этом смысле описанная методология и ее коннотация, вольно или невольно отсекая болезненную дилемму заимствования, открывают зеленый свет доминанте генезиса своей собственной современной самобытной идеологии, творчески интегрируемой своей макро- и микрофункциональной практикой отечественными хозяйствующими субъектами. Но не правовыми же в самом деле методами регулируется хозяйственное развитие, а прежде всего экономическими, косвенными, опосредованными, мотивационными, в широком смысле культурными методами.

Резюмируя обозначенную выше ретроспективу эволюции понятия «идеология», отметим, что данное понятие в течение 200 лет в большой степени оказалось, во-первых, заложником своего материалистического прародителя — классового социосекторального строения общества, закономерно генерирующего букет инвариантов версий идеологии. Во-вторых, заложником своей изначально концептуальной миссии, предполагающей фокусировку внимания на сущностных, главных аспектах развития общества, абстрагирование от функциональных деталей. И, в-третьих, заложником своего уникального свойства через свое обособление и дистанцирование от материалистической «моторики» общественного развития одновременно заметно на него влиять. Именно поэтому общество в своей эволюции неумолимо награждало идеологию, противопоставляя ее науке, статутом поверхностного, вульгарного и даже презрительного стиля отражения знания, чего, очевидно, идеология, устремляя терпеливо свой взгляд в будущее, не в полной мере заслуживала.

Поэтому в заключение можно предложить еще один вариант определения понятия «идеология», хотя бы частично способный восстановить ее заслуженное доброе познавательное и ориентирующее в эволюции мысли значение. Идеология представляет собой синтез общественного опыта и его осмысление в проекции определения цели и направления будущей трансформации бытия.

Литература

1. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. 3-е изд., стереотип. — М.: АЗЪ, 1996.
2. *Осипов Ю. М.* Метафизика. Код доступа. — М.: ТЕИС, 2019.
3. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1984.
4. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М.: Сов. энциклопедия, 1983.

ИДЕОЛОГИЯ — ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО

Мир всегда был, есть и, наверное, будет ареной яростной борьбы (военной, политической, экономической, технологической, идеологической и т.д.) различных национальных сил за «изменение своего статуса... и перераспределение сфер влияния в контексте сложившихся исторических возможностей» [5, с. 17], за занятие господствующих позиций в системе мировых властных отношений.

Изменение статуса наций и государств происходит в ходе конкурентной борьбы (явной или скрытой), важнейшей составляющей которой является идеологическая борьба (мягкая сила), с помощью которой рвущиеся к господству нация или государство разрушают мировоззрение (систему ценностей и смыслов) противника и создают привлекательный вид мироустройства.

Роль идеологической борьбы в противостоянии наций и цивилизаций неуклонно возрастает. XIX в. прошел под знаком геополитики (Клаузевиц: война — продолжение политики другими средствами). XX в. стал столетием геоэкономики — судьбы стран определяли наличие ресурсов, производительность труда, финансовые инструменты и т.д. По мнению многих экспертов, XXI в. станет столетием геокультуры, когда будет вестись (и уже активно ведется) яростная борьба за умы и души людей — за смыслы и ценности, за типы жизнеустройства общества. В XXI в. перспективы той или иной цивилизации будут определяться тем, насколько активно и умело они будут готовы поддерживать и отстаивать «свои» смыслы и ценности, противостоять «чужим» и «враждебным» (см.: [3, с. 57]).

Войны в XXI в., по всей видимости, «будут войнами в пространстве смыслов, ценностей, образов массового сознания, в информационном пространстве. Если в XX в. победу обеспечивали превосходство в высоких военных и производственных технологиях (*high-tech*), то в XXI в. на первый план выйдут высокие гуманитарные технологии (*high-hume*)» [3, с. 56]. И далее: «Рефлексивное управление, информационные атаки, организационное оружие, технологии управления хаосом, методы воздействия на массовое сознание и установки элиты — область активной работы наших оппонентов. Борьба систем управления, мониторинга, прогноза новых поколений и “умного оружия” — те реальности, к которым следует готовиться в России» [3, с. 56].

В XXI в. борьба-война смещается в область обладания чужим сознанием, навязывания противнику своих смыслов, ценностей и целей. Утеря народом, нацией, государством своего мировоззрения — это прямой путь в небытие, пусть не физическое, но метафизическое (на идеально-духовном уровне). А сохранение (обретение) веры — условие бытия (существования и развития) и «господства» (прежде всего духовного и интеллектуального) вплоть до мирового. «Всякий великий народ должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном заключается спасение мира, что он живет на то, чтобы стоять во главе народов, приобщить их всех себе воедино и вести их в согласном хоре к окончательной цели, всем им предназначенной» [1, с. 17], — пророчески писал в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский.

Важность (и опасность для себя) конкурентного мессианского национального сознания хорошо осознают правящие круги США и в составленном еще в XX в. наставлении военного ведомства этой страны, озаглавленном «Психологические операции», утверждается, например, что «коль скоро современный мир “является продолжением войны невоенными средствами”, то и главным в этом случае должны стать “психологические операции”, цель которых — оказать влияние на чувства, поступки и поведение людей из других стран в духе, “благоприятном для достижения политических целей Соединенных Штатов”. Назначение этих операций — создать атмосферу уныния, пораженчества и апатии, поощрять людей к тому, чтобы свои личные интересы они ставили выше общественных, усиливать их интерес к частной жизни, дабы уменьшить их участие в решении коллективных и национальных задач, распространять скептические настроения в отношении политических целей и идеологии местных или центральных властей (если их политика не отвечает интересам США), раздувать разногласия и раздоры, вносить дезорганизацию и сумятицу в общественную жизнь, поощрять людей на антиобщественные действия, с тем чтобы подрывать политическую структуру неудобных США стран» [7, с. 117].

Суть этого подхода в известной речи 8 июня 1982 г. в английском парламенте предельно четко выразил Р. Рейган: «Исход борьбы отныне будет определяться не численностью бомб и ракет, а победой или поражением устремлений и идей» (цит. по: [7, с. 118]).

Объявленный тогда американской администрацией «крестовый поход против коммунизма» (после коллапса СССР суть этого подхода была перенесена на современную Россию) «нашел свое выражение, во-первых, в разработке новых идейно-теоретических, концептуальных платформ, с которых ведется диверсионная пропаганда, а также новых форм организации пропагандистского “наступления”, приемов и методов манипулятивной психологической обработки масс, во-вторых, в подведении

под пропаганду “научной” базы, в использовании в ее ходе достижений социологии, психологии, педагогики, в-третьих, в совершенствовании материально-технической базы пропаганды, наращивания ее мощностей и, в-четвертых, в усилении координации идеологической, пропагандистской деятельности в международном масштабе» [7, с. 118–119].

И сегодня по указанию ЦРУ «агентура психологической войны сориентирована на “подрыв политической и социальной структуры страны-объекта”, “деградации национального сознания” (выделено мною. — *И. Г.*), достижения того, чтобы государство оказалось “неспособным к сопротивлению”. Рассматривая эту задачу в качестве стратегической американская разведка разработала и методику ее достижения — это организация постоянных пропагандистских кампаний, построенных на обмане и фальсификации; возбуждение самых примитивных чувств и эмоций, превращающих человека в неразборчивого потребителя информации, чужих мыслей, вещей; введение в заблуждение как отдельных людей, так и общества в целом относительно подлинных целей пропаганды» [7, с. 127].

Этот американский документ почти полностью совпадает с циркуляром, который был разработан в 1941 г. в возглавляемом Геббельсом Министерстве пропаганды нацистской Германии: «В этой войне, как ни в какой другой, решающую роль будет играть борьба за завоевание общественного мнения» [7, с. 126].

В послевоенные годы в США и других западных странах была создана целая индустрия по производству нужного властным кругам сознания как среди граждан своих стран, так и стран периферии (прежде всего граждан стран социалистического содружества).

Индустрия сознания — это система создания и «распространения информации (установок, взглядов, мнений и т.д. — *И. Г.*) через печать, радио телевидение, кино, компьютерные технологии и линии и т.п. и активного воздействия на представления, оценки, мнения и поведение людей, на массовое сознание в целом с целью утверждения духовных ценностей данного общества» [6, с. 904]. Такая индустрия сознания может быть понята как система управления (см.: [8, с. 989]).

Базовыми, несущими основную функциональную нагрузку индустрии сознания являются медиа, прежде всего электронные. «Ни книги, ни кино, ни театр не могут даже близко сравниться с телевидением, газетами, радио по объему аудитории, частоте обращения, конечному эффекту воздействия на общественное сознание. Интерактивные возможности коммуникативных связей на основе новейших компьютерных технологий также не следует переоценивать. Рост межперсональных контактов не приводит автоматически к соответствующему росту социально-политической активности граждан. Более того, в основе образующихся виртуальных

сетевых сообществ нередко лежит мотив эскапизма, выхода из массовой коммуникации» [8, с. 992].

Современной индустрией сознания, как отмечает Г. Энциенбергер, «производятся и поставляются не товары, а мнения, суждения и пред-рассудки, то есть всякого рода содержательные единицы сознания» [11, с. 16], выгодные нынешним власть имущим. Определенное сознание создается «лишь для того, чтобы потом его можно было эксплуатировать» [11, с. 17]. В настоящее время «кто — раб, а кто — господин, определяется не только тем, в чьей власти распоряжаться капиталом, фабриками и оружием, но тем, в чьей власти распоряжаться сознанием других» [11, с. 17].

В функционировании индустрии сознания огромную роль играет та социально значимая цель, которую она (индустрия сознания) преследует. Сегодня, как и вчера, «цель эта одна и та же: увековечение существующих отношений власти» [11, с. 17]. Или изменение существующих отношений власти, как это было в период перестройки в СССР.

Индустрия сознания работает. Причем весьма эффективно. Ярким примером этого является ее решающий вклад в ликвидацию СССР. Р. Кирран и Т. Кенни, рассматривая позднесоветскую эпоху и деятельность клики Горбачева, отмечают, что нет ничего более далекого от истины, чем попытки представить все выдвигаемые «отдельными группами “интеллектуальности” в ходе перестройки диссидентские программы, платформы и постулаты (как и, добавим мы, саму программу перестройки и практические шаги по ее реализации. — *И. Г.*) неким “порождением” русского (или нерусского) “национализма”, будь он даже в самых отъявленных антисоветских и антикоммунистических расцветках. Все они — без исключения! — являлись специально изготовленными продуктами пропагандистских и идеологических центров Запада или по крайней мере неким переработанным “эхом” тех или иных уже известных, тоже западных доктрин» [2, с. 137].

М. Эльман и В. Канторович пишут: М. С. Горбачевым и А. Н. Яковлевым была объявлена «настоящая война против официальной идеологии. Причем она началась задолго до того, как в партии были приняты на сей счет радикальные решения» (цит. по: [2, с. 146]). С середины 1987 г. Горбачев и его сподвижники «приступили к активной подмене основного идейного содержания перестройки уже совершенно “новой”, преимущественно “антисталинской” направленностью» [2, с. 147]. И далее: «При этом весьма показательным было то, что вся эта активность, осуществляемая преимущественно средствами массовой информации, происходила в обстановке удивительной координации с информационными системами Запада и их постоянно аккредитованных представителей в Москве» [2, с. 147].

Вообще главную роль в навязывании советскому народу новой антикоммунистической, антисоветской и антинациональной (антирусской!)

картины мира сыграли медиа, прежде всего электронные. «Подчеркнуто “иконоборческая” атмосфера прямых трансляций с заседаний Съезда народных депутатов вполне преднамеренно нацеливалась» [2, с. 207] на пробуждение самых разрушительных инстинктов аудитории. В перестройке «решающее значение сыграли крайне антисоциалистически настроенные средства массовой информации» [2, с. 182].

Именно «гласность» явилась «основным двигателем перестройки» [2, с. 194]. По оценке помощника последнего генсека КПСС А. Черняева, «устранение марксизма-ленинизма и коммунистического мировоззрения из процессов общественно-политической жизни и управления страной стало вообще возможным только под непрерывным натиском “гласности”» (цит. по: [2, с. 194]).

Освещавший процессы перестройки в Советском Союзе американский журналист Майк Давыдов искренне недоумевал: «Никогда еще до сих пор держащая бразды правления в стране партия не передавала сама в руки сил, стремящихся к ее уничтожению, такой ресурс власти, как средства массовой информации. Это было сделано только лидерами КПСС и СССР во время Горбачева» (цит. по: [2, с. 110]).

Справившись со своими основными противниками в руководстве партии и государства, Горбачеву с «находящимися под контролем откровенно антисоциалистических и антикоммунистических (антинациональных и антирусских. — *И. Г.*) сил средствами массовой информации была предоставлена возможность полностью перевернуть всю официальную идеологию, культуру и духовные ценности страны в примитивном капиталистическом духе “свободного рынка”» [2, с. 191].

Сегодня «свобода слова» как наследница «гласности» есть тот инструмент в руках антинациональных сил, который, как отмечает А. С. Панарин, «при ближайшем рассмотрении... оказывается карт-бланшем для разрушителей государственности, морали, культуры» (цит. по: [8, с. 990]).

Размышляя о работе индустрии сознания, А. С. Панарин отмечает, что «нам предстоит вскрыть истоки общественно-политической драмы стран, вступивших в активные межкультурные контакты в условиях неэквивалентного обмена информацией. В этих странах особенно велик разрыв между темпами общего информационного накопления (куда вносят свой вклад более развитые общества, поставляющие множество информации на экспорт) и возможностями социально-прикладного, технологического использования накопленной информации. Не находя себе целенаправленного прикладного применения, эта информация становится ферментом, подтачивающим все общественные институты, а также нравы, традиции, нормы, идеалы» [5, с. 371].

Поэтому для обеспечения своего независимого прогрессивного развития обществу, с одной стороны, «предстоит усилить фильтры и про-

тектионистские барьеры, призванные препятствовать дальнейшему неупорядоченному приращению информации, преобразующей цели, но не средства, а с другой — резко повысить возможность перевода дескриптивной (широкой социокультурной. — *И. Г.*) информации в прескриптивную (научно-техническую, технологическую, организационно-управленческую. — *И. Г.*)» [5, с. 380—381].

При этом «одним из наиболее эффективных барьеров на пути неупорядоченных межкультурных заимствований является *мобилизация протекционистских идеологий*. Яркой разновидностью этого типа является *национализм* (выделено мной. — *И. Г.*). Ни одно общество, испытывающее потребность в мобилизации ресурсов для ускорения модернизации, не избежало национализма. И на Востоке (Тайвань, Южная Корея, Япония), и на Западе (Франция времен голлизма) мы наблюдаем примеры этого. Модернизационный национализм представляет собой особого типа мембрану, проницаемую для прескриптивной информации (заимствования производственных, военных, организационно-управленческих технологий), но мало проницаемую для дескриптивной информации (описательной, общей социокультурной. — *И. Г.*), модернизирующей подсистему целей, но не средств» [5, с. 381].

Опираясь на это, А. С. Панарин делает предположение, что «вероятно, российскому обществу в обозримом будущем не избежать экспансии идеологии национализма как в ее культурно-протекционистских, так и социально-мобилизующих формах и функциях» [5, с. 381].

Но для того, чтобы это предположение А. С. Панарина сбылось, в России должна победить идеология национализма. Пока же, по словам Ю. М. Осипова, в России бытуют «*две главные идеологии: алчно-присвоительная, она же и античеловеческая, и жизнеутвердительная, она же и человеческая*» (выделено мною. — *И. Г.*). Бытуют в тяжелой, затяжной, изнурительной борьбе между собой и за себя, не находя социального компромисса, как раз целостно-национального. Две идеологии, но ведь и две нации в одном экзистенциальном флаконе тоже. Раздвоенной бытует Россия, когда есть базисная, но униженная, Россия и надстроечная, вполне себе верховодная, антиРоссия» [4, с. 13].

Ясно, что алчно-присвоительной, или олигархо-компрадорской (коллораборационистской), власти никакая идеология национализма не нужна. Но она нужна России, русскому и другим коренным народам нашей страны, ни на минуту не прекращающим поиск выхода из неолиберально-постмодернистского тупика небытия.

России, не перестает повторять депутат Госдумы Е. А. Федоров, по Конституции 1993 г. (ст. 13.2) запрещено иметь идеологию, а значит, «собственные цели и стратегию развития» [9, с. 1].

А стратегия развития современной России — находящейся в политической, экономической и социальной ситуации, близкой к апокалипсису, в чрезвычайном геополитическом положении — очень нужна. Бывший заместитель директора по науке Института прикладной математики имени М. В. Келдыша Российской академии наук Г. Г. Малинецкий констатирует, что со времен перестройки у нашей страны «нет эффективной научно обоснованной национальной политики ни в одной области. Ее нет ни в экономике, ни в обороне, ни в здравоохранении, ни в промышленности, образовании или науке. Причина этого — отсутствие стратегии — долговременных целей, определяющих будущее страны на десятилетия вперед, путей их достижения и конкретных ориентиров» [3, с. 55].

Но «нельзя жить только сегодняшним днем. Чтобы разумно и эффективно принимать решения, сейчас нужно заглядывать дальше» [3, с. 56], в далекое будущее и адекватно представлять это будущее, разрабатывать правильные стратегические подходы к его достижению. Руководством здесь могут быть слова, которые произнес наш выдающийся авиаконструктор П. А. Сухой: «Ошибки, сделанные на стратегическом уровне, являются самыми дорогими и тяжелыми — их обычно не удается скорректировать на более низких уровнях иерархии» (цит. по: [3, с. 57]).

Отсутствие стратегии развития России «связано с тем, что ни у элиты, ни в массовом сознании нет ясно сформулированных национальных интересов. Отсутствие таковых определяется тем, что в обществе нет понимаемого и принимаемого большинством населения и политической элитой образа желаемого будущего. Его предстоит обрести» [3, с. 55]. То есть этот образ будущего надо создать и разработать стратегию достижения этого привлекательного и желаемого будущего.

Непримиримая конкуренция (война!) различных образов будущего — главное содержание нынешней эпохи. «Отныне различные общественные группы (и государства! — *И. Г.*) соревнуются в выдвижении проектов лучшего будущего, ибо считается общепризнанным, что будущее можно творить» [5, с. 332].

Сегодня мировая гуманитарная элита пытается творить новые народы, «собирая, оживляя давно умершие исторические воспоминания, воскрешая этнографический быт» (цит. по: [5, с. 336]), ярчайшим примером чего являются происходящие на Украине события.

В современном мире, указывает А. С. Панарин, при обсуждении перспектив той или иной социальной общности, института или даже государства в целом важно «выявить их статус в культуре, специфику их языкового самовыражения, их способность прорваться в коммуникационное поле мира и породить завораживающий образ или тонизирующий социальный миф (выделено мною. — *И. Г.*)» [5, с. 336].

Жизнь любого социума можно представить, с одной стороны, как «столкновение групповых интересов в сфере перераспределения материальных благ, с другой — соревнование групповых проектов светлого будущего на общенациональном конкурсе (в едином социокультурном пространстве). Опыт показывает, что одно зависит от другого: лишь тем общественным слоям удастся по-настоящему эффективно защитить свои интересы, элиты которых оказались победителями в конкурсе общенациональных проектов — дали убедительную версию совпадения данных групповых интересов с общенациональными» [5, с. 337].

Те же процессы происходят и в рамках международного сообщества. Претендующие на лидерство нации и государства при разработке образа «светлого будущего» (проектируя будущее на уровне своей страны и мира) учитывают глобальные мировые тренды, определяют коридор возможностей, разрабатывают альтернативные сценарии мирового развития и «на основе современных междисциплинарных подходов и компьютерных технологий показывают, между чем делается выбор, какую цену придется заплатить за принимаемое решение и какие риски с ним связаны» [3, с. 55]. Но для обеспечения глобального лидерства этого мало — надо создать максимально привлекательный для мира образ выдвигаемого проекта, создать его максимальный положительный имидж. За создание респектабельного имиджа проекта как раз и отвечает индустрия сознания, донося до умов граждан мира соответствующие идеологические установки.

Так действуют США, продвигая проект глобализации, так действует и КНР, максимально пропагандируя проект «Новый шелковый путь» — проект китайского доминирования на большей части Евразии. Обе державы убеждают своих «партнеров» в умопомрачительных преимуществах жизни-существования под американской или китайской гегемонией.

Проектирование будущего и представление («впаривание» через индустрию сознания) элите периферийных стран и широкой общественности глобальных мировых проектов обустройства-управления становятся в современном мире важным фактором доминирования. Тем более что с «конца XX в. мы начали жить в мире самосбывающихся прогнозов» [3, с. 57].

Научный прогноз и соответствующие информационные технологии проектирования будущего «станутся в XXI в. столь же важны, как атомные бомбы, ракетные системы и надежные шрифты в XX столетии» [3, с. 56].

Технологии проектирования образа будущего активно создаются и используются в развитых странах. В США проектирование будущего возложено на национальное разведывательное сообщество, и на открытом сайте ЦРУ (www.cia.gov) регулярно публикуются различные образы (под видом прогнозов) будущего мира и отдельных стран. Прогнозы и проекты бу-

дущего являются инструментом управления и борьбы на международной арене, так как благоприятные прогнозы относительно своего (американского) будущего внушают оптимизм и вызывают энтузиазм, мобилизуют американский народ, а негативные прогнозы относительно стран-оппонентов призваны подавлять волю и порождать уныние противостоящих США наций.

«Оружием, направленным против предлагаемого оппонентом прогноза или большого проекта, может быть только другой прогноз или проект» [3, с. 57], — считают специалисты по современной идеологической и геополитической борьбе (войне). Поэтому в России должна быть создана соответствующая «система проектирования будущего» [3, с. 56]. Без нее обеспечить устойчивое долгосрочное стратегическое развитие невозможно. Невозможно победить и в мировом конкурсе лучших проектов будущего, предлагаемых различными нациями и государствами.

«Образ будущего должен объединять народ России. В формировании образа будущего огромную роль играет осознание смыслов и ценностей нашей уникальной самодостаточной российской цивилизации» [3, с. 55].

Опирающаяся на жизнеутвердительную идеологию, точнее мировоззрение, российская индустрия сознания должна активно работать над созданием привлекательного образа России и мира под водительством России и русской культуры. И верить в победу Русского проекта, так как постмодернистскому западному миру, безусловно, обладающему мощнейшими средствами донесения до широких масс различных посланий (нарративов), сообщить по большому счету нечего. Он мировоззренчески и даже идеологически бесплоден. Об этом, фокусируя свое внимание прежде всего на Соединенных Штатах Америки, открыто пишет советник по геополитическим вопросам командования специальных операций США П. Хана: «В мире нет ни одной нации, способной им править, как нет и ни одной организации, способной им управлять» [10, с. 15]. На это, чуть-чуть перефразировав слова известного (выдающегося) политического деятеля XX в., мы можем сказать — есть такая нация!

Литература

1. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. — Л.: Наука, 1983.
2. *Киран Р., Кенни Т.* Продавшие социализм: теневая экономика в СССР. — М.: Алгоритм, 2010.
3. *Малинецкий Г. Г.* Проектирование будущего, мониторинг и прогноз в контексте национальной безопасности // Наука Москвы и регионов. — 2007. — № 4. — С. 55 — 59.
4. *Осипов Ю. М.* Идеология для актуальной России // Философия хозяйства. — 2019. — № 3. — С. 11–18.

5. *Панарин А. С.* Философия политики. — М.: Новая школа, 1996.
6. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. Кн. 1. — М.: БРЭ, 2001.
7. *Решетов П. Н.* Идеологическая борьба и молодежь. — М.: Молодая гвардия, 1985.
8. *Тавокин Е. П.* Массовая коммуникация в современном мире // Вестник Российской академии наук. — 2011. — Т. 81. — № 11. — С. 986–993.
9. *Федоров Е.* Референдум! // Национальный курс — за суверенитет! — 2019. — № 5(49). — С. 1–4.
10. *Ханна П.* Как управлять миром. — М.: Астрель, 2012.
11. *Энценсбергер Г.* Индустрия сознания. Элементы теории медиа. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

ДОСТОЕВСКИЙ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ИДЕОЛОГ

Предупреждение. Россия без идеологии — это Россия без целеполагания, без внятных целей и ценностей развития, без образа будущего. Идеология есть цивилизационный, желательно мессианский, проект, опрокинутый в практику, в сознание и мысли людей. Вот почему провозглашение идеологии «с кафедры», как некоей всеобщей платоновской чистой идеи, никогда не окажет желаемого воздействия на людей. Идеология есть переход всеобщего, трансцендентного в личное и имманентное. Она должна войти в психологию конкретного человека, стать частью его сознания. В этом отношении особое суггестивное значение имеют религиозные пророчества и прозрения творцов великих литературных произведений. Религиозные и художественные поиски истин человеческого духа особенно необходимы для разработки идеологии России, изначально возникшей в качестве идеократической цивилизации. А уж о значении завораживающего воздействия творчества Федора Михайловича Достоевского на сознание читателей говорить не приходится. Целью настоящей статьи является анализ идей Достоевского, которые, на взгляд автора, могут быть вполне корректно применены к решению проблемы идеологии в современной российской ситуации. При работе над текстом помимо сочинений Достоевского были использованы исследования философских и экономических взглядов писателя, проведенные итальянскими авторами Дж. Пачини [5] и Г. Карпи [3].

Идеология Достоевского открыта будущему, она настолько емкая, что и по сей день содержит в себе главнейшие проблемы мира и России.

О неполноценности научно обоснованных идеологий. Это предостережение писателя не было услышано в массе тогдашних «интеллигентов», которые по типу западноцентричного мировосприятия мало чем отличаются от современных гуманитариев и профессиональных идеологов. Размышления Достоевского о вечных вопросах и развилках путей России привели его к противостоянию с основными идейными течениями своего времени — позитивизмом, либерализмом, социализмом и нигилизмом. Сила его критики многократно усиливается литературной суггестией, сильнейшим эмоциональным воздействием на читателя. Героев своих романов Достоевский «наделял идеями, заимствованными из Европы, и вовлекал

их в диалог, в котором эти идеи оспаривались и противопоставлялись конкретной русской действительности» [5, с. 3].

Главное в отношении Достоевского к научно обоснованным идеологиям: любая отвлеченная теория в своем практическом приложении умертвляет, останавливает жизнь, она ставит искусственный предел развитию, пытаясь определить его, но значительная часть жизни все равно оказывается неопределимой, пребывающей за пределами теорий.

Кризис мировоззрений и идеологий, по Достоевскому, — результат кризиса человека, сменившего веру на науку. Царство разума привело к утрате Абсолюта, превратив содержание человеческих поступков в инструменты, лишенные нравственного и ценностного содержания, к атрофии способности отличать истинное от ложного, к размытию критериев и утрате ориентиров. Стремление науки к абсолютной объективности, независимой от человека и его смыслов, уничтожает трансцендентные основания мышления и, как мы видим сегодня, во времена зигзагов постмодерна уже убивает и само объективное мышление.

Герои романов Достоевского подчас представляют апологетов заимствованного из Европы рационализма, которым присуще ускоренное болезненное саморазвитие и стремление к радикальному переустройству России на основе передовых идеологий, не укорененных в национальной жизни. Таковы Раскольников, Свидригайлов, Версиков, Ставрогин и «бесы» из одноименного романа. Не понимаемые и не принимаемые «большой Россией» — традиционным, непросвещенным новейшими идеологиями обществом, они склонны к экстремизму в осуществлении своих целей. Этот раскол российского сознания имел и имеет тяжчайшие последствия для судеб страны. В результате раскола сознания любое радикальное реформирование обречено на провал, что вызывает болезненные реакции и разговоры о принципиальной неререформируемости России.

Напротив, Достоевский считал, что ответы на «вечные вопросы» человечества могут рождаться только в собственной национально-культурной почве, через слияние со своим народом, благодаря чему всеобщее получает освещение через особенное и становится конкретной, жизненной реальностью. Понимание конкретных особенностей страны и исторической ситуации, в которой она оказалась, позволяет избежать отвлеченных моделей развития и выйти на правильный путь.

Отсюда возникла главная альтернатива, осмысленная Достоевским: противостояние Христа и науки. Если наука управляет человеком как объектом, то Христос показывает иной путь — путь субъекта, произвольно, свободно выбирающего мир своих ценностей и смыслов. Для русского народа — «народа-богоносца», а тогда он, наверное, в чем-то был «богоносцем», отказ от Христа в пользу верифицированной наукой пользы

есть путь к катастрофе, что и происходит последние два века. Достоевский предугадывал современный постмодернизм с его релятивизмом смыслов и провозглашением победы низкого и безобразного над высоким и возвышенным. Черт в разговоре с Иваном Карамазовым настаивает на том, что смысла в жизни нет, вселенная бессмысленна, а вообще-то хорошо бы превратиться в семипудовую купчиху. Или, говоря словами Свидригайлова из «Преступления и наказания», мир есть всего лишь бессмысленная «баня с пауками».

Если в жизни человека, по Достоевскому, реализуются смыслы и достигаются цели, то как Бог придает высшие ценности нашему существованию? Итальянский исследователь творчества Достоевского Дж. Пачини заметил, что у него «никогда не встретишь образ Бога-демиурга или пантократора, который бы придавал смысл и оправдывал все сущее» [5, с. 25]. Действительно, Абсолют у Достоевского есть Христос, живущий в сердце человеческом. Иными словами, трансцендентное у писателя возможно только после перевода его в имманентное, во внутренний духовный опыт личности. Вот почему идеология Достоевского христоцентрична, все вопросы развития человека и мира он пропускает через психологию конкретного русского человека и «сверяет» ее с Христом. Здесь обнаруживаются архетипические структуры отечественного сознания, их направленность на «ктоиность», а не на «чтоиность». «Кто виноват» в России всегда важнее, чем «что делать». Вопросы социальной справедливости всегда обостренно воспринимаются русским сознанием. В «Дневниках писателя», которые было бы полезно почитать разработчикам социальной политики современной России, Достоевский постоянно педалирует тему страданий простых людей в результате алчности спекулянтов, кулаков и капиталистов.

От тупиков капитализма к национальному предпринимательству. В социально-экономической идеологии Достоевского важное место занимает отношение писателя к капитализму. В скрупулезном производительном накоплении денег и капиталов Достоевский видел противоречие с национальным характером. Герой «Игрока» Алексей Иванович подметил: «В катехизис добродетелей и достоинств цивилизованного западного человека вошла исторически и чуть ли не в виде главного пункта способность приобретения капиталов. А русский не только не способен приобретать капиталы, но даже расточает их как-то зря и безобразно... Я уж лучше хочу дебоширить по-русски или разживаться на рулетке» [1, т. 5, с. 225–226]. Показательно, что накопление богатства в романах Достоевского связано с преступлениями, внезапным получением наследства, спекуляциями, проституцией. Герои и героини его романов, подобно Настасье Филипповне и Рогожину из «Идиота», буквально швыряют деньги, превращая

их из экономической категории в категорию нравственного испытания, самооценки и удали.

С другой стороны, Достоевский видел явную иррациональность и даже патологию в «протестантской этике» — методичном, расчетливом накоплении капитала как самоцели. В «Подростке» старец Макарь Иванович поведал поучительную историю о купце Максиме Ивановиче Скотобойникове, который «ситцевую фабрику построил и рабочих несколько сот содержал; и возмнил о себе безмерно» [1, т. 10, с. 313—314]. Далее он в аффекте безжалостно растерзал ребенка и откупился пятнадцатью рублями. Главный герой «Подростка» Аркадий Долгорукий увлеченно рассказывал об ажиотаже, поразившем Францию во время финансовых спекуляций Дж. Лоу. Алчностью тогда были охвачены массы людей, в результате после кризиса разорились все, кроме горбуна, который за «наличные луидоры» подставлял свой горб для подписания акций. Методичное рациональное накопление денег горбуном Аркадий, захваченный духом накопления капитала, счел примером для себя: «Не нажить, не выучиться, как нажить, — было бы неестественно». Здесь важно, что экономический рационализм воплощает горбун — инвалид. Рациональное поведение, максимизирующее выгоды, показано писателем в фокусе ущербной инвалидности — как уродство, искажающее полноту жизни.

Скептически относился писатель и к привлечению иностранных капиталов, захвативших ведущие отрасли российского хозяйства. В рассказе «Крокодил» чиновник Иван Матвеевич внезапно оказался в животе крокодила, выставленного перед петербургской публикой темным немецким авантюристом. Начальник бедного чиновника, проникнутый идеей благодетельности иностранных инвестиций, отказался вытаскивать его из живота рептилии: «Сами же мы вот хлопчем о привлечении иностранных капиталов в отечество, а вот посудите: едва только капитал привлеченного крокодилчика удвоился через Ивана Матвеевича, а мы, чем бы протезировать иностранного собственника, напротив, стараемся самому-то основному капиталу брюхо вспороть. Ну, совершенно ли это? По-моему, Иван Матвеевич, как истинный сын отечества, должен еще радоваться и гордиться тем, что собою ценность иностранного крокодила удвоил, а пожалуй, еще и утроил. Это для привлечения надобно-с» [1, т. 5, с. 190].

Капиталы в России, по многократным оценкам писателя, — это в основном капиталы спекулянтов и кулаков или капиталы, полученные даром и случаем, от государственных раздач и концессий. Крайнее неприятие Достоевским ростовщичества и биржевых спекуляций известно. При этом писатель обратил внимание на транснациональный характер действия финансовых манипуляций. «Курс-то наш стал падать по европейским причинам», — писал он в 1866 г. [1, т. 28/2, с. 158]. Актуально звучит

пророчество Версилова («Подросток») об Апокалипсисе как всемирном банкротстве: «Я думаю, что все это произойдет как-нибудь чрезвычайно ordinarily... все государства, несмотря на все балансы в бюджетах и на “отсутствие дефицитов”... запутаются окончательно и все до единого пожелают не заплатить, чтоб всем до единого обновиться во всеобщем банкротстве» [1, т. 13, с. 172].

Выход из тупиков спекулятивного капитализма Достоевский видел в развитии хозяйства на российской культурной почве и на широком распространении национального предпринимательства, в котором нравственные регуляторы и систематический труд становятся решающими факторами развития. Необходимо «развязать руки народному характеру». Поскольку «и для образования капиталов нужно тоже твердое нравственное основание, капитал собирается лишь трудом и упорным накоплением от поколения к поколению» [1, т. 11, с. 156]. Причины финансовых затруднений писатель находил в нездоровье нравственном, в зависимости состояния экономики от состояния сферы духа. Отсюда проистекает совет Достоевского предполагаемому финансисту: «Для приобретения хороших государственных финансов в государстве, изведавшем известные потрясения, не думай слишком много о текущих потребностях, сколь бы сильно ни вопияли они, а думай лишь об оздоровлении корней — и получишь финансы» [1, т. 26, с. 132].

От Великого инквизитора к идеологии «цифровизации»: предостережение через полтора века. А как же быть с чужой волей, вменяющей нам действия и оценки? Великий инквизитор из «Братьев Карамазовых» провозглашает путь избавления человека от мучительной свободы выбора: гораздо проще поклониться авторитетам — инквизиторам, думающим и решающим за него. Великий инквизитор и взял на себя бремя управления человеческим стадом покорных потребителей. Это предостережение получило новую актуальность сегодня, в эпоху «цифровой экономики», когда вновь ослабло осознание реальности зла, точнее, его нового обличья. Существование зла есть возможность для человека выбрать зло и отказаться от добра. Идеология количественных расчетов как главная материалистическая сила века сего убеждает, что окончательно разгадала тайну человека, рассчитала его и обеспечила ему счастье в «хрустальном дворце» или «муравейнике» («Записки из подполья»). На деле «сосчитанный человек» оказывается свободен от творчества и развития.

Преодолеть свои слабости, делающие человека уязвимым для инквизиции всех рангов, по Достоевскому, можно посредством укоренения в своем историческом опыте, в почве, которая дает человеку опору и желание преодолеть несовершенства окружающей его конкретной действительности. Отсюда происходит неприязнь писателя к абстрактной математизации сущего, когда человек и общество лишаются конкретных качеств

и сводятся к безликим числам, к элементарным расчетам. Абстрактные идеологи Раскольников и Лужин из «Преступления и наказания» как раз и утверждают, что устройство общества должно базироваться на арифметических подсчетах и статистике. Сам же Достоевский еще в юношеском возрасте писал отцу, что терпеть не может математики, поскольку она «без приложения — чистый ноль, и пользы в ней столько же, как в мыльном пузыре» [5, с. 48]. Отсюда понятно, что сведение национальной идеологии к процентам прироста ВВП или другим количественным показателям безосновательно.

Превращение людских масс в нумерологические знаки, в «чистые нули», по Достоевскому, происходит в наши дни под эгидой всеобъемлющей цифровизации. Создание нового поколения нейрокомпьютерных сетей формирует алгоритмы мышления и искусственные коды управляемого сознания. Цифровизация ведет к созданию нового кастового общества, на вершине которого «великие инквизиторы», хозяева денег и информационных алгоритмов, а в основании — не задумывающиеся о высоких вопросах массы, нажимающие указанные свыше кнопки в потребительском самодовольстве. К примеру, в проекте «Цифровая школа» введены так называемые индивидуальные траектории обучения, «персонализированные цифровые платформы», которые определяют место ребенка в будущей кастовой системе — род рекомендуемых и род нерекондуемых для него занятий. Искусственный интеллект как движущая сила становления кастового образования и кастового общества есть новая формула «Великого инквизитора» XXI в.

Вот как другой русский писатель — провидец Л. М. Леонов описывал мир, в котором интеллект безраздельно властвует над людьми. В обществе «с единым мозгом на острие» далее вниз «в порядке нисходящей значимости и все возрастающей численности размещена вся библейская номенклатура — младшие касты мудрецов, толмачей закона, наставников и судей, рядовой паствы и на самом дне бытия... безголосое и пустоглазое стадо подъяремной черни» [4, с. 581]. В свете изложенного современное значение приобретают пророчества Достоевского о всемирно-исторической миссии России, которая призвана спасти мир, о русском «народе-богоносце» и крестьянстве, носящем в себе образ Христа. Давно уже нет крестьянства, да и с народом-богоносцем в итоге не вышло, но именно Россия имеет ныне возможности действительно спасти мир от цифровой стерилизации, «от стрижки умов». Для облегчения тотального управления на базе искусственного интеллекта важно зачистить мир от «цветущей сложности» разнообразия, предельно упростить его, что мы видим сегодня в культуре, в экономике, в семейной и гендерной сферах. Россия, если она сохранит и продвинет традиционные ценности воспроизводства

жизни во всей ее полноте, убедит в красоте духовной благодати, семьи и любви мужчины и женщины, действительно спасет себя и мир.

Самодостаточная Россия и разворот в Азию. Идеология Достоевского базировалась на принципе независимой от Запада России, и более того, России, призванной разрешить все главные проблемы человечества. Россия должна быть готовой к военной защите своей цивилизационной миссии. В противоположность пацифистам Достоевский видел в войне трагический катарсис, очищение от мелкого мещанского самодовольства: «Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве и совершенно теряет способность к великодушным мыслям и чувствам и неприметно ожесточается и впадает в варварство» [5, с. 74]. Он полагал, что «тот не русский, кто не понимает, что Константинополь наш» [5, с. 74]. Достоевский даже высказывал мысль о том, что начало большой войны на Балканах должно дестабилизировать западноевропейскую экономику, вызвать революционное брожение в Европе, из чего Россия может извлечь выгоды [3, с. 124]. Оказывается, что в отношении внешней политики великий духовидец был вполне себе империалистом-государственником.

Достоевский полагал, что полностью отвернуться от «окна в Европу» России совершенно не нужно, но «с Европой, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали говорунами и лентяями!» [2, т. 20, с. 250]. Для возрождения российской энергичности необходим поворот в Азию: «А между тем Азия — да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем, — опять восклицаю это!.. Азия, азиатская наша Россия, — ведь это тоже наш большой корень, который не только освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело — вот что необходимо!» [2, т. 20, с. 249]. Далее писатель рассматривает значение железных дорог в качестве движущей силы российского продвижения в Азии. Геополитические взгляды Достоевского предвосхитили и теории евразийцев 20–30-х гг. прошлого века, и современные концепции российского разворота в Азию.

Таким образом, идеи Достоевского весьма актуальны для разработки российской идеологии XXI в. Обращение к духовным основам общественного бытия, к притягательной экзистенциальной силе национальных традиций, которая дремлет в каждом из нас, в условиях череды кризисов, вызванных патологическим самоуничтожением современного человека и общества, необходимо. Разумеется, подобные взгляды высказывали и другие знаменитые отечественные мыслители, почвенники, народники и славянофилы. Но Достоевский среди них — в первом ряду.

Литература

1. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 20 т. — М.: Терра, 1998–1999.

2. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972—1976.
3. *Карпи Г.* Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы / пер. с ит. 2-е изд., испр. — М.: Фаланстер, 2013.
4. *Леонов Л. М.* Пирамида. Роман-наваждение. В 3 ч. — М.: Издатель Андрей Ельков, 2018.
5. *Пачини Д.* О философии Достоевского: эссе / пер. с ит. М. Д. Зарецкой. — М.: Прометей, 1992.

Т. Н. ЮДИНА

РОССИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ И ТРАНСИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕЛЕОЛОГИИ, МЕТАФИЗИКИ И ФИЛОСОФСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОНЦЕПТА

Верою разумеваем...

Апостол Павел

Россия и россиеведение

Против России в настоящее время ведется гуманитарная, гибридная, идеологическая, информационно-цифровая, кибернетическая, этническая, экономическая и прочие войны. Наблюдается тенденция уничтожения России посредством *исторической неправды* и так называемой *постправды*.

Слова Н. В. Гоголя: «*Велико незнание России посреди России*» по-прежнему весьма актуальны, особенно сейчас, так как это «*незнание*» характерно для большинства граждан РФ, в том числе и ученых. Вместе с «незнанием» имеет место и *нелюбовь к России* множества соотечественников и несоотечественников, которая доходит до *русофобии* и даже «*христианофобии*» [9, с. 302], поскольку «Россия остается христианской» [9, с. 26], православной страной по-прежнему в контексте вероисповедного самопозиционирования большинства граждан РФ.

В настоящее время Россия имеет и другое наименование — Российская Федерация, хотя согласно Конституции 1993 г. «наименования Российская Федерация и Россия равнозначны» [2, с. 4]. На сакральном, мистическом, теологическом уровнях *Россия* — *удел Пресвятой Богородицы, подножие Престола Божиего, Новый Иерусалим, Третий Рим*. С этого определения как раз и начинается *метафизическое познание России*. Так, императрица Екатерине II сравнивала Россию со Вселенной, а ученый-энциклопедист М. В. Ломоносов позиционировал Россию как Небо. Поэт Р. М. Рильке писал, что все страны граничат друг с другом, а Россия — с Небом. В Гимне Российской империи (с 1833 до 1917 г.) звучали слова: «Боже, Царя храни!» Даже в Гимне РФ поется: «Одна ты на свете! Одна ты такая — хранимая Богом родная земля!» Это вполне соответствует тенденции святого апостола Павла: «*Верою разумеваем*».

Для понимания России отечественный ученый-энциклопедист Д. И. Менделеев начал разработку глобального проекта *россиеведения с «ключом Давидова»* [5], то есть *Божественного института Помазанничества* (библейского понятия из Апокалипсиса). Именно России необходима наука *россиеведение*, эссенциально раскрывающая ее глубинную сущность. Однако «ключ Давидов» оказался утраченным в силу мировоззренческой апостасии (отступничества), переформатирования сознания большинства российского народа в период революционного цивилизационного слома 1917 г. и убийства царя. Несмотря на появившиеся постреволюционные труды по *россиеведению* [7], по-прежнему без «ключа Давидова», как говорит Ф. И. Тютчев, «*умом Россию не понять*».

Согласно проекту *россиеведения* главы уникальной, единственной в мире отечественной школы философии хозяйства Ю. М. Осипова, Россия должна быть представлена и как идеология, и как трансисторическая идея.

Идеология и трансисторическая идея

«Идеи и идеологии имеет значение, а институты в решающей степени определяют, насколько велико это значение. Идеи и идеологии формируют субъективные ментальные конструкции, с помощью которых индивиды интерпретируют окружающий мир и делают выбор», — писал Д. Норт в своей знаменитой работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» [3, с. 143]. Имеется множество определений термина «идеология». Из них нами предпочитается то, что, согласно Толковому словарю живого великорусского языка академика В. И. Даля, *идеология* трактуется как «мыслесловіе, часть метафизики или психологии, рассуждающая о мышлении мысли» [1, с. 10], то есть она (идеология) означает «мыслить мысль». В. И. Даль идеалом идеологии считал следующее: «Мысленный образец совершенства чего-либо... первообраз, прообраз, началообраз... образец-мечта» [1, с. 10]. Само слово *идея* по Далю означает «умопонятіе», мысль, «замысль» и др. Продолжая уточнять понятие идеологии в контексте В. И. Даля и современности, следует ее позиционировать как совокупность взаимосвязанных идей, которые, во-первых, базируются на главных обобщающих положениях реального мира (не фейковых); во-вторых, представляют собой результат рецепирования субъекта(-ов); в-третьих, являются теми «зернами», из которых произрастают новые знания-размышления.

Как у С. Н. Булгакова в его знаменитом труде «Философия хозяйства» есть введенные им в научный оборот категории «экономика жизни» и «экономика смерти», так и идеологию следует разделять как на *идеологию жизни*, то есть *движения* к качественному развитию человека и челове-

ства со своим целеполаганием, социо-культурно-хозяйственного организма, так и на *идеологию смерти*.

Известно, что история без идеологии не существует. Религиозная (православно-христианская) идеология как идеология жизни была унаследована Россией от Византии вместе с принятием христианской государственности Древней Русью в 988 г. С тех пор теократический социум Руси-России (Великокняжеской Руси, Московского царства, а с 1721 по 1917 г. Российской империи) стал исполнителем воли Божией, носителем государственной православно-христианской религии-идеологии и преуспел в этом, явив миру великое множество святых людей. Положения о государственной идеологии фиксировались в следующих документах:

- 1) «Русская Правда» Великого князя Ярослава Мудрого и «Правда Ярославичей» трех его сыновей: князей Изяслава, Всеволода, Святослава, входивших в так называемый триумvirат Ярославичей (XI–XII вв.);
- 2) Соборное уложение 1649 г.;
- 3) Полное собрание законов Российской империи в 33 томах.

Действительно, с 988 по 1917 г. православно-христианская идеология в Государстве Российском выступала как государственная. Согласно Конституции РФ 1993 г. в России государственная идеология отсутствует, так как она не может устанавливаться. Нет и государственной или обязательной религии, поскольку она также не может устанавливаться. В ст. 13 Конституции Российской Федерации 1993 г. зафиксированы следующие положения об идеологии государства РФ: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [2, с. 7]. Статья 14 (п. 1) гласит: «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [2, с. 7]. Однако когда государство не имеет государственной идеологии, целостной, единой для всех стратегии развития страны вместе с ее народонаселением с его верою и менталитетом; народом, являющимся главным богатством страны по определению М. В. Ломоносова и Д. И. Менделеева, оно не может иметь будущего.

Россия как трансторическая идея. Исследуя Кубу (коабану) в контексте трансторической идеи, автор статьи пришла к выводу, что «импортированное на коабану католичество с его концептом социального служения трансформировало Кубу в трансторическую идею социальной (не божественной. — Ю. Т.) справедливости, которая воплотилась в своеобразной кубинской идеологии» [10, с. 36]. И далее: «Такая постановка цели (строительство социализма ради реализации справедливого распределения земных благ) показывает тупиковость кубинской социо-культурно-экономической модели при нерешенности хозяйственных проблем» [10, с. 36].

Россия же как трансторическая идея в отличие от Кубы — это идея Божественной Справедливости и Правды.

В сокровищнице отечественной экономической-домостроительной мысли и науки находятся труды И. С. Пересветова, И. Т. Посошкова, В. Н. Татищева, Д. И. Менделеева, В. А. Кокорева о правде, истине и справедливости, поскольку Русь-Россия формировалась как Царство Правды, Империя Богочеловека, а точнее — Священная Российская империя. По поводу правды как справедливости и истины И. Т. Посошкова написано подробно в «Новом Домострое...» [11, с. 221–223].

Россия как идеология и трансторическая идея: телеология

В классическом понимании с точки зрения вышеприведенного определения идеология является синонимом *телеологии* (учения о целесообразности, целеполагании) как онтологического учения, объясняющего эволюцию в мире посредством причин — целей. На самом деле идеология — это и жизнь, и движение: без движения к цели происходит остановка в качественном развитии государственного организма, запрет на движение вызывает смерть. Идеология-телеология вариативна. Она бывает религиозной или вне(без)религиозной (атеистической). В дореволюционной России имела место традиционная культурно-историческая религиозная идеология, когда ее идеологом является Творец.

Россия в вышеназванном контексте может быть позиционирована в качестве триединства традиционных духовно-нравственных ценностей, сформулированного тестаментарно (письменно) триумвиратом: А. С. Шишковым, С. С. Уваровым, К. П. Победоносцевым. Вот три модальных примера варианта триединства идеологий, сформулированных этими выдающимися государственными деятелями:

- *триединство А. С. Шишкова* (1754–1841), адмирала, министра народного просвещения, президента Российской Академии наук: *Вера, Царь, Отечество* [8];
- *триединство графа С. С. Уварова* (1786–1855), министра народного просвещения: *Православие, Самодержавие, Народность*;
- *триединство К. П. Победоносцева* (1827–1907), обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода: *Церковь, Царь, Царство* [6].

Представив триады-триединства Шишкова, Уварова, Победоносцева в информационно-идеологической матрице, получим следующий результат:

- по первой вертикали: *Вера, Православие, Церковь*;
- по второй вертикали: *Царь, Самодержавие, Царь*;
- по третьей вертикали: *Отечество, Народность, Царство*.

Затем, синтезируя полученные по вертикали новые триединства, получим:

- 1) *православная вера церкви;*
- 2) *царское самодержавие;*
- 3) *Отечество царского народа.*

Таким образом, в собирательной форме *российская традиционная идеология* предстает в следующем виде: *Отечество царского имперского народа*, а необходимым связующим элементом между ним и *православной верой церкви* является *самодержавный царь*, то есть *царское самодержавие* как институт. В лаконичном изложении дореволюционная идеология России звучала как *Бог, Царь, Россия*.

В послереволюционной России в результате цивилизационной ломки 1917 г. была провозглашена безрелигиозная, атеистическая идеология, ее идеологами была известная троица: Маркс, Энгельс, Ленин. В качестве идеологической цели был провозглашен коммунизм. Обе вышеприведенные идеологии являются *институциональными идеологиями*, под которыми подразумеваются «устоявшиеся и принимаемые социальным большинством идеологии» [9, с. 12], не являющиеся «доктринально завершенными», способствующие передаче ценностей как основы менталитета от поколения к поколению.

В настоящее время имеет место плюрализм идеологий на индивидуальном и корпоративном уровнях, можно говорить и о замусоренности *идеологического пространства* России.

В конце XX в. в России утверждается *либеральная идеология*, которая не является институциональной, не принимается социальным большинством, в результате которой «происходит легализация греха» [13]. О либеральной идее Президент РФ в интервью газете «The Financial Times» сказал, что она «изжила себя окончательно», «либерализм умер» [12]. Причина этого заключается в том, что «мир библейских ценностей несовместим с либеральной тиранией — легализацией грехов» [13]. А. В. Щипков в своей монографии «Вопросы идеологии» совершенно правильно констатирует факт, что «либеральная система ценностей все больше расходится не только с нравственными нормами, но и с объективной реальностью» [9, с. 301].

По данным исследования ВЦИОМа по случаю празднования в России Дня народного единства в 2019 г. респонденты отвечали, что «народного единства нет...», «каждый сам за себя» (30%), «народ живет в нищете» (21%) и «нет единой цели, идеи, патриотизма, сплоченности» (10%)» [14].

История качественного развития Государства Российского вместе с его народом, социо-культурно-экономическим ростом страны и домостроительством спасения связана с Верой Христовой православной. Ректор Московской духовной академии, архиепископ Феодор Поздеевский конста-

тировал, что «всегда в судьбах нашего Отечества нераздельно жили и шли вместе и Вера Христова православная и внешний рост и устройство государства. Вера Христова, как душа в теле, поддерживала и укрепляла тело целого Государства Российского» [13]. Он писал: «И возлюбил народ Русский Веру Христову и ревниво оберегал ее даже до неизменности в букве; возлюбил он и Правду Божию более правды мирской и искал ее в своих Правителях и Князьях; желал народ, чтобы и во всей жизни русской сияла Правда Божия и Вера Христова, и смиренно нес он труд и повинности на благо государства и не искал себе никаких других прав, кроме права хранить свою Веру да любить своего Государя, как поставленного Богом блюсти на земле Правду Божию и Закон» [13]. Этими словами он подтвердил верность слов апостола Павла: «Верую разумеваем», Россию можно понять верой. И вслед за Апокалипсисом «ключом Давидовым» открыл познание России через Богопомазанничество Царя — Государя. Россию можно понять-разуметь верою.

Качественное социо-культурно-экономическое развитие России возможно в контексте правой веры, идеологии и Государя как «поставленного Богом блюсти на земле правду Божию и закон» [13], который является Помазанником Божиим.

Россия как идеология и трансисторическая идея: метафизика

Автор статьи уточняет понятие *метафизики*: «Само понятие “метафизика”, происходящее от греческих слов *τὰ μετὰ τὰ φυσικά*, означающих “то, что после физики”, стало названием раздела современной философии, предметом которого является исследование “начала начал”, то есть первоначальной природы мира, основы бытия. Современное широко употребляемое ныне в философии хозяйства слово “метафизический” выступает синонимом слов идеальный, сверхчувственный, ноуменальный, то есть лежащий вне пределов феноменального» [10, с. 33].

Одно из названий России — Третий Рим. С точки зрения телеологии и метафизики можно представить новый предикатный (качественный) аспект России — Третьего Рима как идеологии и трансисторической идеи. Само понятие «Рим» означает, что он противостоит миру, во зле лежащему. Недаром апостол Павел писал, что «мир лежит во зле». Рим — это духовная сфера, в которой люди выполняют волю Божию, противостоят миру. Миссией Первого Рима было собирание народов и создание римского права. Миссией Второго Рима — Константинополя и в целом Ромейской империи Константинопольского периода стало духовное просветительство — «оглашение» прежде всего благодаря трудам трех святителей: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова. Миссией

России — Третьего Рима является становление Священной Российской империи прежде того, как оно вступит в иное качество бытия. На этом уровне познания России россиеведение трансформируется уже в *россиесофию* [4, с. 46–47]. Целостный концепт россиесофии Ю. М. Осипова находится в стадии разработки.

Россия как идеология и трансисторическая идея: новый философско-хозяйственный концепт

Новая концепция России, за которую ратует Ю. М. Осипов и его философско-хозяйственная школа, проводя ежегодные декабрьские международные конференции по России, — это *россиесофия* [4, с. 46–47].

Однако в теоретико-экономических арсеналах есть хорошо забытая и поэтому неосознанная старая, точнее, истинная философско-хозяйственная концепция домостроя и домостроительства, начала которой заложены автором данной статьи в ее труде «Новый Домострой» [11]. Есть возможность не только верою, но и концептом домостроительства разувемать Россию.

Выводы

1. В результате исследования «России и идеологии» автором были уточнены определения России, идеи, идеологии, телеологии, метафизики.
2. Россия как дореволюционная идеология позиционируется как православно-имперская.
3. Возможностью и способом познания России является «ключ Давидов», который «отворяет» понимание ее через институт помазанничества.
4. Россия как трансисторическая идея — это идея Божественной Справедливости и Правды.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2: И-О / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — М.: ТЕРРА, 2000.
2. Конституция Российской Федерации. — М.: Проспект, 2001.
3. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
4. *Осипов Ю. М.* Новый мировоззренческий прорыв — новая когнитивная революция // Россия: вибрирующие горизонты: монография по итогам Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. М. Осипова и др. — М.; Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. — С. 38–49.

5. Откровение. 3:7. URL: <https://www.imbf.org/propovedi-tekst/2011/fladelphia.htm> (дата обращения: 05.10.2019).
6. *Победоносцев К. П.* Великая лож нашего времени. — М.: АНО «Развитие духовности, культуры и нации», 2004.
7. Россиеведение. Отечественные исследователи: справочник / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; отв. ред. И. И. Глебова; сост. М. С. Пальников, В. И. Плюшев, О. В. Хмелевская. — М., 2014. URL: http://inion.ru/site/assets/files/2614/rossievedenie_spravochnik_2013_text.pdf (дата обращения: 25.10.2019).
8. *Шишков А. С.* Разсуждение о любви къ Отечеству. «Чтение въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова». Книжка пятая. — СПб.: Въ Медицинской Типографіи, 1812. — С. 3–54 // URL: http://lib.russportal.ru/index.php?id=authors.shishkov.shishkov1812_05_0001 (дата обращения: 01.11.2019).
9. *Шипков А. В.* Вопросы идеологии: монография. — М.: Абрис, 2018.
10. *Юдина Т. Н.* Современная Куба в контексте геоэкономики, геополитики, геоидеологии и трансгрессии (метафизика коабаны) // Теоретическая экономика (Ярославль: Изд-во «Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ярославский государственный технический университет»). — 2019. — № 8 (56). — С. 31–39.
11. *Юдина Т. Н.* Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России: монография. — М.: ТЕИС, 2015.
12. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2019/10/11/zarozhdenie_liberalnoi_tiranii. (дата обращения: 11.10.2019).
13. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2019/11/02/dom_stroyawiisya_na_peske- (дата обращения: 04.11.2019).
14. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2019/06/28_e_12459667.shtml- (дата обращения: 04.11.2019).

ИДЕОЛОГИЯ КАК СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Вряд ли существуют основания сомневаться в том, что сегодня и в России, и в Европе существует серьезный общественный запрос на разработку новых идеологических подходов, обращенный к академической науке. В последние годы представители западной финансовой и политической элиты — президент Давосского всемирного экономического форума К. Шваб, президенты Римского клуба Э. Вайцеккер и А. Вийкман — открыто говорят об исчерпанности капиталистической модели развития, несоответствии ее институтов требованиям времени. По этому поводу в начале 2018 г. Римский клуб представил общественности доклад «Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» [28].

Запад отчетливо осознает потерю своей гегемонии не столько из-за проблем экономики, сколько из-за ощущения краха своего миропорядка как системы ценностей. Запад растерян, он погряз во множестве острых противоречий и неразрешимых внутренних конфликтов — от правил торговли и военного сотрудничества до принципов полового воспитания детей. Поскольку западная либеральная цивилизационная модель в последние десятилетия была доминирующей в мире, то верной характеристикой множества сложных проблем современности следует считать мировой системный культурно-цивилизационный кризис, о способах выхода из которого только начинают говорить политики, при этом голос академической науки пока почти не слышен [13; 14; 24].

Между тем и политики, и представители академической науки признают, что ни суровая критика существующего положения дел, ни общие гипотезы о направлении предстоящих перемен не способны заменить выработки остро необходимой новой модели социально-экономического и культурного развития современного общества, имеющей не просто целостное и конкретное содержание, но и качественную теоретическую (в том числе идеологическую) основу, позволяющую с высокой вероятностью прогнозировать основные направления и проблемы развития общества в среднесрочной перспективе.

Считают, что термин «идеология» был введен в XVIII в. А. де Траси, который в идеологии видел систему знаний, составляющих основу морали, политики, права [7]. Анализ литературы, посвященной развитию идеологических систем, показывает крайнее разнообразие взглядов на проблему.

По К. Марксу, идеология — лишь превратное мировоззрение, возникающее вследствие материальных противоречий в производственных отношениях, которое выражает интересы определенного класса, но выдается за интересы всего общества [18]. Однако большинство исследователей и специалистов придерживаются иного мнения. Возникнув как понятие социальной науки, идеология вскоре стала важным инструментом политической борьбы за умы людей; она используется в оценке концепций, имеющих отношение к формулировке целей или программ социальной деятельности, направленных на изменение или сохранение существующих общественных отношений [6].

Современным обществом отчетливо осознано мощное информационно-психологическое влияние идеологических принципов, приемлемых для властных элит или их оппонентов, которые формируют социальные установки населения даже в условиях объявленного отсутствия в стране единой государственной идеологии и идеологического аппарата (А. Зиновьев). Сегодня различные идеологии стали одним из важнейших инструментов политического противостояния государств и культур. Идеология не ограничивается интеллектуальными концепциями, но охватывает многие сферы общественного и индивидуального сознания — «от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении, вне зависимости от того, истинны эти представления или ложны»; идеологичность определяется оценочно-ориентирующей функцией сознания, которая направлена на сохранение или изменение действительности [10]. Этические основания идеологии подчеркивал еще А. С. Макаренко [11]. Таким образом, сложность определения понятия «идеология» отражает ее обширную многофакторность, которая проявляется в индивидуальных и коллективных аспектах социального мировоззрения.

При рассмотрении бытия сложных, определяемых огромным количеством факторов сущностей и явлений мира современная наука использует возможности системного подхода [3; 4; 12; 25]. Он предполагает ряд последовательных аналитических действий. Первый этап — выделение уровней организации системной сущности. Второй этап — нахождение уникальных, системообразующих качеств исследуемого предмета как в целом, так и на каждом из уровней организации системы. На третьем этапе описываются основные факторы, характеризующие выделенные уровни изучения сущности. Выполнение перечисленных действий позволяет отчетливо увидеть закономерности статики бытия изучаемого предмета. Для прогнозирования вариантов развития исследуемого «явления бытия» мы используем возможности «системной диалектики» софиасофии [14; 15] и принципы теории системного оптимума развития (ТОР), которая разрабатывается нами с 80-х гг. XX столетия [19; 24]. Развивая базовый философский принцип диалектики (более ориентированный на статику

сущностей в бытии), мы ввели принцип «бинарной комплементарности» (БК), которая динамична по своей природе, она описывает взаимодействие исходных сущностей, рождающих в динамике взаимодействия систему (сущность) более высокого порядка. Динамика БК имеет отчетливую траекторию движения в будущее, представленную синусоидой (при выборе двухмерного пространства) или спиралью (в трехмерном). Примеров тому в точных науках множество; так, например, график движения переменного электрического тока выглядит как синусоида, а молекула ДНК — как спираль. Названные сущности черпают энергию движения из противостояния противоположностей: (+) и (–) полюсов, или двух по свойствам противоположно-дополняющих азотистых оснований в коде ДНК. *Наличие «градиента», различия свойств противоположных сущностей, взаимодействующих внутри системы и (или) с нею извне, является универсальным условием бытия; этим рождается энергия движения и развития отдельных сущностей, мира в целом.* Без существования противоположностей мир будет однороден, лишен сущностей, энергии, движения, перейдет в состояние «небытия». С позиций христианства начало мира — разделение: «На первый день Бог создал небо и землю... и отделил свет от тьмы». И далее творение выглядело как процесс разделения сущностей по свойствам (Быт. 1:1–2:3). Динамичность и антидогматизм рационального познания входят в число базовых постулатов и софиасофии, и ТОР; теоретические догмы в познании общих и частных принципов бытия всегда страдают односторонностью и косностью.

К числу универсальных, всеобщих законов бытия относится и принцип «фрактальности» — подобия производных, общих и частных законов бытия — всеобщим законам мироздания [9]. Давно установлено, что мир существует в процессах перемен и развития (усложнения); кроме того, в науке есть целое направление исследований, именуемое «телеологией» (суждение о «заключительном», «совершенном»), которое представляет собой онтологическое учение, объясняющее развитие в мире с помощью конечных, целевых причин. С этих позиций ставится задача поиска рационального ответа на вопросы — «Зачем?», «С какой целью?».

С этого момента нашего изложения неизбежным становится сопоставление двух подходов в понимании бытия мира — религиозного (веры в дарованную свыше «Истину», откровение) и рационального (признания истиной лишь того, что найдено разумом человека). Долгое время, практически до XX столетия от Рождества Христова, эти направления познания многими мыслителями считались почти взаимоисключающими, но подобные взгляды практически ушли в историю. Общепризнанному авторитету — А. Эйнштейну принадлежат слова: «Наука без религии хрома, религия без науки слепа» [26]. В русской религиозной философии (А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и др.) проб-

лема соотношения интуитивно-мистического (религиозного) и рационального (философского) способов познания мира, рождавшая конфликты еще в эпоху Средневековья (конфликт патристики и софистики), нашла гармоничное решение. Взаимосвязь Замысла Абсолюта о мире, выраженном в представлениях о Софии Божественной, и деятельности, человека, как части Софии тварной, сформулировал профессор факультета экономики Московского университета, богослов и священник, создатель теории философии хозяйства С. Н. Булгаков. Он воспринимал мир как тварную Софию, которая отличается от Божественной Софии бытием в становлении, считая, что история осуществляется на путях человеческого творчества, внутренняя сила которого содержится в энергии тварной Софии. София тварная, соединяясь с Софией Божественной, просвечивает в мире как разум, как красота, как хозяйство и культура. «Художник не только зрит Софию умными очами, но послушным резцом являет миру свое видение» [5, с. 228]. Идея соединения духовного (сердечного) и научного (рассудочного) начал в познании мира сегодня воспринимается как плодотворная почва для выработки конкретных моделей жизни современного общества и, в еще большей степени, общества будущего. По существу, в этой идее отражен конструктивный принцип (универсальный закон) гармонии, реализующейся через механизм «бинарной комплементарности».

Следующей проблемой в понимании направления и сути развития общества как части мировых процессов является вопрос о смыслах бытия, то есть о содержании, о главных, системообразующих аспектах развития человечества. При исследовании сложных сущностей ТОР использует многоуровневый и многофакторный подход, учитывающий также особенности времени, эпохи их развития — от высших и долгих процессов бытия мира до актуальных задач отдельного человека, малой или большой социальной общности. Макроисторический анализ показывает, что развитие человека происходит в направлении увеличения масштаба общностей: семья — род — племя — народность — народ — государство — империя — государственные союзы — глобальное и историческое человечество. Кроме того, в ходе развертывания истории возрастает сознание и знание человека о себе и мире (структура слова «со-знание» показывает, что это совместное, то есть социальное знание). Социальность — один из главных источников могущества человечества; одинокий человек слаб в сравнении со множеством сил, уже поставленных им под контроль в процессе социального развития. Современный «большой социум» (общество, человечество) — это та система высокого уровня, которая, включая в себя человека и малые социумы, не только подчиняет его своим общим и частным законам, ограничивая его произвольные действия, но и вознаграждает гораздо большими обретениями. *Возрастание и усложнение социальности — общий закон развития человечества. Это — одно из проявлений всеобщего закона со-*

хранения и усложнения связей всех существей (систем) быстро развивающегося (усложняющегося) мира. Большие системы в отличие от малых имеют гораздо большие возможности обратной связи с Абсолютом.

Развитие социальности в истории в разных культурах и государствах имеет как общие, так и различающиеся принципы. Констатация этого факта требует разделения общих законов социального развития и частных тенденций, способных выглядеть как закономерности, но при ошибочном их понимании, переоценке часто порождающих иллюзорные цели и способы бытия. В ТОР впервые были разделены факторы, мотивирующие поведение человека: «смыслы» (долгие и сверхдолгие цели развития, малодоступные восприятию человека) — «потребности» (среднесрочные цели развития, реализуемые в течение жизни, частично осознаваемые на уровне обыденного сознания) — «влечения» (короткие, в основном инстинктивные импульсы мотивации). В качестве главного смысла бытия человека и человечества ТОР определяет Бытие в Будущем, остальные цели носят производный характер. Реализация системы смыслов бытия достигается при условии гармонии, соответствия действий человека всеобщим и общим законам бытия, процессам развития мира. В ТОР это соответствие называется «скользящей гармонией развития». Результативность такого сложного соответствия измеряется числом поколений потомков человека и человечества в будущем (проспективное единство всех поколений рода, человечества). Это рациональный вариант бессмертия в цепи бесконечных обновлений (миф о птице фениксе). Если рассмотреть религиозный вариант интерпретации идеи бессмертия, то он тоже устремлен в будущее, однако в нем отчетливо говорится о бессмертии отдельного «спасенного» индивида и его возможной встрече с представителями прошлых поколений (ретроспективное единство рода, человечества). Однако принципиальных различий в рациональном и мистическом взгляде на проблему смыслов бытия и бессмертия в указанных подходах немного. Смыслы среднего уровня, потребности человека достаточно понятны — это образование, семья, карьера, творчество, комфортные условия жизни, сохранение здоровья. Смыслы первого уровня — влечения и страсти — прекрасно описаны не столько наукой, сколько преданиями, сказками и литературной классикой. Идеология завтрашнего дня должна предусматривать не однобокие цели осуществления преимущественно материальных, социальных или духовных стремлений человека, а гармонию реализации трех уровней смыслов бытия [19, кн. 1, гл. 1].

Исторический процесс формирования и развития социального мировоззрения проходит три последовательных этапа: мифологические представления — религия — наука; в разной степени они представлены в современном общественном сознании. Несложно заметить, что в таком развитии отражены две стороны роста: расширение масштабов познаваемого

мира и расширение возможностей рационального познания мира человеком. В истории познания эти процессы отразились в таких переходах: от обожествления сил природы — к языческим богам — монотеизму — расцвету религии как универсального знания — возрастанию знаний человечества, полезных для роста благосостояния, комфорта и военного могущества, — отрицанию религий и Бога как архаичных и непродуктивных форм познания бытия — современному когнитивному хаосу, выявляющему недостаточность только рационального взгляда на мир. Современная наука не берет на себя ответственности за четкий ответ на ряд принципиальных вопросов. Как появился, какими процессами был рожден мир? Для чего наш мир был создан? Как мир стремится к реализации конечной (?) цели? Какова и насколько долговечна в развитии мироздания роль человека, быстро возрастающего сегодня в своем влиянии на могучие энергии мироздания? Наука выдвинула гипотезу о «Большом взрыве» как начале существования Вселенной, но при этом она ничего не может сказать о его причинах и дальних следствиях. Впрочем, и религия дает ответы на многие, но далеко не на все вопросы; не случайно то, что сегодня почти нет ярких, известных всем теологов, их слава во многом принадлежит прошлому.

Как ТОР отвечает на вопрос о роли трансцендентного бытия, выходящего за пределы нашего познания, основанного на чувственном опыте? На приведенном ниже фото (рис. 1) зафиксировано явление *мурмурации* (лат. *murmuratio* — «ропот», «бормотание», «ворчание») — динамического перемещения, «танца» отдельных особей в большой стае птиц (в «большой системе»); название этому явлению было дано из-за звуков, которые издают (например, скворцы) при большом их скоплении.

Рис. 1. Мурмурация

Понятно, что ни одна из особей стаи не способна произвольно создать столь сложную и динамичную систему; есть силы, законы, которые стоят выше намерений малых, взаимодействующих через отдельные сигналы систем, которыми является каждая из птиц в стае. Памятуя о фрактальности законов мироздания, можем ли мы отрицать, что и таким замечательным системам, как «человек отдельный» и «общество», приходится подчиняться «высшим силам», которых мы не знаем, которые не даны нам (по ленинскому определению) «в ощущениях». *Давно известно — то, что мы не ощущаем, не равно тому, чего не существует.* Сможем ли мы со временем постичь законы мурмурации? Вполне вероятно. Но кто гарантирует человеку современности, что со временем он познает все законы бесконечной Вселенной, лишив ее трансцендентности? Слияние человека и Вселенной в перспективе прогнозировали русские космисты [17]. Однако путь к этому далек, тернист, а результат действий не гарантирован; опираться человечеству с позиций рационализма приходится на свои собственные силы и разум. Сегодня совершенно ясно, что ноосфера, знание людей о человеке и мире несоизмеримо меньше грандиозной системы, называемой мирозданием. Но марксисты были правы, когда обращали внимание на отражение как на способ познания мира. Впрочем, они лишь предлагали материалистическую версию гегелевского представления о «рефлексии», где Абсолютная Идея рефлектирует себя, отражаясь во внешнем, предметном мире [8]. Синтез интуитивно-мистического и рационального подходов в познании означает возможность в перспективе не прямым, а все более опосредованным способом отражать сущность мира, опираясь на надежную основу — его универсальные (духовные) и нравственные (социальные) законы и смыслы; задолго до возникновения современной науки они были хорошо описаны мировыми религиями, которые опираются не только на сферу сознания, но и на область индивидуального и коллективного бессознательного (что несколько не противоречит взглядам современной науки). ТОР утверждает, что возможности интуитивного и мистического познания огромны, поскольку они опираются на бесконечный филогенетический опыт отражения мира человеком, память о его состояниях на всех этапах метаисторического существования — от систем простейших, еще не биологических, до современных масштабных систем — социальных и духовных.

В последнее время наука (в том числе ТОР) начинает уделять больше внимания подсознательным, эмоциональным инструментам познания мира. Речь идет об «интуитивном» предвосхищении будущего (синтез сознательных и бессознательных механизмов отражения реальности), важном в обыденной жизни. Еще более значим феномен «экстаза» (выхода за пределы обыденного сознания, сверхсосредоточения на сути бытия) — положительно окрашенный аффект, высшая степень восторга и вооду-

шевления, а также другие трансовые состояния (гипнотическое, катарсис, эйфория, сатори, нирвана и др.), важные для постижения масштабных законов бытия [27]. Совершенно не случайно, что «трансовые состояния» и «трансценденция» — слова одного корня, означающие выход за пределы повседневного бытия, доступного простому сознательному опыту, не связанному с предельным эмоциональным напряжением. Созерцание истины и экстаз свойственны молитвенному общению человека с Богом, результатом которого является более тесное соединение с Ним. Экстаз — высшая форма молитвенного состояния и нравственного совершенства. Духовным созерцанием называется деятельность, заключающаяся в божественном размышлении и в постоянной молитве; на высшей ступени созерцания наступает особое духовное состояние, которое называется у святых подвижников «умным созерцанием», «духовным зрением», «ведением», «умным видением», «изумлением» и «высшим видением». Такое молитвенное состояние понятно только тому, кто пережил его; рядовому человеку, знающему только земное «блаженство», представить это невозможно [16]. Нельзя забывать и о том, что стержнем любой современной культуры и сегодня являются религиозно-мифологические системы; с точки зрения ГОР жесткое разделение познания на рациональное и интуитивно-мистическое — большая условность.

Таким образом, идеология представляет собой многоуровневую мировоззренческую систему, синтезирующую все уровни смыслов бытия (от материального, бытового и социального до философского и метафизического); она представляет собой этический кодекс индивида или социума. ГОР отмечает серьезное влияние психологического типа человека [19, кн. 2, с. 169–190] на выбор своей идеологической системы, индивидуального способа бытия [1].

Основным противоречием современной социальной истории стало противостояние как культур, так и соответствующих им цивилизационно-идеологических систем России и Запада. Это противостояние молодой культуры России — соборно-духовной, ориентированной на гармонию смыслов жизни, с высокой ролью духовно-нравственных принципов, долгосрочных смыслов бытия и крайне одряхлевшей, стремительно регрессирующей цивилизации Запада, нацеленной почти исключительно на короткие, материальные, индивидуальные смыслы жизни, достижение которых почти не ограничено нравственными и духовными правилами, объявленными субъективными и относительными. Эта цивилизация представляет собой распадающуюся социальную общность людей, которые слепы, ибо не видят долгих смыслов бытия, не видят будущего. Запад создал общество, где вместо защиты высоких прав человека созданы условия для защиты извращенных прав примитивных эгоистов. Такое общество «рабов Цирцеи» своими «ценностями» воинствующего

эгоизма и примитивизма смыслов жизни способно оттолкнуть от себя любого гармоничного и думающего человека. Суть современного «либерализма» — недальновидный эгоизм, его главные инструменты воздействия — ложь и насилие. Это общество прошлого. Н. А. Бердяев выводил истоки русского коммунизма из православия, их стремления народа создать не «царство индивидуальной свободы», а «царство общей справедливости, правды» [2]. Выдающийся русский педагог А. С. Макаренко писал: «Жажда покоя и сытости во все времена заставляла людей забывать великое. Когда человек к этому не привязан, то и решения по жизни он принимает, руководствуясь не узким обывательским мирком...» [11, с. 4–7].

Загадочная для мира душа России, ее трансцендентный Замысел в истории человечества, проявленные, как и многое новое, на границе двух старых систем — культур Запаदा и Востока, есть метафизическая данность современности. Ее историческое культурно-цивилизационное развитие привело к рождению на пороге третьего тысячелетия новой, софисофской философско-хозяйственной концептуальности, в том числе новой идеологической модели гармоничного социально-экономического и культурного движения в будущее на основе теории оптимума развития [21; 19, кн. 2, гл. 6]. Эта модель прошла апробацию на заседаниях Международной академии организационных наук (ЦЭМИ) в 2012 г. и Академии философии хозяйства (экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова) в 2019 г., получив общее одобрение. Первые публикации концепции состоялись в начале 90-х гг. XX в. [20; 22; 23]. Ход событий в новейшей истории страны подтвердил прогностическую значимость концепции.

Литература

1. *Айзенк Г., Айзенк М.* Исследования человеческой психики / пер. с англ. А. Озерова. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
3. *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. — 1978. — № 8. — С. 39–52.
4. *Богданов А. А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. — М.: Экономика, 1989.
5. *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994.
6. *Гуторов В. А.* Современная российская идеология как система и политическая реальность // Политические исследования. — 2001. — № 3.
7. *Де Траси А.* Основы идеологии. — М.: Академический проект, Альма-Матер, 2013.

8. *Майданский А. Д.* Эстетика Михаила Лифшица и современность: лекция для Aleksanteri Institute Cultural Forum, 2010.
9. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. — М.: Институт компьютерных исследований, 2002.
10. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени / пер. нем. и англ., 1994.
11. Мысли, идеи, принципы в современном образовании: сб. докл. республиканских Макаренковских чтений. — Абакан: РИО ХРИПК и ПРО «РОСА», 2007.
12. *О'Коннор Д., Макдермотт И.* Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. — М.: Альпина Паблишер, 2011.
13. *Океанский В. П.* Будущее России сквозь кризисы цивилизаций // Мировая скорбь как показатель заката культурно-цивилизационного цикла: сб. материалов конференции / науч. ред. проф. В. П. Океанский. — Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013. — С. 6–15.
14. *Осипов Ю. М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. — М.: ТЕИС, 2016.
15. *Осипов Ю. М.* Софиасофские тетради. (Не)Ученые записки. — М.: ТЕИС, 2017.
16. *Пелипенко А. А., Хачатурян В. М.* Экстатические ритуалы, техники и временные изменения субъекта в религиозной истории // Субъект во времени социального бытия. — М.: Наука, 2006. — С. 568–586.
17. Русский космизм: антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. — М.: Педагогика-Пресс, 1993.
18. *Семигин Г. Ю.* Идеология // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 2010.
19. *Шелкопляс Е. В.* Введение в теорию оптимума развития: принципы, анализ социальных процессов, образ будущего: монография. В 2 кн. — Иваново, 2018. Кн. 1: Общие принципы теории оптимума развития. Кн. 2: Образ будущего в культурно-исторической динамике: духовный, социальный, нравственный и личностный аспекты.
20. *Шелкопляс Е. В.* Деньги, собственность и массовая психология. — Иваново: Ивановская государственная медицинская академия, 1996.
21. *Шелкопляс Е. В.* Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии. Материалы к докладу на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства. Центральный экономико-математический институт. Москва, 2012. — Иваново: Юнона, 2012.
22. *Шелкопляс Е. В.* Программа самой благозвучной партии России — Партии Умеренного Прогресса. — Иваново: Иваново-Вознесенск, 1998.
23. *Шелкопляс Е. В.* Психология российских реформ. — Иваново: Ивановская государственная медицинская академия, 1993.
24. *Шелкопляс Е. В.* Революция смыслов как условие рождения общества социальной гармонии // Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: сб. материалов по итогам Междунар. науч. конф., 20–22 сентября 2012 г. / под общ. ред. Е. В. Шелкопляса. — Иваново, 2013. — С. 40–129.

25. *Щедровицкий Г. П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок. В 3 т. Т. 2. — М.: Наука, 1981. — С. 193–227.
26. *Эйнштейн А.* Эйнштейн о религии. — М.: Альпина нон-фикшн, 2010.
27. *Hoffman K.* The Trance Workbook: understanding & using the power of altered states / translated by Elfie Homann, Clive Williams, and Dr. Christliebe El Mogharbel; translation edited by Laurel Ornitz, 1998.
28. *Weizsaecker E. von, Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ИДЕЯ — РОССИЯ — ИДЕЯ

Удалось или нет, а может — почти и удалось, как и почти не удалось, разрешить сей монографией, пусть и на первых подступах, великую проблему идеологии России, но кое-что обозначить на пути такого разрешения все-таки, надо полагать, удалось — и не только привлечь внимание к фактически сакральной проблеме, но и кое-что дельное в ее пользу сказать. Проблема есть, и ею надо заниматься мыслящим, признающим Россию своей Отчиной, любящим ее как свою Родину, желающим ей текущего и стратегического добра сынам и дочерям России. И дело тут не так в самой по себе проблеме, ее вроде бы неразрешимости, как в слишком разных пониманиях России, точнее — не в очень-то принятом в стране обращении к России как именно к России — не к стране по названию «Россия», а именно к России как идейно-смысловому феномену, хотя даже не любящий Россию, а то и ее ненавидящий и даже презирующий россиянин по принадлежности к *этой стране* прекрасно сознает, что он не европеец в западном варианте, не азиец в азиатском смысле, даже и не какой-то там евразиец, а именно россиянин, русский, во всяком случае *такой*, а не какой-то другой, *наш*, хоть он вроде бы и «не наш», в общем — по-российски особенный, России так или иначе свойственный.

Россия в каждом россиянине, даже и в пришлом, но в России пожившем, хотя не каждый коренной россиянин сидит в душе, уме, эгрегоре России. И ежели взять органичного России россиянина, то в сердцевине его экзистенциальной идеологии не что-нибудь, а... *Россия*, Россия как таковая, которая, собственно, и есть *национальная идея России*, но не как название страны, а как — этой страны — идейно-смысловая суть.

Все идейно-смысловое российское сплетается в этом не слове даже, а в экзистенциальном понятии, агрегативно-соответствующем одноименному бытийно-историческому, вполне и субъектному феномену.

Вот почему тут «Идея — Россия — Идея», как выше было «Россия — Идеология — Россия», ибо, размышляя об идее и идеологии России, никуда от России как средоточия и кладезя органичных ей смыслов не уйти!

Ю. М. Осипов

Научное электронное издание

РОССИЯ И ИДЕОЛОГИЯ
(опыт практического
философско-хозяйственного концептуализма)

ISBN 978-5-906932-43-3

9 785906 932433